

МОСКОВСКИЙ ДОМ
Современная поэзия и проза

ЗАМКНУЛСЯ КРУГ

МОССАЛИТ
2019

УДК 82-3.161.1
ББК 84 (2Рус)6
М52

ISSN 2078-0230

**Издательский проект «Московский Дом»
Московского салона литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru**

Предисловие
Ольга Грушевская

© Московский салон литераторов, 2019
© Авторы сборника, 2019

Вместо предисловия

В течение жизни мы постоянно решаем множество задач, ставим перед собой разнообразные цели – от будничных до самых высоких. Цель – потаенное желание человека, движущая сила в попытке вырваться из обыденности. И каждый период жизни привносит свои коррективы в эти желания.

В результате вся наша жизнь есть своеобразное стремление к достижению целей, а палитра путей, которые мы выбираем, разнообразна.

В рамках юбилейного, десятого выпуска «Московского Дома» мы хотим поговорить о целях и путях, но не об их разнообразии – кто к чему стремится, что и как достигается, – а о философской подоплеке этой неразрывной цепочки путь – цель, где иногда ее составляющие меняются местами.

Так что же в жизни важнее: достижение цели или все же сам путь, в течение которого так много всего происходит, что даже цель может кардинально поменяться? Порой, ясно определяя свои задачи и цели и выбирая средства их достижения, мы начинаем движение, которое готовит массу неожиданностей. Это новый опыт, знания, новые встречи, взлеты и падения, удачи и провалы, радости и разочарования – все это может так сильно повлиять, что прежняя цель вдруг покажется неверной и сформируется что-то совершенно иное, основанное на произошедших изменениях личности.

А бывает и так: мы знаем, чего хотим, и уверенно идем в этом направлении, а достигнув, испытываем разочарование, тоску, а иногда и вообще отказываемся от достигнутого.

Может быть, именно путь обнажает наши истинные мечты и цели?

Мы приглашаем наших авторов поразмышлять над поставленной темой и попробовать ответить на вопрос: что же важнее, цель или путь к ней?

Ольга Грушевская

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Сергей Ворошилов	6
Никита Брагин	16
Юлия Сорокина	19
Ольга Уваркина	27
Анна Народицкая	37
Евгений Агуф	48
Виктория Смагина	55
Зинаида Кокорина	63
Мария Панфилова	69

ПРОЗА

Игорь Бурдонов	79
Проблема огіева	81
Картина в технике се-и	90
Великий тайный писатель	100
Мари Веглинская	107
Мимолетности	108
Микаел Абаджянц	116
Приговор Левону Шириняну	117
Кресло великого писателя	120
Схватка	123
Белая броня	125
Последний миг	129
Белая башня	136

Ольга Грушевская	142
Шишел-Мышел	143
Игорь Колесников	170
Снежный пес	171
Ольга Дёмина	178
Происшествие	179
Утро без меня	183
Forte и piano	184
Марí Ардá	186
Эшафот	187
Хлебушек	190
Сегодня ему сорок	194
Почему он так дышит?	196
Елена Галустова	200
Витек	202
Иринка	212
Дмитрий Чарков	232
Сжигая пред собой мосты	234
Юлия Сорокина	254
Пустое сердце	254
Опасный возраст	260
Цвет одиночества	262
Наталья Пунина-Орлова	270
Письма от...	272
Алексей Казарновский	297
Луна 777	298

ПОЭЗИЯ

Сергей Ворошилов

*...Путей у человека много,
свой путь у каждого в судьбе.
И жизнь – не ровная дорога,
сродни она моей тропе...*

Родился в деревне Лопатино Московской области. Большая часть детства и юности прошла в подмосковном селе Хатунь. Потом переехал в Архангельск, где учился в Архангельском лесотехническом институте. В 1976 году по распределению переехал в Карелию, в Петрозаводск.

Работал инженером-механиком, ведущим конструктором, окончил аспирантуру, защитил диссертацию, получил ученую степень, удостоен почетного звания «Заслуженный изобретатель Республики Карелия».

Увлекаюсь охотой, рыбалкой, спортом, люблю путешествовать.

Публикуюсь в альманахах, сборниках, периодике.

В 2018 году издан сборник стихов «Под знаком тишины».

Публикуемое стихотворение «Ноябрьская тропка» заняло 1-е место в номинации «Поэзия» конкурса «Пути и цели», организованного МСП «Новый Современник» и МОССАЛИТом в 2018 г.

Ноябрьская тропка

Эх, охота, ты, охота...
Опрокинутая тишь.
Отражается болото
в глади озера Кути́ж*.
День ноябрьский на исходе,
а еще шагать-шагать
узкой тропкой по угодьям,
сапогами меря гать...
Освещает вполнакала
низкий солнечный фонарь
старый бор, где снег подталый
вышил крестиком глухарь.

Солнце прыгает меж сосен:
после вспышки – полумрак.
Торопливо прячет осень
день приплюснутый в овраг...
Рюкзачок мой тянет плечи,
став подобием горба.
Но идти еще далече
до распадка, где изба.
Заждались давно мороза
и болота, и боры.
На пригорке – три березы:
три подружки, три сестры.

И зачем топчу я мили?
За какие калачи?
Глядь!.. Березки облепили
черной тучей косачи.
Вот картина, так картина!..
Стой, любуйся, не дыши!
Превратилась вмиг рутина
в светлый праздник для души.

---

* Кути́ж, Кутижозеро – озеро в Пряжинском районе Карелии.

Улыбаюсь... Мне порошей
веселей теперь идти,
будто я с дружкой хорошим
повстречался на пути.

Зверобой

Порой скитаюсь путником слепым,
ища давно остывшее кострище.
Вдруг память детства, чуткий следопыт,
толкнет в плечо, шепнув: «Проснись, дружище».

И я иду охотничьей тропой
в таежный край, где утро дарит запах
травы с названьем звонким «зверобой»,
где краснокож закат в еловых лапах.

Я постигаю певчих птиц молву,
следы зверей читаю в хмурой чаще.
Я капелькой природы здесь живу,
я часть ее, а значит – настоящий.

Легка следов веселая строка.
За строчкой строчка оживает книжка.
Последним из пропавших могикан
живет во мне проснувшийся мальчишка.

Разбит бивак у пенистой реки,
текут, бурлят эпохи и народы.
Сквозь дым столетий пляшут огоньки,
и лунная пирога режет воду.

Врастаю в чудо, данное Творцом.
Прошу послать удач, тропы и брода...
И чье-то улыбается лицо
в бесчисленных веснушках небосвода.

* * *

Закончена дорога,
терниста и длинна,
и смотрит недотрогой
из леса тишина.

Замри, затихни, вечер,
и не звени, струна.
Я так мечтал о встрече
с тобою, тишина.

Здесь камышей качанье,
здесь робкая волна.
Как радостно молчанье
с тобою, тишина.

Здесь лес стоит высокий,
туманов седина.
Я пью, хмелея, соки
покоя, тишина.

Ты вьешься дымом тонким,
воздушна и стройна.
Ты – хрупкая девчонка,
Ты – фея, тишина.

Присядь ко мне украдкой,
побудь со мной до сна
и нашепчи мне сладко
о милой, тишина.

О том, как светом шалым
нас кутала луна,
как ночи было мало,
шепчи мне, тишина...

* * *

Не сердись, я опять ухожу
на свиданье с загадочным миром.
Ждет рюкзак, что похож на баржу,
неразлучную с братом-буксиром.
В нашей маленькой спальне темно.
Но твой сон норовя потревожить,
лунный свет просочился в окно,
освещая горячее ложе.
Хитрый луч к твоим жметя ногам
и украдкой, как вор-одиночка,
пробирается к милым губам,
невесомо скользя по сорочке.
Пусть срывает с луны паранджу
обезумевший ветер осенний...
Ангел мой, я тебя не бужу,
лишь нагие укрою колени.
Я вернусь через день или два,
просмоленный ночными кострами.
Мне подскажет природа слова,
что ещё не сказались меж нами.
По крупицам тебе соберу
первозданной любви отголоски...
Не ревнуй же меня поутру,
я ушел слушать шепот березки.

* * *

Одинокий пустырь. Жжет костры иван-чай,
сыплют искры далекого лета...
Здесь мечту не сберег, упустил невзначай.
Нынче грежу ее силуэтом.

Не догнал, не вернул, не взглянул ей в лицо.
Победила рассудок бравада.
Раны нету давно. Затянулась рубцом.
Доктор – время, диагноз – прохлада.

Не догнал, не вернул, не нашел нужных слов,
не упал сгорая на колени...
Победил блудный сын, покидающий кров.
То, что дорого, часто не ценим.

Я бродил по земле, песни пел глухарям
про костры, про рассветы и росы,
колесил по стране, улетал за моря...
Кто я? Что я?.. Вопросы... Вопросы.

Уходили друзья и сжигались мосты,
но вели беспокойную душу
маяками осколки разбитой мечты,
отдаляя опасную сушу.

Сыпь же искрами памяти, милый пустырь,
разжигай иван-чаевы свечи...
Доктор – время, лекарство – тайги нашатырь...
Мир тебе, моих странствий предтеча.

Вчера

Отбросив маршрутов веер,
один по лесной тропе
ушел я на белый север
к тебе, к тебе.

Звала неземная сила
в страну, где не тает лед.
А то, что ты не любила,
не в счет, не в счет.

По насту чертила мелом
пурга для меня пути.
Зимой мне весну хотелось
найти, найти.

Но в юность не входят дважды.
Былого струну не тронь!
Единожды видит бражник
огонь, огонь...

Я просто сгорел в невесте,
а прах разнесли ветра...
Мы были как будто вместе
вчера, вчера.

* * *

За тайной, за весенней сказкой,
отбросив груз земных тревог,
мечтой охотничьей обласкан,
уйду я в край, где нет дорог.
Туда, где в новом океане
поросшей тальником реки,
купаясь в розовом тумане,
трезвонят уток табунки.
Туда, в вечернюю прохладу,
где буду ждать удачи миг,
когда над синим лесом, рядом,
протянет в сумерках кулик.
Туда, где у костра, за чаем,
сморенный ласковым теплом,
засну и куропадчим лаем*
разбужен буду, чтоб потом
ловить, застыв в смолистой чаще,
манящий шепот глухаря...
Ведь для меня на свете слаще
нет звуков, честно говоря.

---

* Токовой клетот самца белой куропатки напоминает лай собаки.

Уголек

Рассказ старого таежника

Как живу? Знаешь, жизнь неторопкая.
Догораю под пеплом седым.
Но хожу еще старыми тропками,
что протоптаны дедом моим.
На моторке к Студеному улову*
я иду, где буянит река:
две скалы там с замшелыми скулами
пьют звенящую стынь родника.
Там начало урочища дедова.
Ну а дальше, меж сопок, тропа.
В дебрях диких, для люда неведомых,
ждет меня родовая изба.
К ней всегда приближаюсь в смятении:
верст на сотню лишь лес да вода.
Место силы там, власть притяжения.
Словно в храм, прихожу я туда.
У избы память щелкнет капканом и
издалека аукнется крик.
Вижу будто, сморенный урманами**,
возвращается в избу старик.
Лезет в гору с тяжелой понягою***.
Тащит рыбу, и дичь, и грибы.
А дойдет, прирастает корягою
к неприметному пню у избы.
Топим печку с ним, делимся прожитым.
Дед не прочь поболтать с молодым.
Любо нам у огня подытоживать
сказы леса, камней и воды.
Говорит больше он, я же слушаю.
Для него я, понятно, – малек.

---

*Улово — участок реки, где образуется водоворот.

** Урман — темнохвойный лес.

*** Поняга (охотн.) — устройство для переноса утвари и трофеев у охотников.

Вижу я, как рукою иссушенной
дед горящий берет уголек...
Божий свет постигал я мальчишкою.
Щедро сеялись зерна добра.
Были лучшими детскими книжками
тех неспешных бесед вечера...
С той поры и живу я участливо
к людям пришлым, зверью и реке.
Знаешь, видится сон добрый часто мне –
уголек в загрубевшей руке.

Охотничья тропа

Через боры, через болота
петляет узкая тропа.
Подъемы, спуски, повороты.
То дальнозорка, то слепая.
Она бежит по серым скалам,
бревном лежит через ручей,
ползет сквозь грязи краснотала
черней весенних косачей.
Тут повторит реки изгибы,
там отбежит, спрямляя путь,
скользнет по камню мокрой рыбой
и станет видимой чуть-чуть.
Зверья и птицы здесь немало
мне посчастливилось найти.
Тропа давно родною стала,
и нет милее мне пути.
В конце ж тропы, в уютном месте
стоит охотничья изба.
И к ней спешу я, как к невесте,
меня зовет ее труба.

И иногда, при свете свечки
нехитрую отведав снедь,

я в тишине под шепот печки
опять подумаю, что ведь
путей у человека много,
свой путь у каждого в судьбе,
и жизнь – не ровная дорога,
сродни она моей тропе.
И хорошо, коль жизни тропка,
петляя в бренной суете,
пусть шаг за шагом, неторопко,
ведет к теплу и доброте.

Никита Брагин

Путь, или, если проще выразиться, дорога – неотъемлемая часть моей жизни. Может быть, самая важная. Может быть, еще больше – дорога и есть моя жизнь, причем не в переносном, а в буквальном смысле. Рев паровозов моего детства, тяжелое движение грузовика к перевалу, лязгающий рваный ход гусеничного вездехода в тундре. Взгляд с кормы корабля на барк «Товарищ», идущий бейдевинд. А чаще всего – пеший маршрут: в горах, в тайге, в пустыне, в саванне...

Что же есть цель? Очень просто. Цель – это личность. Это я сам, такой, какой есть. В каждый миг – тот же самый, и все равно новый, другой. Человек однажды рождается, но становится – всю жизнь.

Родился в Москве, на Арбате, раннее детство прошло в Нижнем Ломове Пензенской области. Юность – в Сербии, в Белграде. Потом Москва. Университет, геологические экспедиции по всему свету и непреходящая любовь к книге и слову. Дорога моя продолжается.

Опубликовал десять сборников стихов, а также ряд статей и художественных эссе. Член Союза писателей России. Лауреат многих творческих конкурсов.

Публикуемое стихотворение «Вспоминая надежду» заняло 2-е место в номинации «Поэзия» конкурса «Пути и цели», организованного МСП «Новый Современник» и МОССАЛИТом в 2018 г.

Вспоминая надежду

Где некогда рядами лысых бюстов
была окаймлена абсида храма,
где пахло пылью и немного – дустом,
где тлела сажа меж стеклом и рамой,
где мокла под дождем киноафиша,
и очередь сочилась серым нервом,
где о разрядке возглашали свыше,
и о надежде пела Анна Герман...

Там детство в прятки с памятью играет,
и, подтирая худшие отметки,
вовсю хохочет, словно жизнь вторая
чирикает воробышком на ветке,
но взрослый мир панельных новостроек
так далеко от ветхой Якиманки,
и так ненатурален и нестоек,
что кажется раскрашенной обманкой...

Давным-давно все выпито и спето
до капли, до последнего куплета,
и не добавить ни чернил, ни света,
ни столика, ни вазы, ни буфета –
теперь лишь отнимать способно время,
со стариковской жадностью глодая
огрызки, выковыривая семя,
впиваясь так, что кровь течет густая.

А память скорбно собирает ключья
пергамента, папируса, бумаги,
и бродит по полям тревожной ночью,
где слепнет ум, где наши чувства наги,
и только голос далеко и нежно
возносится над колыбелью хрупкой,
и все, как в детстве, сказочно и снежно,
и счастье, и печаль – в одной скорлупке.

За левым плечом

Тундра меня поднимает вздохом впалой груди,
волны холмов качаются в такт моему шагу,
пять километров прошел – новых десять иди,
руны снега и камня складывая в сагу.

Сам с собой говорю, шепчу дорогие стихи,
они на сыром ветру тихо стыннут и гаснут;
бледно-желтые маки, бледно-зеленые мхи
ползут перед глазами, а сердцу так больно и ясно...

Я ничего не знаю о странах и городах,
я ничего не слышу о близких, далекими ставших,
я ничего не чувствую, только скребется страх
рядом, у самого уха, слышишь, но не достанешь;

тихо-тихо скребется, словно в замке ключом,
словно крыса в подполье, ход к погребам обнаружив;
явственно чую теперь – смерть за левым плечом.
В холоде одиночества ей собеседник нужен!

Теперь достаточно вклинить ногу меж двух камней,
опрокинуться, собственным весом кости ломая,
и погаснет мир, и крик захлебнется ожога больней,
и в темноте душа забьется, ослепшая и немая...

Но путь все дальше уводит, и страх уже ни при чем –
вот когда понимаешь – твое одиночество мнимо.
Шепчет и шепчет в ухо смерть за левым плечом,
но тихие стрелы ее пока пролетают мимо...

Бледная, сколько свиданий нам предстоит с тобой!
И в итоге к тебе меня приведет дорога...
Но время еще не пришло. Я слушаю голос твой,
шагая линией жизни вдаль по ладони Бога.

Юлия Сорокина

Рано или поздно приходит понимание, что часто мы сами усложняем свою жизнь. В своем упорстве получить желаемое мы не замечаем, как начинаем оценивать сложившуюся ситуацию не относительно приближения к цели, а в зависимости от времени и сил, приложенных для ее достижения. Каждое новое препятствие мы принимаем как вызов, как испытание, которое обязательно должны пройти, и редко кто может признать, что все это было зря. Легче убедить себя, что все получилось именно так, как задумывалось, и верить в это, и жить дальше. А что, если жизнь, выставляя очередную преграду, вовсе не хочет испытывать наши силы? Может быть, она всего лишь дает нам шанс остановиться? Упорство и труд – это хорошо, но только если ты движешься в правильном направлении, если это твой путь.

Поэт, прозаик, член СП России (МГО).

Улетай

Улетай, догоняй, опаздывай,
Потеряйся в мечтах и во времени,
Счастье спрячь, как котенка, за пазуху –
Возле сердца, над солнцесплетением.

Возвращайся, встречай, загадывай
Сто желаний – одно да исполнится.
Признавайся, прощай, откладывай
Разговоры до новой бессонницы.

Уходи, обижайся, мучайся,
Поднимая крылья бумажные.
Отдавайся на волю случая
И используй попытку каждую.

Но потом не жалей, не жалуйся,
Даже если слова царапают,
Даже если душа сжимается
Под когтистой и мягкой лапою.

Черешня

А у дома моего
Осыпается черешня,
Ароматом сладким, нежным
Сон тревожа, оттого,
Что, как лодочку в реке,
Снова жизнь меня качает:
То в водоворот бросает,
То пригреет на песке.

Только сердце не унять;
Мне бы парус, мне бы весла,
Мне бы скинуть зимы-весны
Да все заново начать...

И наперекор годам
Куролесить, веселиться,
Не бояться оступиться –
В прошлое шагнуть, а там...

Звезды плещутся в пруду,
И малина обливная,
И, подругу зазывая,
Соловей свистит в саду,
Разнося благую весть.
Над черешневою рощей,
Свет закатный, словно росчерк,
Словно знак, что счастье здесь,

Здесь, у дома моего.
Осыпается черешня,
Ароматом сладким, нежным
Сон тревожа, оттого,
Что душа еще поет,
Что живет мечтой далекой,
Что по речке неглубокой,
Словно лодочка, плывет.

Бессонница

Бессонница – и шансов никаких
Договориться с ней. А утром – кофе,
И на часах, как будто к катастрофе,
Большая стрелка движется к шести.

В метро толпа, под землю этажи,
И паника – опять забыла зонтик.
И где-то на далеком горизонте
Маячит отпуск – до него б дожить.

Звонки подруге, планы на обед –
Прогулка в парке, чай в кафе напротив.
Карандашом в журнальном развороте
Ответы на кроссворд, в кино билет.

И кажется, нет никаких причин
Грустить по пустякам – не виновата
Она, что не заметила когда-то
Единственного в чередѣ мужчин.

Холодный дождь прозрачной льет стеной,
Заставит задержаться на работе.
Отчет квартальный и бассейн в субботу,
И каждый вечер на такси домой.

На подоконнике герань цветет,
Друзья «онлайн», котов соседских драка,
И невозможность завести собаку –
А вдруг она однажды не придет?

Пустота

Нет дней пустых. Есть пустота.
А в ней особенные даты,
Где яркий свет и темнота,
Где радость встреч и боль утраты.

Нет тупиков. Есть лабиринт
Ошибок наших и сомнений.
Но дух живой непобедим,
Не сломлен! Падать на колени,

Судьбе сдаваясь, не спеши.
Не кланяйся чинам и плахам.
Срываясь с прозрачных вершин,
Свой путь ты продолжай без страха.

И пусть не с чистого листа,
Пусть жизнь на волоске повисла –
Живи! Чтоб эта пустота
Особым наполнялась смыслом.

Замкнулся круг

Ковер, из листьев, золотой
Прощальной светится печалью.
Замкнулся круг – лечу домой,
Где снова окажусь в начале

Того незримого пути,
К которому ведут все двери.
Который суждено пройти,
Лишь сохранив любовь и веря,

Что, новый преподав урок,
Нам приговор не продиктуют,
Что все имеет смысл и срок,
Что чаша горькая минует

Всех тех, кто нам необходим,
С кем рядом мы светлей и выше,
Кто нами искренне любим,
Одним дыханием с кем дышим.

И что, ввязавшись в вечный спор,
Душа свой выбор сделать сможет,
И жизнь сияющий ковер
Из золотой листвы разложит.

Крылья

Смотрю в игольное ушко
На мир, сияющий под солнцем.
И кажется, что так легко
Взлететь, и сердце гулко бьется.

Шагнуть в открытое окно –
Упасть в распахнутое небо!
Понять: не действуют давно
Законы физики, и где бы

Ты ни решил закончить путь,
Там будет лишь его начало,
А чтобы все назад вернуть,
Земной дороги будет мало.

И все, что близким отдаем,
Нам достается полной чашей,
Что врозь труднее, чем вдвоем,
И что нельзя жить днем вчерашним!

Но станет вдруг в душе темно.
Как приговор звучит: «Не верю».
Ты скажешь мне: «Закрой окно.
А выйти лучше через двери».

В мир сквозь игольное ушко,
Приняв непостижимость жизни,
Мои мечты уйдут пешком,
Оставив крылья на карнизе.

Соломинка

Брось соломинку дураку –
Он ухватится и спасется.
Дай надежду, что будет солнце,
Что еще на его веку

Будет много счастливых дней,
Будут радуги, будут звезды,
Что еще изменить не поздно
Этот мир добротой своей.

Даже если огонь к виску,
Даже если по следу – звери,
Даже если ты сам не веришь,
Брось соломинку дураку.

Не чувствую время

Не чувствую время – года пролетают как дни.
Закрыты ли тучами, или наполнены светом –
То все отнимают, то дарят надежду они,
Порой оставляя вопросы мои без ответов.

Сменяются веснами зимы, снегами дожди,
И в даль, к горизонту, дорог расползаются змеи.
Меняются мода и вера, герои, вожди...
Но хода событий никто изменить не посмеет.

И я не посмею. И помню, вверяясь судьбе:
От праздника жизни один только шаг до распятья.
И, духом собравшись, борюсь, не сдаваясь беде,
И миру без страха опять раскрываю объятья.

Не помня о боли, доверившись только мечтам,
То падаю в бездну, то вдруг поднимаюсь все выше.
Да, в поисках смысла, я счет потеряла годам –
Не чувствую время, но ритм его бешенный слышу!

Узелки

Вяжется с узелками
Жизни моей узор.
Каждый из них – на память.
Каждый – наперекор

Горестям и сомненьям.
Времени вопреки,
Преодолев забвенье,
Вяжутся узелки.

Чтобы опять поверить,
Чтобы суметь простить,
Чтобы любовью мерить
Годы и дни пути.

Чтобы любая малость
Жизни моей земной
В памяти задержалась.
И нелегко порой

Справиться с узелками,
Если нигде не ждут.
Кажется временами,
Это напрасный труд.

День ото дня все тоньше
И не прочнее нить.
Только бы помнить дольше,
Только бы дальше жить.

Небо

Где-то, в невесомых облаках,
Солнце утонуло в тишине.
Небо – это древняя река,
Россыпь звезд хранящая на дне.

Укрывая призрачный чертог,
Словно Лета вечная, течет.
И едва ты сделал первый вдох,
Время начинает свой отсчет

Дней твоих счастливых и других...
А когдарастают голоса
Любящих, единственных, живых,
Ты уйдешь обратно – в небеса.

И поймешь, как мир огромный мал –
Все к одной реке ведут пути,
Сколько бы дорог ни выбирал.
Дважды в это небо не войти.

Ольга Уваркина

Чтобы жизнь была осознанно-полноценной, важно выбрать правильную цель и верную дорогу к достижению этой цели. Но все люди разные, и не всегда человек может четко сформулировать и понять, чего он хочет от жизни. Часто плывет по течению: куда кривая выведет, полагаясь на авось. Иногда человек просто кому-то подражает или копирует чужие цели, не осознавая своих способностей, а лучшие качества от природной лени просто не развивает. Бывает и так, что весь жизненный путь – это погоня за иллюзиями...

Цель и путь всегда взаимосвязаны, и от этого зависит судьба человека – «быть или не быть». И самое главное в этой цепочке – не потерять себя как личность, суметь подняться над невзгодами и сохранить в себе тот жизненный потенциал, который именуется духовностью...

Родилась и живу в Москве.

Пишу стихи различных жанров и короткие рассказы.

Неоднократный победитель сетевых конкурсов. Участвую в работе многих жюри. Имею публикации в сборниках и альманахах, газетах и журналах начиная с 1999 года.

Член МСП «Новый Современник». Член Московского салона литераторов (МОССАЛИТ).

Романтикам

Вперед, друзья, поднимем паруса!
Пусть бьется в алом ветер ошалело.
Забывтые услышу голоса
Романтиков, мечтающих и смелых,

Кому неведом трусости позор,
В ком дух бродяг, не знающий покоя:
Влюбленные в сияющий простор
Отважные веселые герои!

И, если впереди «девятый вал»,
Я знаю, что моя надежда выше:
Мой капитан меня не предавал
И не предаст, пока поет и дышит...

Мы взором раздвигаем горизонт.
Фантазии простор неудержимый...
И каждый, кто на шхуне, верит он
Что будем рядом мы, куда живы...

За бортом соль волны, как соль земли,
Причалим к ней в назначенные сроки...
Пылает парус в голубой дали.
Поверьте мне, что он не одинокий...

Я не знаю, зачем...

Я не знаю, зачем
Снится мне неотправленный поезд,
Ожидающий час
И сигнала короткого: в путь?
Как возможной из тем,
Выбираю: дорогу и поиск
Не решеньем проблем,
А с надеждой в пути отдохнуть.

Позабыв обо всем,
Что сметала судьба под откосы,
Никого не кляня
За ошибки, просчеты и грех,
Прорастает быльем
Уходящее, крутят колеса
На маршруте моем,
Не оставив зарубок и вех.

Лишь во сне без конца
Можно в прошлое так, без билета,
Ездить каждую ночь,
И поверить я в это могу.
Из окна созерцать
Синеглазое звонкое лето
С ароматом сивца
И ромашек на дальнем лугу...

Напрасно

Напрасно я в галоп гнала коня,
В безумной скачке разрывая воздух...
Друзья мои, вы предали меня,
На всем ходу сложив штыки и звезды.

Был пройден первый путь и Рубикон,
В остре идей сгорел поток сомнений.
Враг был ужален, но не поражен,
И был разгадан код зловещей тени...

Одна в ночи... Храпит мой вороной...
Мишенью на снегу для верной пули.
Поговори же, Господи, со мной
А всех прости за то, что обманули...

Дорога в Никуда

Начать бы с чистого листа.
Оставив душный мегаполис,
Сесть в первый проходящий поезд –
Уехать в новые места...
Вот так, отчаянно решив,
Что где-то «Там» бытует «Нечто»,
В котором счастье бесконечно,
Как состояние души...

Полжизни снегом замело,
Другой остаток – лишь оплакать.
Что ж, развести покорно слякоть
Иль бросить все чертям назло,
Покинуть обжитой уют,
Меня паспорт, имя, даты?
На прошлое, мгновеньем сжатым,
Пускай дивятся и плюют.

Какая разница: когда?
Все пережитое – без смысла!
Меж небом и землей зависла
Моя дорога в Никуда.
И впереди – никто не ждет,
как нет давно пути обратно...

А в небе полосой закатной
всему расписан свой черед...

Путь

Удар... Разрыв и... тишина...
Иду на яркий свет...
Но я не сразу осознал,
Что мира больше нет,

Того, где был ничтожно мал
И кожей ощущал,
К друзьям, любимым прикипал,
Еще – к своим вещам.

Я глупо жил, не торопясь,
Ел – спал, кино – футбол,
Мог выплыть или же пропасть –
По бездорожью шел...
Все в миг один оборвалось,
Случайно, странно так.
В душе – не горечь и не злость,
А только пустота...

Ответ держать по всем статьям,
Пощады не проси...
Никем не стал в той жизни я:
«Убог, и наг, и сир»...

...
Но вспомнить он никак не мог
Последний случай – знак:
На перекрестье двух дорог –
Девчоночка одна
С глазами, мокрыми от слез,
В них ужас: «Помоги!..»
Толкнул дитя из-под колес...
Сам не успел... Погиб...

Детство

*По картине Игоря Медведева
«Арлекин и Коломбина»*

Какой диковинный сюжет!
Как утро сказочно-картинно!
Чуть брезжит в мареве рассвет.
На рельсах пляшет Коломбина.
Она на цыпочках парит
в балетном па, изящном танце

Под легкий музыкальный ритм
босою встав на полупальцы...

Смешной бродяга – Арлекин
на скрипке, извлекая звуки,
Смычком выводит, шутовски,
то вальс-фокстрот, то буги-вуги...
Куда они идут вдвоем
или неспешно убегают?
О том мелодия поет
и старый семафор мигает...

...

Туда не ходят поезда,
и поросли травой шпалы
В сам путь волшебный в Никуда –
страну, которая пропала,
Растаяла в тумане лет
(и не найти от грусти средства)...
Но кошкой память ищет след
давно исчезнувшего Детства.

Бессонница

Скажи, о чем не спится мне, когда деревья спят?
Людмила Кленова. Ночью

Чуть влажно под ресницами. Подушки угол смят.
Скажи, о чем не спится мне, когда деревья спят?
Вдруг скрипнет, будто изнавись, разошедшийся паркет:
Нежданно духи вызвались с визитом налегке,
Иль кошка колобродила, которой ночь, что блазь? –
Хрипучая мелодия под лапой родилась...
Туманным оком светится луны полуовал,
Знакомой собеседницы по мыслям и словам.
Мелькнет звезда растерянно меж прорезь полотна...
Вселенская мистерия, лишаящая сна!
Гуляют тени странные. На стенах миражи.
Душа, ты грезишь странами? Какими?.. Расскажи...

Не теми ли, манящими, откуда хода нет?
Обратный – только спящему там выпишут билет.
И Всеблагую Троицу прошу увидеть я,
Мечтая успокоиться, ушедших в те края...
И сбудется по-божьему и по моей мольбе:
Небесным бездорожием я перейду рубеж...

...

По снам умчится в странствия мятежная душа,
Плебействуя и царствуя, и круг земной верша...

Вернусь

Нахлынут чувства, будто дождь.
Их даже солнцем не излечишь.
Мне верить хочется: ты ждешь,
Как я, желанной этой встречи.

Вернусь! Конечно же, вернусь
Не блудной дочерью, надеюсь,
В твои места, родная Русь,
Где живы сказки Берендея...

Там, за условною чертой,
Меня узнаешь, полагаю,
В простой одежде городской
И без паневы* с пулагаем**

А мне бы, только не спеша,
Припасть к тебе и любоваться,
Эмоций душу не лишать,
Восторгов тихих и – оваций...

Венок из трав и нитку бус
Еще не выспевшей рябины,

---

* Панёва – шерстяная юбка, элемент русского народного костюма.

** Пулагай – набедренное украшение, элемент женского костюма мордвы.

Надеть и ощутить искус
И чувство прелести, глубинно

От единения со всем...
В слиянье временных пределов,
Как в детстве бегать по росе,
Забытой, чтобы сердце пело...

Так умиляться, так глазеть
На все, что щедро встреча дарит,
Помочь шмелю и стрекозе,
Как всей иной и Божьей твари...

В дырявой лодке за веслом,
Когда потоком гонит к яру,
К причалу выгрести, назло
Грозе и громовым ударам.

И путь свой сызнова начать,
Набравшись силы и покоя,
Печали утопив печать
В озерах светлых за Окою...

К журавлям

А к журавлям так хочется взмыть прямо в вышину...
Петр Грановский. Желание

До высей – не охотница и к туче – не рискну,
А к журавлям так хочется взмыть прямо в вышину.
Они – скитальцы бранные, кому не дан покой.
До них бы на мгновение дотронуться рукой,
Погладив нежно перышки, печали не тая,
И проводить их к солнышку в манящие края.

Но иногда мечтаю я, когда настанет срок,
Пускай с пернатой стаею меня приветит Бог,

Последнею утехою всю душу окрыля...
Взлечу в тот мир со стерхами в созвездье Журавля,
Где праведно и солнечно украсив звездный мир,
Сияет в дремной полночи далекий Альнаир* ...

Возьми меня с собой

Туда, где ветер, парус, риф...

Людмила Кленова. Сгоняйте рифмы в стаи, господа

Туда, где ветер, парус, риф, фрегаты-облака,
Где солнце, воды обагрив, стремится на закат,
Где тают чудо-острова до заревых полос,
Ласкает неба синева уснувший остров грез.
Спустившись к соснам, звезды пьют манящий аромат
И возвращаются в приют, став ярче во сто крат.

Едва забрезжится восход и звуки поплывут,
Смешной Оранжевый удад поет свой гимн: «Уд-уд!..»
Для них, кто светом осиян, цветастых птичьих стай,
Шумит бродяга-океан, хранитель древних тайн.

Туда, где сплин волною смывает, о скалы бьет прибой,
Где нет ни смерти, ни зимы, возьми меня с собой...

У кромки лучезарного восхода

У кромки лучезарного восхода,
Где золотятся облака и воды,
Небесные, земные... (Разве суть?)
Пустая лодка стынет на причале
В конце дороги (или же в начале)
Между двумя мирами навесу...

На призрачном борту не видно весел.
А сколько зим прошло и теплых весен

---

* Самая яркая звезда в созвездье Журавля, в 263 раза ярче Солнца.

Без пассажиров в тишине веков?..
Но, кажется, едва подует ветер,
А солнце мир иллюзий не осветит,
По водам лодка заскользит легко

И поплывет в страну, где все иначе:
Бессмертна жизнь, и там никто не плачет,
И не тоскует о земном аду...
Прислушайся... как Хронос лодку тронет,
И, разбудив уснувшего Харона,
Погасит в небе мертвую звезду...

Душа

Из цикла «Посиделки с классиками». М. Волошин

*...Любимое со мной. Минувшего не жаль...
Максимилиан Волошин*

«...Любимое со мной. Минувшего не жаль...», —
Сказала я, в кровь обжигаясь ложью.
Болит, болит давно, а рана все свежа...
Душа нагая мчит по бездорожью
Лошадкой, грива вбок, бубенчики звенят,
Седло в пыли, и седоки слетели...
Любимых больше нет навеки у меня.
Стихи – родня. Мели, душа-Емеля!
Шутить ей, песни петь /«Ни дела, ни путя»/,
Врачуя под луной свои каверны.
А звездные миры заманчиво блестят.
Знать, в гости ждут, да не на чай, наверно...
Всему и свой черед. Мой чуткий микрокосм
Растает там кусочком рафинада,
Целуя рой монад в далеком далеко
И ставший сам божественной монадой.

...

Снимаю по ночам свой трикстерский колпак
И слабость слез могу себе позволить,
Покуда спит «без ног» веселая толпа,
Лелея сны без памяти и боли...

Анна Народицкая

*Дороги, которые мы выбираем.
О'Генри*

*Одни иезуиты утверждают, что
всякое средство хорошо, лишь бы достигнуть цели.
Неправда! Неправда! С ногами, оскверненными
грязью дороги, недостойно войти в чистый храм.
И. С. Тургенев*

У всех нас есть начало пути – это рождение. Следовательно, есть и конец пути – уход, можно называть его основной целью, это по желанию. Но между началом и концом множество дорог к разнообразным задачам, целям, которых мы хотим достичь. А потому – невероятное количество вариантов перемещения в пространстве и времени и способов этого самого перемещения.

Порой мы спешим и ускоряем время, потом медлим и растягиваем те или иные моменты жизни. Движемся кривой дорожкой и в обход. Несемся по прямой, стремительно сшибая на своем пути любые препятствия. Иногда, страстно желая достигнуть цели, мы превращаем наш путь в грязную тропу, оставляя отвалившиеся по пути кусочки совести и чести. Так что же важнее: цель или путь к ней? Оправдывает ли величие цели не очень-то чистоплотную дорогу? Стоит ли цель таких жертв? А может, сама дорога и есть важное звено цепочки жизни, а цель лишь стимул для выбора пути и средства передвижения? Так много вопросов! Каждый должен и может решать эти вопросы сам. Ведь и отвечать будет только он. Но стоит очень хорошо подумать, прежде чем сделать выбор. Забавно, но, возможно, неспроста человеческий мозг имеет столько извилин. А они так похожи на дороги и тропки! Быть может, в этом и заключается секрет?

Родилась и живу в Москве. Окончила Московское художественное училище памяти 1905 года по специальности «художник-график». Начала писать стихи еще в юности и продолжаю по сей день. Прозу начала писать в 2009 году. Пишу рассказы, миниатюры и небольшие повести для взрослых и детей.

Член МСП «Новый Современник», Московского салона литераторов (МОССАЛИТ). Публикуюсь в альманахах, в ежегодном сборнике «Московский Дом» (с 2011 г.).

Являюсь членом редколлегии литературно-просветительского сетевого журнала «Московский VAZAR» и с 2010 года веду в нем рубрику «Столик у окна».

С 2010 по 2018 год была руководителем литературно-просветительского проекта МОССАЛИТа для детей «Детская площадка». Участвовала как московский представитель в литературно-издательском проекте «Поверь в сказку», в рамках которого в 2015 году вышел сборник сказок.

Серьезный вопрос

Вчера, сквозь сон, почти в бреду,
Я задалась вопросом строгим.
Зачем живу? Куда иду?
И той иду ли я дорогой?

Быть может, скажет кто-нибудь,
Что тут важней? На что решиться?
Конечно цель! Да нет же, путь!
О боже, как определиться!

Ломала голову всю ночь,
Устала! Но решенья нету...
Никто не мог бы тут помочь.
Я поняла уже к рассвету –

Ответ мне, видно, не найти.
И вдруг в сознании прозвучало:
«Что важно – цель в конце пути?
Иль путь, где цель была началом?»

Теперь мне точно не уснуть!
Воскликну я, забыв приличия:
«Ничтожны цели! Жалок путь!
Важна лишь жизнь в своем величьи!»

Путь-дорожка

Моя дорожка беговая
Ведет неведомо куда.
Бегу я, устали не зная,
Всегда в пути, в пути всегда!

Казалось бы, бегу на месте,
Но это видимость, обман!
Мечты со мной! И мы все вместе
Бежим в заоблачный туман!

Туда, где бархатные ночи
Рождают радужный рассвет.
Там день длиннее, ночь короче,
Там нет преград, пределов нет.

Бегу в банановые рощи
И земляничные сады!
В них ветки радостно полощет
Проказник ветер у воды.

Вода сиреневого пруда
Взметнулась вверх, за облака.
Там из хрустального сосуда
Берет исход небес река.

Она молочной паутиной
Течет на горы изо льда.
Я, вдохновленная картиной,
Не чуя ног бегу туда!

Осталось лишь еще немножко
До цели добежать, чуть-чуть!
Остановилась вдруг дорожка...
Час пролетел. Окончен путь.

Утро

Тихо дышит город сонный.
Пять утра, июнь, среда.
Ночью дождь шурился бездонный,
В лужах – зеркалом вода.

Липа пахнет пряно, сладко,
Распускается сирень.
И, пушистой мягкой травкой,
Утро будит новый день.

Рассветает понемножку,
Город пуст, умыт и чист.
Клен мне выставил ладошку –
Кружевной зеленый лист.

Свежей мягкой прохладой
Ветерок щекочет нос.
Это ж утро! Все как надо!
Лишь прохлада, не мороз.

Скоро солнышко проснется,
Позолотит город мой.
Нагуляюсь, станет жарко,
И тогда пойду домой.

Круговорот

Мы все в этом мире нуждаемся в ласке!
В любви и в заботе, поддержке плеча.
Теряемся в буднях, горим на работе,
Устало домой приползаем ворча.

С утра нужно снова вставать спозаранку.
Закинувшись кофе, несемся к двери –
«Ах, снова по пробкам! Опять за «баранку»!
И так каждый день, от зари до зари!

А в лифте соседи, чуть позже рассвета,
Кидаем улыбку дежурным кивком.
«Привет! Как дела?» И не нужно ответа,
Вопрос риторический, едем молчком.

Недели стрелою проносятся мимо!
Закончился месяц! Уже Новый год!
Замедлить пора, просто необходимо,
Весь этот загадочный круговорот!

Чтоб видеть глаза наших добрых соседей,
Друзей ожидать вечерами на чай,
С коллегой болтать не спеша на обеде,
Любимой подруге набрать невзначай.

Чтоб было когда повидаться с родными,
Обняться, прижаться, набраться тепла.
Купить пару книг, зачитаться бы ими
От корки до корки, забыв про дела!

Чтоб хоть иногда любоваться закатом,
Кататься на санках со снежной горы,
Шептаться с сестрой и дурачиться с братом,
Во время семейной настольной игры.

Быть может, тогда пропитаемся светом,
И в жизни настанет крутой поворот!
Любовь от всего нас спасет! И на этом
Закончится бешеный круговорот!

Тайны вселенной

Ах! Как прекрасно!
Просто чудесно!
Все не напрасно,
Так интересно!

Звезды! Планеты!
Космоса тайны!
Эти секреты,
Ох, не случайны!

Что за волшебник
Все это создал?
Камни и стебли,
Море и звезды!

Солнце с восходом
Небо ласкает.
Звезд хороводы
Призрачно тают.

Россыпь алмазов
В нежной пастели.
Хладные стразы
Вдаль улетели.

Став одинокой,
Ночь отступает.
В роще далекой
Ветер играет.

Трепетный ропот
Крон изумрудных.
Слышать их шепот
Вовсе не трудно –

Шепчут подробно
Тайны вселенной!
Жизнь бесподобна!
Души нетленны!

Белый клоун

Среди льда и шапок снежных,
Мне замерзнуть не дает
Белый клоун – очень нежно
Сердцу песенку поет.

Появился ниоткуда
В уголке моей души.
Счастья ждет и верит в чудо.
Только счастье не спешит.

Ждет годами клоун белый,
Терпеливо, чуть дыша.
Улыбается несмело,
И смягчается душа.

Вот уж тронуло порошей
Наши с клоуном виски.
Клоун верит, он хороший.
Только грустный от тоски.

Видно, счастье улетело,
Где-то сгнуло в глуши.
Тихо плачет клоун белый
В уголке моей души.

Кошачий рай

Когда-нибудь и я уйду,
Мы все здесь путники до срока.
В рай я, увы, не попаду.
Да и попасть туда – морока.

Поскольку ад не по пути,
Пройду я мимо двери ада.
Надеюсь место я найти
В раю кошачьем, очень надо!

Есть рай кошачий в небесах,
Я в это верю очень сильно!
Там и сметана на усах,
И молока кругом обильно.

Там безмятежно и легко,
Носиться можно без оглядки!
Там сад большой, и высоко
На ветках мягкие кровати.

В кровати буду я парить,
В пушистой шерстке до ладошек.
Меня вам не уговорить,
Мне место только среди кошек!

Когда ж настанет час уйти
Без промедленья, неизбежно,
Скажу я каждому: «Прости!»
И обниму тепло и нежно.

Скажу я каждому: «Прощай!»
Быть может, погрущу немножко,
Затем уйду в кошачий рай!
Ведь я в душе с рожденья кошка.

Священный завет

Создал Господь и так оставил,
Всю эту жизнь и кучу правил:
Плодитесь, мол, молитесь Богу,
А я вам укажу дорогу –
Как не грешить, не тратить время
На зависти и злости бремя.
Не сквернословить, не перечить,
Не унывать. И не калечить
Других людей недобрым словом.
Тела прикройте вы покровом
Простым и теплым, от хворобы.
Вода и хлеб вам для утробы.
Ступайте дети, не ругайтесь.
И соблюдать всегда старайтесь
Мои вы правила вовеки!
Живите с Богом, человеки!

Прошли века, живем покуда.
Но соблюдаем что-то худо
Все те заветы, кучу правил,
Что нам Господь тогда оставил.
Кругом война, нужда и злоба!
И ненасытная утроба
Все потребляет без разбора!
Стыда уж нет, как нет позора!
Кругом разврат и бессердечье!
Коль не убийство, так увечье
Мы, что ни день, другим наносим.
Наводим сплетни и поносим
Поганым словом тут и там...

Быть может, хватит? Может, нам
Пора уже вернуться к Богу?
И вспомнить первую дорогу,
Что нам напутствовал Господь!
Убавить пыл, умерить плоть.

И о душе подумать нужно!
Мы можем вместе, можем дружно
Идти по вечному пути!
Чтоб после нас траве расти!
Давайте вспомним наши цели!
Ведь мы не вечны, в самом деле!
Никто не знает, что за краем,
Свою дорогу выбираем,
Пока мы тут, на этом свете!
Пусть будет мир! Смеются дети!
Любовь пускай придет в дома!
Пусть будет белою зима,
А летом солнце ярко светит!
От нас зависит все на свете!
Мы можем сделать очень много!
Пусть будет правильной дорога!

О мужчинах

Жалеть – нельзя! Любить – немного.
Просить о помощи – всегда!
Тогда семейная дорога
Продлится долгие года.

Они нам действуют на нервы,
Лысеют и храпят во сне.
Всегда твердят, что бабы стервы,
И топят истину в вине.

Они болеют, словно дети,
Ворчат, как старые деды.
Сидят подолгу в туалете
И льют немерено воды.

Они диваны продавили
И провоняли табаком!

Ах! Если б мы их не любили,
Да разве жили б мы в таком

Аду, кромешном, нестерпимом?
Непозволительно! Нельзя!
Забота о своем любимом –
Вовеки женская стезя!

Шуточное

Завтрак

Уж тост хрустит и маслице лоснится,
Дымится кофе, завтрак, словно сказка!
Но, он, увы, уже не состоится...
Закончилась любимая колбаска!

Девиз

Жизнь чудесата!
Кошки пушисты!
Будем, ребята,
Все оптимисты!

Евгений Агуф

*Пути и цели, средства и потери...
За чередой потерь, ошибок, трат
ничто так не оправдывает цели,
как то, что я зову «всевышний страх»,
страх быть потом безвременно забытым,
страх стать ненужным, превратиться в прах...
Мой путь – стихи, им в стрóку все, как лыко,
а цель – душа из шелка и заплат.*

Могу быть не вполне правильно понят своими читателями, которыми прежде всего считаю своих детей и внуков, если не буду представлен в жанре гражданской лирики.

Путь, который прошли мои предки, сполна вкусом страха и унижения страхом, не нужно проходить каждому поколению. Именно поэтому мне хочется обозначить цели, которые стоят того, чтобы ради них жить, цели созидания в условиях внутренней свободы.

Целью своего пути считаю правду, о которой пишу.

Поэт, публикуюсь в современных изданиях, поэтических сборниках и на литературных интернет-порталах.

Член Московского салона литераторов (МОССАЛИТ), МСП «Новый современник».

Ночное чаепитие

Все самое плохое не со мной,
А с кем-то незнакомым приключится.
Выклеываю страхи по крупичам,
И вместо них стихов вставляю строй.

Увидит ли мой страх сквозь мат и крик,
Кто головой не только ест, но слышит,
Иль примет вопли за шуршанье крыши,
Слетевшей от огня мозгов моих.

Мой страх, как диссидентская змея,
Мешает жить, не позволяет верить.
Под роскошью церковей вещают ересь.
Над нищетой погоста плачу я.

Генетика – наука жить смеясь.
Ирония досталась мне от деда,
Под шутку легче проживались беды,
Казалась не такой опасной власть...

И радовались ночью, что не к нам
Шаги подъезда и машин рычанье,
Кипел и ароматно фыркал чайник,
И нервно пел под ложечкой стакан.

Мне нечего бояться – я старик,
Но унижение страхом хуже смерти –
Мне, в общем, все равно, когда на вертел,
Но к статусу живого так привык,

И вновь стихов выравниваю строй,
И склеываю страхи по крупичам,
Но ясно вижу: может все случиться,
Так пусть не с внуком, пусть опять со мной!

Я сбит

Когда вы все, состарившись, умрете,
Я буду молод, будто и не жил.
Под каждым пальцем тысячи пружин,
Мной до щелчка взведенные на взлете;
На вираже тугая тяжесть век
Глаза прикрыть пытается навеки,
Мгновенья превращаются в парсеки,
А сбитый Су – в обугленный скелет.

Как нож в спине, ракета «воздух-воздух»
И очередь – без очереди в Рай;
За что, понятно, но в такую рань...
Хотя, уж лучше так, чем станет поздно.
Мой крик и ваши слезы так свежи,
Мне повезло погибнуть на работе...
За то, что вы состарившись умрете,
А я забудусь, будто и не жил.

Допинг для поэта

Без допинга поэт слегка не тот –
и с ритмом нелады, и мысли вязки.
Знакомец мой недавно был в завязке –
как из него гражданственность поперет!
Стал видеть то, чего не видел спяну,
на Пушкинской читал свои стихи,
тут несогласных марш предвосхитил,
а там клеймил Димона и Вована...
Ну, в общем, он пошел как заводила:
Болотная – ментовка – КПЗ,
а он не мог молчать, орал везде,
и в грудь себя копытом бил, чудила...
Следак из ФСБ мудрить не стал,
тихонько намекнул, что будет лучше –

дознанием с моральями не мучил
и посадил беднягу на стакан.

Прогулки от подъезда к магазину
не требуют эмоций и страстей –
наслушавшись последних новостей,
спрягает похабель и матерщину.

До горизонта выжженное поле

До горизонта выжженное поле,
Где воздух – тлен и пригоревший хлеб;
В нем суп из судеб и предсмертный бред
Ушедших на войну по чьей-то воле.
Здесь в каждом вдохе их последний вздох,
Мальчишек, заигравшихся в стрелялки;
Им выдали патроны, ПТУРСы, танки,
Калаш, гранату, форму, роту... взвод...

Их столько полегло в грязи обочин,
Успевших разувериться в Христе,
Принявших смерть свою не на кресте –
В слезах, проклятьях, криках что есть мочи...
И нет прощенья тем, кто им солгал,
Что там, в Раю, прекраснее, чем в жизни...
Но продавцы разграбленной Отчизны
Не слышат ими преданных солдат.

проснись сегодня

проснись сегодня – завтра не проспи,
чтоб встретить новый день на полпути,
отдай почти забытые долги,
а завтра даже взглядом не солги
ты будешь чище, чем вчера, стократ,
когда зарей омоется закат,

когда из сновидений краткий миг
вспорхнет под кожей, как прощальный крик

приснится ветра больше, чем вчера,
совьются в шторм вчерашние ветра,
неотделим от воя будет вой,
когда шторма сойдутся меж собой,
непостижимость их сродни горам,
когда они сплетутся в ураган...
но сон навеян любящей рукой,
в нем даже ветру грезится покой

Мечта, умевшая любить

Нет проку тешиться надеждой,
Что за вокзалом есть перрон,
Что можно, вдруг, забыться сном,
В котором я живой и прежний.
Вода, прошедшая сквозь смерть,
На землю выпадет слезами,
Смывая жизнь с осколков стали,
Пытаясь память мне стереть...

Мечта, умевшая любить,
От крови отстирает платье.
Забыв зловонье и проклятья,
Когда-нибудь я буду жить...
Сорвав оклад, как ключья плоти,
С иконы праведной любви,
Я вижу зарево войны
На закопченной позолоте.

Истоки...

Одни у них первоисточники,
Но каждый в свой прицел смотрел.
Один – подписка и в сверхсрочники,
А друг имел другую цель.

Один служил по расписанию –
Отбой, тревога, марш-бросок.
Другой – престижный ВУЗ, экзамены,
Таблетки, дозы, ломки... срок...

Судьба по кругу хитро вывела –
Заложник, зэк под наркотой...
Находит снайпер цель для выстрела,
А перекрестье тот – другой...

От этой жизни пуля не спасет

От этой жизни пуля не спасет –
Обрубком смерти снова время гложем.
Мы замирились с совестью, и что же...
На наших лицах патины налет.
Поплачем, сидя в луже откровений,
О равноправье с запахом огня,
Взмахнем крестом, вставая на колени,
И запоем, за все себя кляня.

Нас от могилы снами не спасти,
Да ладно от костлявой – черт бы с нами...
Мы и на белом снова жить устали,
И с алым нам опять не по пути.
Ложится пепел на чужие раны,
Фантомным криком осушая страх,
И корчится нечокнутым стаканом
Непропитая совесть на столах.

Одиночество

Как в одиночке, буду тих
В пустой квартире,
И горлом онемевший крик
Пройдет навывлет,
Окрасит кровью каждый лист,
Ложась постонно;
И, словно фильм, струится жизнь
В стекле оконном.

Зачем сушить от слез стихи,
Прижавшись раной?
Слезу сглотни и уходи,
Как раньше, рано.
Прижиг сердечное тепло
Окурком счастья...
Пылает осень за окном,
Но боль не застит.

Виктория Смагина

Пути и цели. Не помню, где прочла, что человеку стоит стремиться к недостижимому, иначе это не цели, а список дел на завтра. Но и пресловутые списки дел бывают разными. Взять хотя бы горинского Мюнхгаузена с его запланированным подвигом. Шутки шутками, но «каждый выбирает по себе»...

По-разному люди идут к своей цели. Один спешит напролом, сметая на своем пути и правых, и виноватых, другой выбирает окольные тропы, руководствуясь бессмертным «умный в гору не пойдет», третий сидит и ждет чуда на блюде с голубой каемкой, а четвертый живет вроде бы бесцельно, но в его саду хрупкие крокусы всегда зацветают первыми и соловей выводит самые виртуозные рулады...

Зачастую путь оказывается важнее цели. Ведь этот путь и есть жизнь...

Родилась и живу в Томске. Руководила народным театром, служила в органах внутренних дел. Вся жизнь – на стыке культурно-просветительной работы и юриспруденции. Лауреат и дипломант ряда литературных, в том числе международных, конкурсов.

Публикуемое стихотворение «Тот» заняло 2-е место в номинации «Поэзия» конкурса «Пути и цели», организованного МСП «Новый Современник» и МОССАЛИТом в 2018 г.

Тот

в этом вечере – стылый ветер
и качание ивняка.
тот, кто знает про все на свете,
не случился еще пока,
не придумался во седмицу,
не откликнулся на «агу».

плачут песню свою зегзицы
и воробышки на снегу.
во путивле ли, во самарре,
на горе ли фернандо по
о непарном страдают твари,
колоколя «по ком, по ком».
открывают кассандры вежды,
христофоры – индийский след,
агасферы куют надежды,
несчастливый жуя билет.
бьются айсберги о титаник,
с челубеями – пересвет,
бьется маня, готова манник
для нахлебника вредных лет.
зацветают морковь и донник
на страницах дисплейных книг,
на комоде отставший слоник
осалфечен и тем велик.
он трубит о своем, домашнем –
киндер, кюхе, рассада, кот,
правда зеркала – «ты не краше» –
и незыблемое «пройдет».
маргаритка – не маргарита,
озаренье убей платком.
протограбли и пракорыто –
архиматрица точка ком.

тот, кто знает, случится тихо,
смех и поступь его легки.

вечер.
ветер качает мифы,
мироздание,
ивняки.

Навеянное

пройтись мелком по списку кораблей –
он нынче мелок, куц и беспороден –
прощальный фокус труппы дю солей,
пустая дань героике и моде.

отживший призрак прошлого плывет
к руинам трои на покатых склонах,
почивших под вьюнком, среди тенет
цветущих – белый росчерк на зеленом,

туда, где в чаще спутанных деревьев
смеются духи над людской печалью
и птичьи хоры славят на заре
грядущий день, беспечный изначально,

где перекрестки островных дорог
исхожены, а жемчуга – стеклярус...

...и выдирая мусорный вьюнок,
узнать в листе проросший юный парус...

Птичье

танцуют ласточки над крышами,
чуть-чуть пониже облаков.
от птичьей музыки неслышимой
густеет воздух до «клик».
пьянит.

и тянешься, ведомая,
одна из тысяч кукушат,
туда, где небо ждет бездомное.

и пьешь дожди на брудершафт.

Небо с утра

небо с утра такое, что «умереть»
(помнишь – болконский, поле аустерлица),
падаешь вверх по-птичьи, чтоб посмотреть –
что там внизу? какие откроют лица
хрупкий подснежник в завязи автотрасс,
злой кабысдох с обрывком цепи на шее,
верба в обломках веток, хрустящий наст,
черный от дыма, тающий еле-еле.

лица, как души, духи дырявых крыш.
не надыхаться светом в конце тоннеля.
горы, царапнув небо, рождают мышь,
сонмы мышей, бегущих к грошовой цели,
высохшей, сорной, цепкой, что тот репей,
вяжущей массу в осточертевшем клинче.

но, посмотри, там кто-то стоит в толпе
и у него лицо с полотна да винчи...

Так облетает год

так облетает год.
календари
растут и зеленеют хлорофиллом,
летят, желтея в гонке на пари,
«мейдей, мейдей» и падают без силы.

не знать, не знать об осени потерь,
не зашивая дырочек в карманах,
кидать на ветер истовое «верь»
и верить «трололо» на нотных станах.

не быть, не слыть забытым багажом –
отмершей белизной чужих записок.

сентябрь – по черным веточкам ножом?
сентябрь – одна из ста преддверных рисок?
по косякам – сезонной новизной.
снега на кисти.
седина – не блонди.

не парны годы – усмехнется ной.
календари горят.
и мы уходим.

На вдохе (триптих)

как с похудевшего пальца
кольцо неизвестно когда
тоненько дзынькнуло
в токе людей и событий,
как растворяются
кубики пьяного льда,
как расползаются
в простыни старенькой нити.
вроде бы было – и нет.

протекает вода
в кухонном кране
и время проточное дышит
глухо, с присвистом,
устав выбирать невода
полные тины,
теней позабытых и лишних.

мы же их множим,
мы тоже свои среди тех,
кто неизбежно потерян
в парящих над крышей.

падают капли,
«так-так» говорят темноте.
слышишь?

* * *

дни тарахтят,
туманны и нервозны,
заражены безрыбьем и тоской.
на вдохе замирает стылый воздух.
не выдохнуть.
чернильной рекой
окрашен звук –
бессмысленный осколок
всех пулитцеров-букеров.
скорбя,
цыпляют считает старый нумеролог.
тебя бессловно вычтет из тебя.

* * *

стою и смотрю,
привыкшая не смотреть
на этих бегущих по краю земного неба,
они убегают, они догоняют смерть
на клятой арене для зрелищ с раздачей хлеба.
бежать, обгоняя десятки усталых спин,
не видя ни света, ни горних вершин, ни ночи.

и вот добегаешь.
один.
ты совсем один.

и небо живое,
межзвездное и лопочет
о вечном.

Человеки входят в реки

человеки входят в реки
и выходят из реки
раки поднимают веки
цап – и греки коротки

человеки входят в трои
и возносятся к троим
дыропяточны герои
ты один и я один

человеки входят в амок
и уходят к мокрецам
сеть ли нянек семь ли мамок
сын ответит за отца

дом
дитя
посадка леса
арма-нечет-геддон-чет
в мире множатся дантесы
лета черная течет

Мышел

переведи с санскрита на язык
шумов эфира.
семо и овамо.
пацакам – цаки, пришлецам – эцих,
неандертальцам – прирученных самок,
адамам – яблок, клеопатрам – змей,

эйнштейнам – время,
дарвинам – мартышек.
переведи через майдан.
сумей.

сусанин-шишел спел michelle и вышел...

Далекое

таскать дрова, вдыхая бересты
январский запах, свежий и колючий.
растить огонь, застывший у черты
чугунной дверцы.
так, на всякий случай
приваживать нахальных воробьев,
дерущихся за зернышки в кормушке
под флагом хитрых выжиг «все – мое!»
на этой подмороженной пирушке.
ругаться с кошкой, громко в пять утра
занывшей «на прогулку отпустите».

и снег грести, царящий во дворах,
да что там двор – в обрывках белых нитей,
сшивающих небесное с земным,
округа, лес, уснувший под горою,
и полумесяц озера – храним
ледовой коркой, камышовым строем,
сквозная одинокая лыжня,
врезающая поле, пласт на склоне...

а снег летит
на кошку,
птиц,
меня,
отгаивая на моей ладони...

Зинаида Кокорина

Такой размах философских суждений у этой тематики!

«Посвятить себя чему-то, это значит иметь в жизни цель и идти к ней», – писал Гете.

Очевидно одно: если в жизненном пути нет цели, то жизнь прожита бессмысленно и напрасно. В моем понятии цель – это далеко светящийся маячок, мелькает, подмигивает: «Дерзай, но не забывай, что на пути ко мне будут и рифы, и мели, и встречное движение...» Вот он, жизненный путь, шагая по которому, мы формируемся, совершенствуемся, изменяемся... И, как гласит индийская пословица, «дорогу осилит идущий»!

Поэт, публицист и прозаик, пишу для детей стихи и прозу.

Печатаюсь во многих журналах и альманахах: «Золотая строфа», «Парадоксы чувств», «Автограф», «Москва поэтическая», в детских: «Либерия», «Сви-рельки» и др. Автор четырех поэтических сборников, более десятка книжек стихов и прозы для детей.

Член ЛИТО им. Новикова-Прибоя (Королев), Союза писателей-переводчиков МГО СПР, РО МСП «Новый Современник», Содружества авторов для детей (САДИК, Казань), Московского салона литераторов (МОССАЛИТ).

Победитель многих литературных конкурсов, награждена почетными грамотами и дипломами за заслуги в литературе, медалью МГО СПР «М. Ю. Лермонтов 1814–1841» (2014), медалью МГО СПР «60 лет МГО Союзу писателей России» (2015).

*Три пути у человека, чтобы разумно поступать:
первый, самый благородный, – размышление,
второй, самый легкий, – подражание,
третий, самый горький, – опыт.
Конфуций (Кун-Цзы)*

В этом альманахе стихи из раздела моей поэзии «Восток – дело тонкое».

Радует приход весны

Сэдока

Солнечный лучик
Тронул узор на стекле.
Конец творенью зимы?
Весело капли
В душу мою струятся.
Приход весны радует.

Горе

Синквейн

Горе.
Тяжко, грустно.
Подкралось, есть, пройдет.
Надо пережить и это.
Вера.

Выйду в поле

Хайку

Жемчуг на травах.
Пробует пчелка нектар.
Воздух дурманит.

Капелька крови.
Села на белый рукав
Божья коровка.

Стебли ковыли
Легкий качнул ветерок.
Солнце все выше...

Близится осень

Танка

Гроздьям рябины
Месяц еще созреть.
Клены краснеют.
Ветер играет листвою.
Капля дождя на ладонь.

- - -

Дождь морозящий
Мне нагоняет тоску.
Слезы на листьях...
Август, порадуй теплом!
Осень пускай подождет.

- - -

Небо светлеет.
В проблесках туч грозовых
Лучик надежды...
Радует душу мою
Розовый цвет облаков.

Зима

Японский сонет – ренга

Мороз

Серой завесой
Воздух холодный рябит.
Лед под ногами.

Пики-сосульки.
Мощный нарост-сталактит
Над головами.

Зерна на тропку старик
Птицам бросает.
Мальчик поднял воротник,
Шаг прибавляет.

Напоследок...

Вьюга стихает.
Зяблики прячут в кустах
красные грудки.

Крыши под снегом.
Ветви деревьев дрожат
хлопья сыпая.

След от лопаты.... Сугроб.
Хмурится дворник.
Небо обрушит вот-вот
порцию снега.

Скоро весна

Снег серебрится.
Крепнет февральский мороз.
Воздух прозрачен.

Утром резвится
Тот же под окнами пес.
Банька на даче.

Рыжий морозный закат-
вспышка на раме.
Праздник! Блинов аромат!
Дым над кострами.

Весна идет

Капли на стеклах.
Ветви стряхнули балласт
Талого снега.

Кот на крылечке
Делает вид, что вздремнул.
Птицы у лужи.

Шустро заполнил ручей
Трещинки-ямки.
Радует солнышко глаз.
Луч согревает.

Июнь на северном море

Здравствуй, море!

День

Хмурое небо.
Туч кучевых полотно
Падает в море.

Северный ветер
Волны по пляжу стеной.
Кружево пены.

Воздух пропитан сырой
Запахом моря.
Чаек ликующих крик
Вольному воля.

Утро

Всхлипнула чайка
Робко касается луч
Краешка рамы.

Шелест прибоя
Ветер очистил от туч
Сонное небо.

Нехотя шторм отступил.
Море вздыхает.
Кот появился в дверях.
Доброе утро.

Природа ждет дождя

Газель

Крадется в чашу душистой тьмы рассвет, – природа ждет
дождя.

В зловещей тишине дыханья нет. Природа ждет дождя.

Рябь ртутно-черных облаков и туч стальное полотно
Закрасил дерзко темно-фиолет. Природа ждет дождя.

Разряды молний-стрел вдруг озаряют купол полотна...
Просветы на земле – их бликов след. Природа ждет
дождя.

Раскатисто-ворчливый грохот-треск ворвался в тишину...
Так мог бы Зевс прочесть Земле памфлет. Природа ждет
дождя.

Смеялось небо, а потом низвергло ливневый поток, –
Был звук его милей звона монет. Природа ждет
дождя.

Отгрохотало, отсверкало, и, лениво уходя,
Оставило мне радужный привет. Природа ждет
дождя.

Мария Панфилова

Родилась и перерождалась в Москве. Работаю дизайнером. Пишу стихи. Иногда рисую картинки. «Чудесное творить» – несомненно – цель. Путь – любовь.

В авторской редакции.

*

маленький дворник
длинную строчку подмел
и задумался

*

верблюжий войлок январь
уклюже плавником потерри
коны иконников террибль
от одичалых инфантерий
на ламе вОлок белый вол
вали снегОвия свивальник
нагрей кавайи заневоль
в опочивальне наковальне

*

и кажется
достиг
бережности
топ топ топких берегов
всего достиг
и ехать некуда
как бы ты
берёг берег
выбирал выборг
ор орд
рыбой быв
выбывал бы из волн
избывая зыбь
забывая зов
аве
СОЛОМ
ПОДВОДНЫХ

*

зима, чернавка набелённая
кому всё это: мушки и оборочки
обола оболочка
лаки локи

*

мы, могилы,
принадлежим мёртвым.
но ещё больше
принадлежим живым
тем, кто вступил во владение
лодочки смерти

*

молчи, могила,
говори, могила,
забыть не моги
тебе засыпали рот
тебе поручали беречь
бери их –
– как же это возможно сказать «бери»?
собирай нас
на этом берегу

*

кто тебя хоронил?
они?
вы?
выли вы?
проливали?
водки паводок
поводок рван
рана провалена
пароль
не существующий телефонный номер

*

о
с
т
ре
ля
й
ми
лень
кий
кафка
фак

*

фея пещеры Ыыр
фее реки Ик
то есть себе самой
самой-самой себе
думает вслух
поёт
молча
головы големов
словно камни заволят водх
перегородят русло:
залиты восемь провинций
заболочены нивы
заживо погребены
целые корованы
ценные грузы погибли
добрый породистый скот
свитки, тюки и ларцы,
бочки, мешки и кувшины,
вазы и стразы и веера,
и тамагочи тож!

а какие невольницы!
для изумрудных покоев

для нефритовых игр
для невиданных ласк
нежных
как веки жирафа
как лепестки гиацинта
как иголки под ногти
как гранитные плиты
материнские плато
на краю лесотундры

буря
всё поглотила навеки
схлопнулись
небеса номер семь
словеса обмер оземь
стержни – узлами
ванты – комок паутины...
сход и развал – к этим самым...
забей и зазубрь!

...гладь неоглядная буро-коричневой жижи
реет над ней птерославль
и задумчиво гадит
глядь
эта гладь
тыщу радуг в себе отразила внезапно
будто бы ландыши
самых девярых небес
все повернули головки
и смотрят
и смотрят

*

цинь шихуанди победил по очкам
чапай недобитка добыча
везёт новичков и везёт новичкам
каурка качаясь и бычась
дитятя податель последней воды
краплёная карма колода

красуле сули лисапед поводырь
кто вОда да ты же и вОда
синюшную кали кармином корми
в четыре ручищи и кончим
в строю терракотовом ночи и дни
серебряный каменный ворон руми
и куришь и кореш и кормчий

*

желтая дэу нексия
желтые клочья прически
кровь помады во рту
что ты делаешь здесь
как ты сюда
музон твой
рубит
но
сталь
жи
ши
пиши
ржавым гвоздём
бочИну всю
обочина памятки

*

принц детский даня я тюрьма
офели я? фалафель ли?
смертьфон с прибором
белых лилий
оги льден стер нии чаво
и роз не кралец мер
т'вы?

*

гомон птиц
обрушивается

солнечные градины
гомон-гвалт-посвист:
ви-вире!
ви-ва-че!
пот-че-вать-те-бя-чем?
при-вить! при-вить!
цве-ти-те!
усни-усни-усни!
у-сни-те!
проспись-проспись!
верти хвостом!
верти головой!
про-сти-те их!
про-сти-те их!
прости-ть! прости-ть!
я-так о-дин!
при-вет ду-ро-чка!
сни-ми-те-бюст-гал-те-ры!
с физ-лиц! физ-лиц!
на каждом дереве под нёбом
стеклянные
голоса

*

Свирепая
Девочкавесна
забывает нас
и скуривает
сбривает
пол
головы
потолок
рушится сам
отваживает
бабулюбовь
смеётся
смеет

*

смел путешественник
так далеко забраться
был и-зло-влен на краю
непроходимых дж
из доклада д'озорных:
щёлкал вот этой шт-шт-шт
глядя через неё на наших детей*
чтобы украсть их [д]уши
а зачем же ещё
странный чуж-ж-жак
предстоял
ряду раскрашенных идолов:
у одних и. уши до земли
члены в чехлах из грозовых облаков
слушали вскользь
оставались враждебны
оптику ненавидели
величественные
как грибы
у других и. глаза засыпаны снегом
в ушах повилика произрастает
а зады значительны и воспоследуют
те
смотрели сквозь
всё понимали,
и даже сами в загранках, бывало,
фо-то-гра-фи-ро-ва-ли
...солнце исчезло в захлопнувшейся бегемотьей
Асти
душно благоухали кривандии
ужин был пышен
суд был скор
суд был скор
няк

*

как на собаке
как на китах, черепахах
смерть заживай

зажевала зараза отдай
всю эту плёнку
все пузыри диафильмы
неба ума приложу
заживай заживай

*

счастья снег
только вышел
и снова
лепестков лепет

*

початок беззубый
смола улыбки
листик ту ми
уши повесь на крюк
вни май
вынимай маяк
скорости
вро т
мед[л]як истёртый
олдовенький
света света
медленной
мёдленнее

*

рейн ран ран
и мы
с богом бегом
за руки взявшись
рурк в орхидеях
посмеивается

*

снова была в кино
снова была немой
немкою

манькою
мелкою
манкою

*

слово – лов
сердце слова –
воли вол
летучие сандалии листвы
рассыпаются

*

ноябрьские хризантемы
покупаю
новую тушь

*

Балалаечник
отправляй меня на бали
отравляй неболи-травую
светлый тупичок
тих
тех
этих и тех
нету с нами
мон ами мон анж

*

кета и кит
китовый ус
в китай в китай в китай
крутон и крот
котовый нрав
он крут он крут он крут
кета киту
крутон кроту
в усы улыбка хруст во рту
звон пищевых цепей
кипи китей китай

ПРОЗА

Игорь Бурдонов

Пути и цели

Путь можно изобразить линией, направленной в одну сторону: от начала к концу. А цель – точкой в конце пути. Если бы пути не сходились, к каждой цели-точке вёл бы только один путь и мир был бы прост и ясен. Он был бы деревом ветвящихся путей, как его рисуют в лубочных картинках и учебниках по информатике. И на каждом перекрёстке был бы только один правильный выбор, ведущий к нужной цели.

Но пути могут сходиться, и тогда к цели можно прийти разными путями. Одни короче, другие длиннее, одни прямые, другие извилистые. И на каждом перекрёстке приходится делать выбор уже между несколькими правильными путями. А ещё есть одинокие цели, которые недостижимы из точки настоящего. Может быть, такая одинокая цель была достижима из точки прошлого, но мы сделали неправильный выбор, и всё – пути назад нет.

Хотя бывает и так, что можно вернуться назад, можно ходить кругами. Это значит, что нам предоставляется шанс сделать правильный выбор не первый, а второй, третий раз. Мир оказывается запутанным, как паутина, или клубок спутанных нитей, или картина маслом в духе Кандинского, или полубезумная китайская скоропись «травяным стилем».

И это ещё простая модель, в которой цели просты и неподвижны, только мы сами двигаемся по путям. Но что такое цель? Разве это простая точка? Разве она не меняется всё время, пока мы к ней двигаемся? «За что боролись, на то и напоролись» – как раз об этом. И, отчаявшись, добавляют: «Главное – не цель, главное – дорога к ней», чтобы тут же возразить: «Если вы не

знаете куда идёте, то не важно, какой вы выберете путь». Аристотель предлагал простое решение: «то, что бывает под конец, то и есть цель». Но тогда цель жизни – смерть, с чем вряд ли согласится идущий. По крайней мере, пока он идёт.

И получается, что не только наш путь и наш выбор на каждом перекрёстке пути зависят от нашей цели, но и сама цель определяется тем путём, которым мы идём. Похоже на змею, кусающую собственный хвост. Но если задуматься: а как же иначе? Ведь свою цель мы выбираем сами. А кто выбирает, делает нас такими, какие мы есть? Пройденный нами путь.

Гегель называл это «сам себя конструирующий путь». Такая извивающаяся змея. За 25 веков до Гегеля ему возражал Лао-цзы: «Если бы я владел знанием, то шёл бы по большой дороге. Единственная вещь, которой я боюсь, – это узкие тропинки. Большая дорога совершенно прямая и ровная, но народ любит кривые тропинки». Впрочем, Лао-цзы возражал и сам себе: «Великая прямота похожа на кривизну».

Каков же ваш путь? И какова ваша цель?

От автора

Эти три рассказа о доме.

Потому что человек – домашнее животное. Почти как кошка. Только глупее. Потому что кошка, найдя дом, успокаивается, а человек – нет. Он думает, что это не тот дом, который ему нужен, потому что если дом тот, который ему нужен, то он сам уже не нужен. И человек ищет новый дом. Но всегда возвращается в старый, чтобы снова отправиться в путь. Он не умеет сворачиваться клубком, как кошка.

Эти три рассказа о пути к дому.

Начну с последнего.

Литература – путь текста. И неизвестно, чего здесь больше: желания жить в тексте, превратив его в свой дом, или желания превратить свой дом в текст, тщательно записывая все детали в записные книжки.

Все писатели безумны. Особенно великие. Разве можно чего-то достичь, переставляя буквы то так, то эдак?

Художники тоже безумны: когда они пишут картину, они думают, что творят мир-дом. Нет, неправильно: они не думают, смысл художества как раз в том, чтобы не думать, а делать. В глубине души каждый художник уверен: если он не напишет эту картину, дом исчезнет, мир исчезнет. Просто растворится, растает, как снежный ком, расплывётся, как горячий воск. Но художник не пытается создать новый мир-дом, он не творец, а сотворец – он творит тот мир-дом, который уже создан, но без этого повторного сотворения погибнет. Его всё время надо сотворять заново, повторяя «я так вижу».

Самые циничные – математики. В своём математическом доме они сидят, положив ноги на стол. Спиной к окну, за которым – живой мир, на который им наплевать. Но в глубине души каждый математик знает: его дом стоит... даже не на песке, а без фундамента как бы висит в пустом пространстве, под полом – страшная бездна. Математики разговаривают с Богом напрямую: Ты охренел, что ли? Так они выражают своё восхищение Творением. Так они скатываются в философию, потому что у математиков та же самая ностальгия – ностальгия повсюду быть дома.

15 марта 2019

Проблема огіева*

Он добавил пару кружков и поменял несколько стрелок. Ничего не изменилось. На другой странице в паутине латинских и греческих букв по-прежнему мрачно чернела причудливая готика, и маячил жирный еврейский алеф. Он хотел было подумать о

---

* Рассказы представлены в авторской редакции.

китайских иероглифах, но не стал думать, потому что так уже думал раньше. Иероглифы, конечно, упрощали рисунок, но чем они лучше готики? Упрощение кажущееся, как если бы в русский алфавит добавить тридцать четвёртую букву для обозначения «Войны и мира» Льва Николаевича Толстого, а то и полного собрания его сочинений. Как прикажете понимать текст в таком расширенном алфавите?

Решение не давалось. Оно не давалось уже давно, и он в очередной раз подумал: стоит ли его искать? Задача вполне могла оказаться неразрешимой, а он терпеть не мог доказательства неразрешимости. От них у него болела голова, и портилось настроение. Он же понимал: неразрешимо при данных условиях и данными методами. А как на самом деле? В конечной инстанции? Такой вопрос в математике неприличен, но сейчас ему было наплевать на математику. Проблема Огиева только с виду математическая, он чувствовал, что речь идёт о вещах не относительных, а фундаментальных. Парадокс в том, что все математические парадоксы лежат в фундаменте математики и, тем самым, они не математические, а философские вопросы. Задавать их нужно не науке, а Богу. А с Богом у него давние счёты.

Настроение опять испортилось. Он оделся и вышел из дома. И зачем ему вообще нужно решать эту проблему? Мало ли нерешённых проблем. Какие-то он решил, другие решить не удалось, но он не мучился, а просто отошёл в сторону – они ему надоели. С Проблемой Огиева было по-другому: она не отпускала. Как будто Бог хотел что-то сказать ему, рассказать о какой-то тайне. Только не понятно, что сказать: то ли открыть эту тайну, то ли дать по носу, чтобы не лез, куда не положено. Не просто, чтоб надоело, а с полным осознанием собственного ничтожества. Показать дверь и строго-настрого за-

претить её открывать. Сообщить список нехороших слов, которые он не должен знать. Подвести к ябло-не – эти яблоки ты не кушай, хотя до этого у него и в мыслях не было их кушать.

Взвизгнули тормоза, машина почти остановилась, но тут же помчалась дальше. Он остановился, тупо осмысливая слова, выкрикнутые водителем. Что-то в них было неправильное. С точки зрения математической генетики. Чуть под машину не попал, подумал он. Может быть, Бог предупреждает – не лезь? Как у Стругацких в «Миллион лет до конца света»? Если бы. Не так уж ему приспичило разгадывать эту тайну, скажут нельзя, не будет. Да и не проще ли всемогущему Богу просто отнять у него желание её разгадывать, чем возиться с предупреждениями?

Он, наконец, перешёл через улицу и углубился в парк. На тропинке ещё оставались следы ночного льда, хотя всё остальное было в пользу весны. Пучки уже зелёной травы, как будто она зазеленела ещё под снегом, а может быть, так и не засохла с осени. Изменившийся цвет коры деревьев. Первая паутина на ещё голых веточках. Красиво симметричная. Не то, что у него на второй странице. Даже клинопись девятой логики, прошивающая всю картину, была далека от симметрии. Даже если развернуть это в подходящем пространстве, где-то измерений на шесть, когда развязываются почти все узлы паутины и она превращается в некое змееподобное тело, – всё равно красиво не получается. Он даже пытался внести симметрию насильно, с помощью нескольких зеркальных отображений, физический смысл которых не понимал, но отложил понимание на потом, если всё получится. Не получилось – вышло только хуже.

На лицо упала капля. Он поднял голову – небо было почти чистое, только два-три призрачных облачка окружали его центр, похожие на готические

буквы, только не чёрные, а белые. Капля упала, наверное, с вишни. Её ветви, подобные марковским ветвящимся процессам, нависали над головой, и кое-где уже можно было различить белые клювы цветов, вылупляющихся из почек. Марковские процессы он не любил, как всё случайное. Для очистки совести он, конечно, пытался описать проблему в вероятностной модели, но вышла такая гнусь, что он с облегчением вернулся к детерминированной логике.

Вот он подумал, что не любит случайности. На самом деле это не так, просто он не любит подменять случайность вероятностью. Мир вокруг интересен как раз тем, что невычислимо случаен. Глупо искать закономерности в расположении стеблей прошлогодней травы на обочине тропинки. То есть, конечно, не глупо и такие закономерности есть. Только они не отменяют случайности, и эта трава красива как раз потому, что случайна. И потом, он же понимал, что без случайности нет свободы воли и, значит, его самого, как существа этой волей наделённого. Вот только не понятно, почему он со своей свободой не волен выбирать себе желание: решать Проблему Огиева или не решать. Как будто это решение уже принял за него кто-то другой.

Если всё это происки Бога, то он такого Бога не понимает. Далась Ему эта Проблема Огиева. Она, конечно, забавная и сложная, но, если честно, её сложность ни в какое сравнение не идёт, ну хоть, вот с этим ещё жёлтым одуванчиком. Если расписать его на языке математики от топологии до теории вероятностей (которую он не любит), получится столь чудовищный текст, что по сравнению с ним «Война и мир» даже не буква, а всего лишь маленькая чёрточка, которую без лупы и не увидишь. А таких одуванчиков – и все разные – сотворено Им столько, что Лев Николаевич за всю свою жизнь

столько букв не то, что не написал, даже подумать не успел.

Над одуванчиком кто-то пролетел, жужжа крыльями. Это может быть уже не муха, подумал он, это уже может быть какая-нибудь ранняя пчела. Тоже сложное существо, тоже свободное – ведь она сама выбирает, куда лететь. Он пошёл дальше, перешагивая ручьи, пересекающие тропинку. Стали попадаться прошлогодние жёлуди. Дубы стояли чёрные, чернее, чем зимой, потому что были влажными, а цвести им ещё не скоро, они зацветут последними. Их ветви, в отличие от вишнёвых, напоминали не ветвящиеся процессы, а что-то топологическое. Они извивались, как извиваются ветви деревьев на китайских картинах, или как извиваются змеиные тела драконов.

Проклятая змея в шестимерном пространстве, подумал он. Мало того, что она рекурсивно пожирает свой собственный хвост и перекручена в бесконечность, так она ещё и вывернута как Лист Мёбиуса. Потому и не удаётся разрезать проблему на две части: это – посыл, это – вывод. Вместо двух частей получается снова одна, только дважды перекрученная. У этого Огиева извращённое чувство юмора: ну кто же так формулирует задачу, что непонятно, где начало, а где конец, что дано, а что нужно доказать, что истина, а что ложь. Какая-то постмодернистская математика. А уж следствия – не приведи Господи...

Тропинка разветвлялась, огибая с двух сторон болотце с белой талой водой и плавающими клочками седоватого мха. Он остановился, чтобы подумать, куда идти дальше. Так вот, о следствиях. Как бы ни была решена Проблема Огиева, из каждого такого решения выводятся те или иные следствия. Забавно, что решения ещё нет, а возможные последствия уже просчитаны. Не им, они просчитаны ещё в трудах самого Огиева. Тогда этим заинтересовалась широкая публика, конечно, ненадолго. В одном популяр-

ном журнале некий журналист расписал проблему в кошмарных апокалиптических красках. Якобы у Огиева речь идёт о возможных вариантах Конца Света и сценариях Страшного Суда. Смешно, конечно: это всё равно, что отрицательные числа трактовать как числа загробного мира, а нуль — как профиль туннеля, по которому мы все туда рано или поздно отправляемся. Можно ещё мнимые числа, в отличие от вещественных, объявить ангельскими, а комплексные — как формы взаимодействия земного и небесного миров, вплоть до Иисуса Христа с его двойственной природой.

Он машинально свернул направо, забыв, что сначала хотел подумать, куда идти. После берёзовой рощи слева потянулся забор дачного посёлка. Дома за ним стояли ещё нежилые, лишь над одной крышей вился тонкий дымок из трубы. Интересно, подумал он, а как бы я трактовал Проблему Огиева, если забыть, что это математика? Это, конечно, не Конец Света, я бы скорее назвал это Началом, Сотворением Мира. Забавно, что проблема состоит из шести относительно независимых положений и ещё одного, седьмого, которое ничего своего не утверждает, а лишь подводит итог всем остальным: они необходимы и достаточны. Как шесть Дней Творения и седьмой день отдыха. И сама фигура змееподобного тела смутно напоминала ему картинки начального взрыва вселенной, которые мелом на доске рисовали физики-теоретики. Это было на какой-то давней конференции по космологии, летом, в Крыму, куда его, тогда ещё молодого аспиранта, направили то ли по ошибке, то ли в качестве награды за хорошую работу. Море было тёплым, крымское вино вкусным, а конференция довольно скучная. Только эти картинки ему и запомнились.

Тропинка влилась в дорогу, которая стала медленно подниматься к мосту через кольцевую автодорогу. Монотонный шум потока машин подейст-

вовал на него угнетающе. Он чуть было не повернул назад, но вспомнил, что в этом году ещё ни разу не был за кольцевой дорогой, и ему захотелось войти в настоящий лес. У самого Огиева, конечно, никаких божественных параллелей не было. Саму проблему он сформулировал, как бы походя, в статье о расплывчатых космологических пространствах, которые придумал по аналогии с нечёткими множествами. Теория дальнейшего развития не получила, поскольку уже в следующей его работе была доказана пара теорем об эквивалентности расплывчатости обычным недетерминированным функциям. А проблема осталась, она заинтересовала многих, но, как ни странно, не самого Огиева. Даже в его «Нематематических Записках», по сути дела, дневниках, опубликованных уже после смерти учёного, проблеме уделена лишь пара строк. Там написано: *«Если бы я был старше или умнее, я бы никогда не сформулировал проблему в таком виде. Но сделанного не воротишь, и теперь остаётся лишь надеяться, что все попытки её решения потерпят неудачу, и люди забудут о ней. В конце концов, и в жизни, и в математике остаётся достаточно много важного, красивого и интересного»*.

На мосту дул ветер. Казалось, ветер дул сразу в обе стороны, как в обе стороны двигались машины под мостом. И так же монотонно и скучно шумел. Поэтому он поспешил дальше, вниз, на ту сторону моста. Строки Огиева долго не давали ему покоя. Они были не просто «нематематическими», они были анти-математическими и в устах математика казались столь же нелепыми, как слова «Бог его знает» в устах самого Бога. Что это было? Предупреждение? Но о чём? Раскаяние? Но в чём? Одно время ему казалось, что у Огиева было решение проблемы, которое тот по каким-то причинам не опубликовал, и поэтому написал такие странные слова. Потом он думал,

что проблема, может быть, вообще не имеет смысла, несмотря на внешне безукоризненную с математической точки зрения форму. Это произошло тогда, когда его воображение нарисовало шестимерную змею, жрущую собственный хвост. Рекурсия, сама по себе, дело в математике обычное, но здесь в ней чувствовалась какая-то чудовищная и в то же время постоянно ускользающая от взгляда неправильность. Программист сказал бы, что в любой программе есть ошибка. Но он не был программистом, он был математиком, и для него самая малая ошибка перечёркивала всё, каким бы правильным и красивым оно ни было.

На другой стороне снег ещё не растаял. Только вокруг стволов сосен чернели круги земли и кое-где от них отходили стрелки вдоль особо мощных и близких к поверхности корней. Как кружки и стрелки на его первой странице. Смерть Огиева была неожиданной и нелепой. Никогда не увлекавшийся не то, что альпинизмом, но даже простым семейным туризмом, он вдруг отправился на Алтай с группой своих аспирантов. Ребята не смогли отказать своему научному руководителю, к которому питали чувство искреннего восхищения и уважения, чем тот, по сути, и воспользовался. Маршрут не был ни тяжёлым, ни опасным. Просто однажды утром Огиева не оказалось в палатке. Его искали два дня, и нашли километрах в шести от лагеря, на дне глубокого провала. Как он там оказался, почему ночью ушёл один, что искал или от чего бежал, так и осталось неизвестным.

Дорога закончилась, не доходя до леса. Собственно, она и вела не в лес, а к кладбищу у края леса. Теперь он понял, зачем шёл сюда. Его манили вовсе не весенние токи в пробуждающемся лесу. Он пошёл между рядами могил, безошибочно вспомнив направление, хотя был здесь всего один раз, много лет назад. Ему пришло в голову, что проблему нужно

разрезать не на две части, а как бы раздробить на много, очень много фрагментов. Должно получиться что-то вроде голограммы, где каждый фрагмент будет почти копией проблемы в целом. Всё дело в этом «почти»: если фрагмент определить конечным образом, каждый фрагмент имеет решение. Правда, это решение конечно и ограничено, и фрагменту никогда не дотянуть до полноты целого. Но если фрагментов бесконечно много, то интегрально, во фрактальном исчислении...

Он остановился у перекрёстка. Хотя перекрёстком это место можно было назвать лишь условно: кладбище было засыпано снегом, будто зима в самом разгаре, и проходы между могилами лишь угадывались. Нет, так ничего не получится: змей снова перекручивается в бесконечность, на этот раз в бесконечное число фрагментов, и решение ускользает. Он уставился невидящим взором в надписи на крестах и надгробных плитах. Какая-то смутная мысль мерцала в сознании, не исчезая и не проясняясь. Поднял голову к небу: три белые готические буквы по-прежнему окружали его центр. Мысль исчезла. Он машинально подхватил горсть снега, слепил снежок. Глаза стали автоматически читать надписи: родился тогда-то, умер тогда-то. Мысль появилась снова, похожая на падающие снежинки. Он и не заметил, как пошёл снег. Наверное, последний снег в этом году. Ногам стало холодно – он стоял по щиколотку в липком снегу. Он нагнулся, чтобы очистить брюки от снега. Мысль опять исчезла.

И внезапно он понял. Конечно, фрагментов бесконечно много. Но это в статике, в актуальной бесконечности. Когда она восьмёркой, упавшей на бок, появлялась в его первых, ещё студенческих работах, его учитель академик Марков укоризненно качал головой и показывал пальцем: уберите это. Глава московской школы конструктивистской математики, конечно, шутил, но только наполовину:

бесконечности нет, есть способ её построения. Пусть число фрагментов конечно, даже ограничено сверху, но это – в отдельный момент времени. Если использовать формализм динамических систем и временную логику, если фрагменты рождаются и умирают, то получится потенциальная бесконечность. И тогда проблема может иметь решение, хотя не такого решения он ожидал. Решение, которого нет ни в какой момент времени и ни для кого одного, а только в пределе – после бесконечного числа рождений и смертей. Дверь открыта, слова можно знать, яблоко – кушать. Только за дверью такая же дверь, в книге не хватает бесконечного числа страниц, а яблоко твёрже гранита. Кажется, Бог нашёл-таки способ...

Тень дерева указала направление. За поворотом он увидел простую гранитную плиту. Выплывший из-за сосны уже по-весеннему яркий луч солнца заиграл на металлических точках, сливающихся в буквы, закручивающиеся в положенную на бок восьмёрку. Раньше этой надписи не было, он это точно вспомнил, когда прочитал:

Проблема не в том, что меня нет,
а в том, что я мыслю.

Домой он вернулся замёрзший и злой.

Картина в технике се-и

Той же ночью ему приснился сон.

Они сидели за столом, все четверо со своими жёнами. Стол был праздничный: бутылки, закуски, цветы в двух тонких высоких вазах. Жёлтые розы и белые хризантемы. Со временем, как обычно, разговор вошёл в философско-мистическую сферу. Это

значит: заговорили о смерти. Все молоды, смерть – это что-то далёкое, но все когда-нибудь умрут. Но вот интересно: в какой последовательности? Кто раньше, кто позже? И тут он увидел, как воздух вздрогнул, и жена первого из них замерцала и растаяла. Никто этого не заметил, разговор продолжался. И снова воздух вздрогнул, и жена второго замерцала и растаяла.

Он вышел из сна.

Оставшиеся сидели за столом. Бутылки, закуски. Но это не праздник, пьют не чокаясь. Сон оказался вещим. Только приснился не тогда, тридцать лет назад, а сейчас, как предсказание прошлого. Теперь за столом о смерти не говорят, но думают: кто следующий. Он понял, что это тоже сон, ведь поминок по жене второго не было, не получилось.

Воздух вздрогнул, и он, не дожидаясь, вышел из сна.

Его разбудил толчок: слабый, но настойчивый. Сегодня он напишет картину. Он её не видел, но чувствовал, что она рождается. Её и нельзя увидеть, пока кисть не коснётся бумаги. Нет, это слишком рано: увидеть нерождённое, не значит ли убить его? Только когда картина закончена, и кисти отложены... А пока лучше отвлекаться.

Он приоткрыл глаза: свет медленно наполнял веранду. Это хорошо, не проспал, буду вставать вместе со светом. Оделся и вышел на крыльцо.

Яблоня была старая. И дом старый. Дом был срублен ещё до войны, а после войны сплавлен из Кадома вниз по Мокше. Но здесь, в этой земле они укоренились одновременно: дом и яблоня. Сруб ещё без крыши, тёмные и влажные, будто только что из реки, брёвна. Хотя это всего лишь дождь – на дорожке бледной тушью нарисованы лужи. А рядом с дорожкой, в маленькой лужице – тонкий штрих яблоневого саженца. И закатное небо в три полосы: красная, белая и тёмно-серая, почти чёрная.

Красивая картина, но он уже увидел её. Значит, не то.

Дом смотрит на яблоню, а яблоня смотрит на дом. Должно ли это что-то значить? Каким движением кисти можно передать взгляд? Он пошёл в избу пить чай.

Дом должен был умереть после того, как умер его хозяин. Старик-горюн, как называла его баба Люба. В тёмном, лишь угадываемом пространстве избы светлое пятно окна и кровать около него. Жёсткими мазками кисти – сгорбленная фигура в валенках, шапке-ушанке, с неясным тёмным лицом и руками на коленях. От старика ушла жена, он загоревал и заболел. Последние годы уже почти не вставал с кровати, и баба Люба носила ему еду, жалела. Потом он умер.

Десять лет дом медленно умирал. Соседи держали в клетке свиней, но на сам дом, на избу не покушались. Дом не умер, потому что появились новые хозяева. Приехали из Москвы, купили дом и стали слушать рассказы бабы Любы о том, что и как тут было раньше. Дом подлатали, поправили, и стало ясно: он простоит ещё долго. Теперь дом можно нарисовать даже по линейке и угольнику.

А яблоня продолжала стареть. Ей тоже подрезали сухие ветки, но дерево – не дом, его не подлатаешь и не поправишь.

Всё было бы проще, если бы яблоня уже умерла. Мёртвое дерево рисуется сухой кистью, когда в её пролёте прерывается тушь. Мёртвые ветви – это старые кости, выбеленные временем и ветром. Это можно почувствовать запястьем.

Но яблоня была ещё жива. И смотрела на дом, на траву, на дорогу, на небо, на три берёзы перед домом. Потом из трёх берёз осталась только одна, она была в два раза выше дома, а дом – в два раза выше яблони. И хотя берёза уже почернела – тычки влажной туши покрывают почти всю поверхность

ствола – и забрасывала траву перед домом сухими ветками – быстрые штрихи тонкой кисти, она выглядела моложе яблони.

Он вернулся на веранду, убрал постель и поставил стол. Просто столешница на низкой лавке и раскладной табуретке. Удобно: можно убирать и ставить. Разложил краски. На некоторых тюбиках крышки не откручиваются, присохли. Придётся пойти за плоскогубцами, они в сенях, где на стене развешаны все инструменты: молотки, напильники, стамески, ножовки, топорик, рубанок ...

Дед Гаврила умер, когда упала первая берёза. Он был глуховат, поэтому особого разговора не получалось: он просто подходил и смотрел, как строгают доску для лавки. Улыбался и кивал головой. Теперь уже не слышно утренней перебранки деда Гаврилы и бабы Любы. Семейная жизнь была долгой и тихо закончилась. Свет, плавно гаснущий к нижнему левому углу картины.

Яблоня по весне покрывалась бело-розовым цветом. И как тут быть? Яблоневого цвета требует мокрой бумаги и влажной кисти. Если сначала рисовать бело-розовое облако, а потом ждать, пока бумага подсохнет, чтобы рисовать ствол и ветви, ничего не получится: облако зачёркивается штрихами ветвей вместо того, чтобы выплывать из них. Если, наоборот, сначала из сухой бумаги вытащить старые кости, а потом бумагу смочить мокрой ватой в тех местах, где должно быть облако, лепестки будут будто приклеены поверх яблони, как приклеивают разноцветные марки к письму. Да и бумага покоробится. Ветви и цветы, старость и юность нельзя писать двумя движениями. Если движений два, то и картина распадается на две половинки, как разрезанное яблоко. Но как совместить в одном движении старость и юность, смерть и рождение? Запястье либо мягкое и гибкое, либо твёрдое и резкое, либо плывёт, либо летит, либо расслабляется, либо твердеет, либо ласка-

ет, либо ударяет. Нужна особая техника, чтобы совместить несовместимое.

Он выбирал лист бумаги долго и тщательно. Рождавшаяся картина требовала какой-то особой бумаги. Может быть, китайская? Мягкая как бумажные полотенца? Когда-то, когда он учился рисовать, разглядывая альбомы китайской живописи и штудировав китайские трактаты о живописи, ему очень не хватало такой бумаги. Акварельная казалась грубой и жёсткой, совсем не понимавшей, как она должна впитывать тушь. Но со временем он совладал с непослушным материалом и теперь вряд ли сумеет писать на китайской бумаге, не чувствуя привычного сопротивления. Тут он понял, что дело не в фактуре бумаги, а в формате листа. Он должен быть совсем необычный: не стандартное золотое сечение и не спокойный квадрат, а что-то раздражающее. Такого у него не было и пришлось вырезать из большого листа, жалея, что отходов много, и они уже ни что не годятся.

Светит солнце и в перекрестии его лучей, преломленных оконным стеклом, изба светится. Баба Люба принесла ведёрко картошки и, присев на краешек кровати, рассказывает. Тремя широкими горизонтальными полосами: белые облака, синее небо, охряная рожь. Два светло-жёлтых штриха дороги и кончиком кисти – лошадь, телегу и две фигурки на ней. Подружка поранила ногу серпом, да сильно так поранила, кровь хлещет. Меня бригадир отправил с ней к фельдшеру, сама-то может не доехать, ещё сознание потеряет от крови-то. А Нюркина мать, вот ведь в кого Нюрка-то, и мать её такая же была шепутная, кричать стала: – Это у них заговор, они работать не хотят. Сама ногу гвоздоцком расковыряла, чтобы не работать, а Любка с ней сговорилась: тоже работать не хочет. Тонкой кистью – фигурки вдаль, похожие на *гвоздоцки*, похожие на китайский иероглиф *чжун* в стиле *лишу*.

Образы движутся один за другим, как в картинной галерее, но только наоборот: ты стоишь, а они движутся. Он понимал, что этот поток нельзя останавливать, он должен проплыть, как проплывают облака в небе, и смыться рождающейся картиной. Просто ни на чём не останавливай взгляд и смотри сквозь... Кисти в низком кувшине, как засохшие стебли трав. Нужно принести воды. Но сначала опустить лист бумаги в бочку с водой. Бумага должна хорошо пропитаться водой, стать почти такой же мягкой, как китайская или полотенце.

Серое небо и под ним почти вертикальные полоски забора, тоже серые, только темнее. А перед забором зелёные ветви и листья помидоров, и сами помидоры – тоже ещё зелёные, тут нужны разные оттенки цвета. За окном дождь, с крыши льют струи и шлёпаются в бочку с водой. Баба Люба вытирает слёзы уголком платка. Голодно было очень в войнуто, очень он есть хотел, зелёных помидоров в огороде нарвал, поел и помер. Сынишку бабы Любы звали Ваня – кисть не поднимается его рисовать, пусть так и останется: небо, забор, помидоры. С тех пор прошло пятьдесят лет. Остальные дети бабы Любы ещё живы: младшая двойня: Галя – в Москве и Коля – в Сасово, средняя дочь Машенька – на Урале, старшая Валечка – здесь, в деревне, ей уж под семьдесят. Внуки, правнуки, баба Люба перечисляет, но он не может запомнить.

Эпические картины обычно рисуют в стиле *гунби* – тщательная кисть. Работа длится несколько дней, а то и недель. Прорисованы все детали: листья деревьев, волоски гривы и хвоста каждого коня, детали одежды и оружия воинов. У всех детей бабы Любы слегка удлинённые лица и характерные бабы Любины носы. Это от прабабушки-турчанки, которую прадедушка бабы Любы привёз в свою деревню с одной из девяти русско-турецких войн. Баба Люба родилась не здесь, а на другом берегу Мокши чуть

выше по течению, в деревне с татарским названием Шевали-Майданы. В стиле *гун-би* хорошо также рисовать ветку яблони, выписывая тонким волосом контуры лепестков бело-розовых цветов на фоне бледно-синего неба. Но яблоню целиком изобразить не удаётся: то ли терпения не хватает, то ли идея яблони теряется и исчезает в путанице веточек, листьев и лепестков, а ведь надо ещё нарисовать траву под яблоней, доски забора за яблоней и за ним край крыши соседского дома с шестом антенны на фоне белых кудрявых облаков.

Утро почти кончается, озабоченно подумал он, а днём картина померкнет, не родившись. Почти уже всё готово: вода в стеклянной банке, из тюбиков выдвлена краска на обычный лист бумаги, заменяющий палитру, краски в кюветах смочены каплями воды, клочок мокрой ваты, чтобы промакивать кисти, собирать с картины лишнюю воду, смягчать резкие переходы и для пары-тройки спецэффектов. Например, он научился рисовать облака с помощью ваты. Вот только будут ли облака на картине? Пока неизвестно. Ещё неизвестно, понадобится ли жёсткий штрих, который не может вывести мягкая кисть. Для мёртвых деревьев, голых скал, стен или крыш домов, фигурок людей. На всякий случай нужно отстругать от полена несколько щепок.

За забором идёт сосед, дядя Петя, в ушанке, хотя сегодня тепло, поднимает руку в знак приветствия. Ну, как там, в Москве? – говорит дядя Петя, – Что ж они там, наверху? Что ж они думают? Ведь совсем жизнь плохая стала? Дальше уж некуда. Что ж дальше-то будет? Машет рукой: – Ну, ладно, Бог даст – живы будем, а не даст – погрём. Рыбки не нужно? Ты заходи, она как раз подвялена. Недорого продам. Продаёт действительно недорого, ещё с десятков рыбёшек сверху накинет – Ты вот эти бери, они получше. Эх, неправильно живет человек! – говорит баба Люба. – Ни веселья не знает, ни праздни-

ка! Не может ни петь, ни плясать, ни вина пить! Сама баба Люба по молодости плясала до упаду, а песни и сейчас поёт. И хоть голос её ослабел, но по-прежнему ясен и тонкие оттенки мелодии выводит чисто. Баба Люба любит застолье и, если выпьет рюмочку, то вспоминает такие песни...

Глаза, улыбка, морщины. Искусство портрета противоположно искусству пейзажа. Китайский портрет в стиле *гун-би* похож на чертёж, в котором каждая линия ритуальна и пишется по древним законам. Самое главное – одежда, она выписывается долго и тщательно, она изображает мир, внутри которого находится человек. Цветной платок бабы Любы, юбка тёмно-красного цвета, ещё домотканая, тяжёлые янтарные бусы, наследственные. Эту старинную юбку баба Люба подарила его жене: «Вот будет обо мне память». Лицо не из настоящего, лицо бабы Любы, когда она не улыбается. Это трудно написать, потому что баба Люба почти всегда улыбается, и глаза её светятся. Это мгновение жизни, доброта, приветливость и лукавство, а на портрете должна быть вечность. Кисти рук. У бабы Любы длинные пальцы, не ровные, будто ветви старых деревьев. Неудивительно, ведь этими руками она по молодости вымачивала коноплю в ледяной воде ручья, пальцы ломило. Он подумал, что теперь уже нужно объяснять, что таким способом из волокон конопли добывали пеньку, а из неё делали верёвки и канаты, не боящиеся соли, мешковину, одежду.

Но есть и другие портреты, похожие на картины Анатолия Зверева. Они писались в технике *се-и*, что значит «писать идею». Портрет в стиле *гун-би* изображает вечность, портрет в стиле *се-и* – мгновение. Старая яблоня, земля под которой усеяна опавшими яблоками, и прутик саженца в лужице воды. Руки бабы Любы и её глаза. Он не умел писать портрет, и лишь изредка позволял себе где-то в пейзаже изобра-

зить фигуру человека, созерцающего пейзаж. В стиле *се-и*, когда человека можно изобразить без глаз, но так, что человек кажется смотрящим, без ушей, но так, будто человек слушает.

Он достал бумагу из бочки и положил её на жёсткий лист оргалита. Теперь лист нужно поставить наклонно, чтобы вода стекала. Придётся подождать несколько минут, он вышел на крыльцо покурить.

Небо было по-осеннему бледным и тихим. Через дорогу за бабы Любиным домом ярко желтели берёзы на погосте. Дальше вечнозеленел сосновый лес, похожий на ровные отпечатки большой беличьей кисти. Сначала лес, что сажала Валечка, дочь бабы Любы, потом – лес, что сажала баба Люба. Ещё дальше был лес изначальный, который никто не сажал, но он был не виден отсюда. Дорога уходила направо, покидала деревню и, пересекая луг, скрывалась в высоких соснах, узким клином подступавших к Старице. В стиле *се-и* ветви высоких сосен рисуются быстрым движением кисти и похожи на каллиграфию иероглифа *и* в стиле *кай-шу*. Он знал, что дальше дорога плывёт вдоль Старицы в заливных лугах, в ямах которых ещё скрывалась бледная тушь утреннего тумана. А в Старице тёмная осенняя вода даже издали кажется холодной. И хотя вода тёмная, темнее всего и холоднее всего она получается, когда вовсе нет туши, только изначальная белая бумага в обрамлении стылой травы, что никнет к воде длинными линиями тонкой кисти.

Так, похоже, что пейзаж он сегодня тоже не будет рисовать. Тогда что? Он чувствовал, что картина готова родиться. Но какая? И что он должен делать? Он вернулся на веранду. Так рождаются только картины в стиле *се-и*. Они рисуются двумя-тремя безумными ударами кисти. Когда внезапно воспаряешь душой, как написано в «Слове о живописи из сада с

горчичное зерно». Когда вся картина – в единой черте кисти, как писал Ши Тао. Он отодвинул краски и стал долго и тщательно растирать тушь. Картина может быть только монохромной, «пять цветов при-тупляют зрение». Бумага ещё не подсохла, он перевернул лист оргалита, чтобы вода потекла в обратную сторону. Выпил глоток крепкого чая, снова вышел на крыльцо и снова закурил.

Что ты собираешься рисовать? – спросила жена. Странно, она никогда не спрашивала. Он честно ответил: – Не знаю. Обнял жену и поцеловал. Ты чего? – удивилась она.

Баба Люба умерла в начале сентября. В этот год их яблоня была на удивление плодовита. Когда в конце лета они уехали из деревни, яблоки ещё краснели на ветвях. Потом стали падать в траву. Бабу Любу искали полдня, и нашли около яблони. Ей было жалко падающих яблок, и она пришла собирать их в корзину. Она не умерла на земле под яблоней, это было бы неправильно. Её жизнь была цельной и мудрой. Такой же должна была быть и её смерть. Она умерла на следующий день, попрощавшись со всеми и отдав все нужные распоряжения. Потому он и приехал в деревню осенью, не за грибами, как обычно, а на похороны.

*Тихий ясный день
Тем, кто умер сегодня,
смерть улыбалась.*

Он вошёл на веранду, смочил кисть и напитал её тушью. Потом зажмурил глаза или, может быть, широко распахнул их от страха, просто что-то случилось со зрением. Из глубины бело-розового цветочного облака яблоня смотрела на него глазами бабы Любы. Сейчас ведь осень, – отрешённо подумал он и почувствовал резкие толчки пульсации в запястье. В стремительном встречном ударе кисти и слепящей точки

на влажной бумаге он даже не почувствовал, как воздух окаменел и вздрогнул, раскалываясь и дробясь.

Они сидели за праздничным столом: бутылки, закуски, цветы в двух тонких высоких вазах. Жёлтые розы и белые хризантемы. Он разлил водку в маленькие стопки: себе и бабе Любе. Чокнулись. – Чтоб всё у тебя в жизни хорошо было, – сказала баба Люба. – За тебя, баба Люба, – ответил он. Воздух вздрогнул, замерцали и появились остальные, один за другим. За столом становилось тесно, как вчера на поминках.

Он вышел

Великий тайный писатель

*по мотивам картины Александра Жданова
«Дом, в котором я не хотел бы жить»*

На потайную лестницу можно попасть только утром по четвергам. Когда-то лестница начиналась от самой земли, но потом крыльцо сломали, стену заложили кирпичами и пристроили домик огородника, который переделали в конюшню, в которой держали осла. На потайную лестницу можно попасть со второго этажа из комнаты старухи-марочницы, а старуха выходит из комнаты только в четверг утром, чтобы перехватить почтальона. Она ведёт почтальона на кухню, и за стакан самогона он разрешает её отклеивать марки с писем и почтовых открыток, держа их над паром, что клубится из большой алюминиевой кастрюли, стоящей над огнём. В этот промежуток времени нужно тихо зайти в комнату, откинуть старый ковёр, поднять три половицы и спуститься в подпол. Потом нужно установить половицы обратно и, потянув за специальную верёвочку, привязанную к краю ковра и уходя-

щую в щель между половицами, вернуть ковёр на место.

Процедура нехитрая и Великий тайный писатель проделывает её каждый четверг уже много лет. Сразу он не уходит, потому что не забывает проследить, как старуха вернётся в комнату, и как она будет приклеивать марки в свои альбомы. Она приклеивает марки картинкой вниз, убивая одним выстрелом двух зайцев. Во-первых, защищаясь от воров, которые не увидят марки и, следовательно, не украдут их. Во-вторых, защищая марки от вредного воздействия воздуха и света. Старуха-марочница или, как её называет Великий тайный писатель в своих записях, Великая старая коллекционерша, рассчитывает, что когда через сто лет на всемирном филателистическом конгрессе вскроют её альбомы и отклеют марки, те засверкают первозданной чистотой и свежестью красок.

Потом Великий тайный писатель ползёт в южном направлении, раздвигает две доски и, протиснувшись между ними, оказывается на лестнице. Винтовая лестница поднимается внутри восьмиугольного колодца. Великий тайный писатель сравнивает её со штопором в пробке, которой заткнута бутылка этого дома, чьё вино он пробует мелкими глотками каждую неделю по четвергам. Здесь светло, потому что в северо-восточной стене много щелей, через которые проникает свет утром и днём. Лучи падают на записные книжки, привязанные вместе с карандашами к перилам лестницы на каждом этаже. Великий тайный писатель записывает факты и впечатления: факты слева, впечатления справа, а между ними вертикальная черта. Сначала он записывает про старуху-марочницу. Потом поднимается по ступеням, которые скрипят, но это не страшно, потому что их заглушает вой печной трубы, заменяющей восточную стену колодца, что удобно ещё и тем, что зимой в колодце

тепло. Рядом с записными книжками в стенах просверлены маленькие дырочки, через которые Великий тайный писатель наблюдает жизнь, чтобы её фиксировать.

На следующем этаже в дырочку на юго-восточной стене видно, как Великий заброшенный шпион садится перед зеркалом и, морщась от боли, сдирает приклеенную бороду. Мажет лицо детским кремом и долго массирует щёки. Потом, глядя в зеркало, начинает старательно выговаривать слова и фразы на иностранном языке. Не сразу Великий тайный писатель понял, для чего заброшенной шпион разговаривает сам с собой: для того, чтобы не забыть слова родного языка за все те долгие годы, что живёт здесь, забытый своим правительством, но не теряющий надежду. Иностранный язык сложен и непонятен. Великий тайный писатель смог достоверно перевести только одну, часто повторяющуюся фразу: «У того мафель зубья», что означает «Я помню свой язык». Смысл другой, тоже часто повторяющейся фразы, «У того пиндарилла трам-там-там» ясен только в общих чертах. Что-то вроде «Я помню свою страну», или «Я хочу свою жену», или «Как мне всё надоело, о Господи!». Неизвестно, из какой страны прибыл заброшенный шпион, но Великий тайный писатель установил, что страна эта – в тёплых краях. Потому что раз в год заброшенный шпион раздевается догола, надевает длинные шорты, расписанные яркими красками, и начинает приседать перед зеркалом, разводя руки в стороны и шумно выдыхая «Уф!». С каждым годом число приседаний увеличивается на одно, из чего можно заключить, что таким образом заброшенный шпион празднует годовщину какого-то великого события в истории своей страны и ощущает себя Великим заброшенным шпионом.

Записав факты и впечатления, Великий тайный писатель поднимается выше.

На четвёртом этаже с южной стороны играют Великие мальчик и девочка. Они играют всегда в одну и ту же игру. Мальчик играет в войну. Сначала он изображает наступающую армию: он стреляет, рубит и колет. А девочка хлопает в ладоши и кружится в танце. Потом мальчик изображает побеждённую армию: он падает, хватается за голову и зажимает рукой живот. А девочка играет в доктора: она даёт раненому таблетки, зашивает живот нитками и перевязывает голову бинтом. Они играют так каждый год, не меняя правил и не взрослея, почему Великий тайный писатель и называет их Великими детьми.

На шестом этаже с юго-западной стороны Великие три сестры каждое утро пакуют свои чемоданы. Чемоданы старинные, обитые железом и привинченные к табуреткам, чтобы не падали. В восемь часов вечера, когда Великий тайный писатель, спускаясь вниз, проходит шестой этаж, три сестры встают с упакованных чемоданов и начинают распаковывать их, развешивая платья, юбки и шубки обратно по шкафам. Молчаливые в своём величии.

Путь наверх занимает почти целый день.

С западной стороны колодца особенно много жильцов. На три этажа, с седьмого по девятый, вытянулась квартира Великой семьи акробатов. На самом деле, квартира маленькая: три крохотных комнаты, но расположены они по вертикали. И акробаты всё время бегают, прыгают и скачут вверх и вниз, используя шесты, канаты и верёвочные лестницы. Мама-акробатка из кухни на верхнем этаже спускает еду на верёвке. Папа-акробат на той же верёвке поднимает на средний этаж бутылки с пивом, которые на нижнем этаже привязывает бабушка-акробатка. По старости она не поднимается выше, но в кресле сидит вверх ногами. Многочисленные дети-акробаты сливаются в сплошную полупрозрачную полосу,

скользящую по шесту вверх и вниз. За все годы Великий тайный писатель не смог сосчитать их количество. Зато кошка-акробатка в единственном числе и предпочитает прыгать с перекладины на перекладину по верёвочной лестнице.

На десятом этаже Великий тайный писатель старается долго не задерживаться, потому что у него аллергию на рыбу, которую вечно жарит Великий сумасшедший китаец. А когда рыба кончается, он жарит оставшиеся от трапезы кости и чешую.

На одиннадцатом этаже никто не живёт, но там всё время что-то скрипит и постукивает.

Двенадцатый этаж занимает парикмахерская, и Великий лысый парикмахер, когда никто не видит, ползает по полу и собирает волосы, разглядывает их и сортирует, отбирая самые привлекательные и пытаясь приклеить их себе на макушку.

На тринадцатом этаже Великий двурукий художник пишет картину. Он называется Великим двуруким, потому что у всех остальных Великих художников, которых знал Великий тайный писатель, всегда чего-нибудь не хватало: уха, глаза или руки. Великий двурукий художник пишет идиллический пейзаж с коровой на лугу. Много лет назад, когда Великий тайный писатель начал свои восхождения по лестнице, корова уже была. С тех пор живописец каждый день добавляет по одной травинке, внимательно и сосредоточенно. В четверг можно наблюдать семь новых травинок, появившихся за неделю.

Четырнадцатый этаж полон крыс, но не простых, а корабельных, которых когда-то привёз с собой Великий отставной моряк. Моряк давно умер и покоится в трюме старого парусника, занимающего большую комнату по диагонали. Мачта парусника протыкает потолок и используется жильцами пятнадцатого этажа как сушилка для белья, которое они развешивают на реях.

На последнем, шестнадцатом этаже живёт Великий плачущий математик. Он пишет мелом на доске свои формулы и плачет, глядя на них. Потом стирает тряпкой, снова пишет и снова плачет.

Колодец поднимается выше, выходит на крышу и возвышается над ней. Когда, откинув крышку люка, Великий тайный писатель поднимает голову над краем колодца, закатное солнце уже клонится к дальним холмам, над которыми кружат три птицы. Их всегда трое и они всегда кружат над холмами в четверг вечером. К крышке люка привязаны четыре записные книжки – по одной на каждую сторону света. Великий тайный писатель смотрит на север и записывает факты и впечатления в северную книжку, смотрит на восток и записывает в восточную книжку, смотрит на юг и записывает в южную книжку. А в западную книжку он ничего не записывает, неизвестно почему, но с какой-то далеко идущей целью.

Великий тайный писатель пронизательно смотрит на мир за пределами дома и, не находя ничего, на чём мог бы остановиться взгляд, начинает спуск вниз. Он спускается до пятого этажа, потому что старуха-марочница, Великая старая коллекционерша, в четверг вечером не выходит из комнаты, и, тем самым, путь назад закрыт. Для возвращения Великий тайный писатель использует комнату Великого слепого фотографа, который живёт на пятом этаже в северо-западном направлении. Чем он велик, помимо того, что слеп, неизвестно. Обычно выход с потайной лестницы закрыт большим чаном с водой, в которой плавают фотографии. Но в четверг вечером фотограф меняет воду в чане. Он спускает воду в специальный желоб, по которому она сливается в реку. Желоб растрескался от времени, и сквозь щели вода бежит струйками и капает с потолка на четвёртом, третьем, втором и первом этажах. Жильцы думают, что это идёт обычный ве-

черный четверговый дождь. Чтобы вылить воду, фотограф наклоняет чан, и проход освобождается. Великий тайный писатель быстро проползает под днищем чана и уходит. Фотограф слеп, но у него чуткий слух. Каждый раз он спрашивает: «Кто там?», а Великий тайный писатель, чтобы обмануть фотографа, складывает губы трубочкой и тихо подывает «У-у-у...», как будто это ветер воет в печной трубе.

День четверга заканчивается, дом погружается в сон, а тайный колодец – во тьму. Великий тайный писатель уходит. Куда он уходит, где живёт и как выглядит неизвестно, потому что он тайный. И если нам что-то удалось почерпнуть из его тайных записных книжек, это вышло случайно и непреднамеренно.

Мари Веглинская (Светлана Сударикова)

В детстве мы любили играть в одну игру. Ночью, когда над рекой поднимался густой туман, мы садились в лодку, выплывали на середину реки, раскручивали наше маленькое судно и бросали весла. И через некоторое время лодка ложилась в дрейф. Она сама выбирала направление, путь и цель. Мы были лишь безвольными участниками этого движения. Окутанные белыми плотными слоями тумана, мы плыли, не зная куда. Берега, плотно упакованные в молочную обертку, прятались от нас. Мы не знали, где находимся, не ведали, куда движемся, представления не имели, где наш берег и где наш дом. И только луна пробивалась сквозь эту плотную субстанцию, бледным светом освещала лодку и наши лица, которые будто флуоресцировали. Это было странное и долгое путешествие, лишённое смысла. Однако рано или поздно туман рассеивался, проступали берега – природа наводила резкость, и мы уже видели свои дома. В этой игре не было конкретной цели и пути для достижения этой цели. Целью была сама игра. А путь – частью игры.

Бывают ли пути без цели и цели без пути? И что есть жизнь, если в ней нет целей? Зигмунд Фрейд сказал: «Der Tod sei das einzige Ziel des Lebens (Смерть – единственная цель нашей жизни)». Звучит тревожно. Но если задуматься, то в этой фразе скрыт глубинный смысл нашего существования. Смерть – итог, это то, чего мы достигнем во время пути под названием «жизнь». На этом пути будет много других целей, и важных, и бессмысленных, к которым проложены свои собственные пути. Путь – движение, цель – результат. Человек живет, пока движется. Стоит замереть, и жизнь прекращается.

В молодости мы полны энергии, нам легко и приятно двигаться, придумывая все новые и новые цели. С возрастом уже не хочется торопиться, целей становится

меньше, пути уже. Но длиннее. Пока однажды не приходит мысль, что и двигаться уже не хочется, и целей больше нет. И вот тогда наступает период переселения. Оглядываясь, мы вдруг понимаем, что то, к чему когда-то стремились и шли, что казалось необычно важным и значимым, на деле просто суета сует. Но эта суета сует в конечном итоге и создала нашу жизнь. Это и есть путь. К той последней и самой важной цели. Цель и Путь – две стороны одного целого.

Автор прозы, член Международного Союза писателей «Новый Современник», член творческой мастерской «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ), главный редактор литературно-просветительского сетевого журнала «Московский BAZAR».

Мимолетности

Город

Это то место, где обитают наши мысли и чувства, где происходят значимые и незначимые события. Там живут близкие и далекие, друзья и враги. Это вместилище наших судеб и место их пересечения. Город всегда один, только названия меняются. Он может быть большим, но выглядеть как маленький, и наоборот. Непонятно, кто кого выбирает: мы Город или Город нас. Постепенно мы сами заселяем свой Город теми, кто будет жить на соседней улице. Или изгоняем их. Правда, они не всегда уходят. Тот, кто попал в Город, становится его частью. Город не стремится к гармонии, он хочет вращаться, как планета, движение для него важнее созерцания. Все пути ведут в Город, а из Города только один. Город это мы, а мы это Город. Я люблю свой Город, я же сама его построила. Хоть и отрекаюсь от него иногда. Однажды мы свернем свой Город в свиток и отправимся строить другие Города.

Мосты

Мосты бывают разные. Большие и маленькие, узкие и широкие, старинные и современные. Те, что строили еще римляне, и творения современных архитекторов, массивные и сваренные из тонких линий, каменные и деревянные, перекинутые через широкие реки и соединяющие берега ручейков. Мне кажется, что Мост – это не просто конструкция, созданная, чтобы соединить две точки пространства. Это нечто большее. Это всегда тайна, шифр. Тень Вселенной. У каждого Моста своя судьба и хотя бы одна история в запасе, от которой кровь стынет. Мост это всегда энантиомерия: он и соединяет и разделяет одновременно; он может вести к мечте или уводить от нее; кажется, что он стационарен, а на самом деле всегда в движении, он на земле и в то же время парит. Единство и борьба противоположностей. Он не любит, когда на нем задерживаются надолго, его задача – перемещение. У него нет начала и конца. Есть только опоры, чтобы зацепиться. Если встать в центре Моста и зажмурить глаза, то можно ясно ощутить бездну под собой, и даже почувствовать ее дыхание. Потому что бездна всегда под ногами. Но не всегда под ногами Мост...

Тропинки

Люблю незнакомые лесные тропинки. Никогда не знаешь, куда они ведут. Даже неизвестно, кто их протоптал: люди или звери. А вдруг именно эта тропинка приведет меня к моей мечте? Ведь каждая тропинка ведет к мечте. Только не каждая до нее доводит. И не на каждую мы ступаем. Проходим, не оборачиваясь, мимо. И тропинка остается за спиной. А с ней и мечта...

Осенние листья

Интересно наблюдать, как ветер гоняет осенние листья: срывает с деревьев, сбивает в отары и гонит. Порыв, удар кнута, и вот они уже мчатся по дороге, обгоняя друг друга: вперед, назад, вправо, влево, или вдруг бегут по кругу, как лошадки на арене цирка, и снова вперед. Конкретной цели у них нет, как нет и смысла в их движении. Они подчинены воле ветра – куда подует, туда и мчатся. Они лишены свободы выбора. Да и хотят ли листья этой свободы? Покладистые и послушные, они выполняют приказ, шуршат недовольно, но все равно летят, не спрашивая зачем и куда. Но всегда найдется хотя бы один листок, который будет отчаянно сопротивляться этой мощной и властной силе. Он будет изо всех сил цепляться за ветку. Его жажда свободы сильнее силы ветра. Сильнее смерти. Ничто не сможет победить и сбить его: ни ветер, ни дождь, ни снег. Трепыхаясь на ветру, он так и провисит до весны. Свободный и непобежденный. Хотя бы один лист, но обязательно найдется.

Весной, на фоне свежей молодой зелени, он будет особенно заметен. Сморщенный, коричневый, чуждый этому новому миру, никому не нужный в своем бессмысленном существовании...

Ноябрь

- Привет, Ноябрь!
- Привет.
- Давно не виделись...

Я сижу на скамейке в парке, а он рядом. Качает ветки, иней стряхивает, последние листья аккуратно собирает и раскладывает по оврагам. Где-то кричат птицы. Наверное, это те, что остались зимовать. Он на мгновение замирает, останавливает ветер и прислушивается. Еще висят на сухих былинках обрывки

паутины, еще торчат из-под листьев последние грибы, но короб уже пуст.

Не любит матушка-Осень своего последнего сына, обделила наследством. Ни красок не выделила, ни плодов, ни ягод. Только мерзлая клюква по болотам. Урожай собран, поля вспаханы. И солнца пожалела. Пуст Ноябрь. Одинок и невесел. Серую пряжу прядет по небу, раздув ноздри, принохивается – Зимой пахнет. Не за горами уже. Первый снег вот-вот выбелит землю. Первый лед уже лег на лужи.

– Почему тебя не любят? – спрашиваю.

Он пожимает плечами и хрустит подмороженной листвой.

– Некрасивый, говорят. Хмурый, сырой, ветренный...

«А я тебя люблю», – думаю я.

Вот таким, как есть. Обнаженным, открытым, немного тревожным. С недолгими несветлыми днями и черными дырами ночей, с прозрачностью леса, где звук не знает препятствий, с бесконечно спорящими друг с другом ветрами и запахом палой листвы. И одиночеством. Оно в Ноябре всегда. Как наказанье. Люблю, завернувшись в теплый шарф – неизменный атрибут Ноября, – идти по пустому парку, слушать дождь и свои мысли. И разнимать ветра. И ждать зимы. Как преддверия неизбежного...

Осень

Осень торжественна и спокойна. Она не любит лишней суеты, ей чужды летние страсти, весенние головокружения и зимнее непостоянство. Она стабильна в своем увядании. И щедра. Ей не жаль ни ветров, ни дождей, ни красок. Она любит порядок – все должно идти своим чередом: сначала созревает урожай и желтеют листья, потом деревья оголяются, и, наконец, первые снежинки ложатся на землю. Она чем-то похожа на все времена года. Ее легко спутать с весной и зимой, да и летом – хоть и бабьим – ее издавна именуют. Осень

прекрасна. Она как итог. А итог – всегда возрождение. Закономерный финал, за которым последует что-то новое. Пора депрессий и противостояний, снов и фантазий. Когда звезды на ночном небе особенно яркие, словно Земля чуть-чуть приблизилась к ним. И самое время строить планы на будущую весну.

Комната

Комната была темной и пустой, только голые стены – и ничего больше. Окна отсутствовали, как, впрочем, и дверь. Куб, заполненный темнотой. Если провести рукой по стене, пальцы оставались чистыми, под ногами ничего не шуршало и не скрипело. Практически стерильно. Да и откуда взяться мусору? И тишина. Лишь иногда до слуха долетали едва различимые неопределенные звуки, свидетельство того, что за стенами комнаты что-то есть. Может быть, такая же темная комната. Или еще что-то.

Я никогда не знала, как попадаю из Большого мира, где, собственно и жила, в это помещение. Просто открывала глаза и понимала: я здесь. По странному запаху, который витал в комнате, всегда один и тот же. Он был похож на запах иссопа, слегка горьковатый и пряный. Я открывала и закрывала глаза, но ничего не менялось – такая была крошечная тьма. И глаза тут же наполнялись этой тьмой, как чаша наполняется водой под струями водопада. Только тьма была густой и маслянистой. И когда я возвращалась в Большой мир, тьма оставалась во мне. Я ощущала ее как нечто инородное, но не доставляющее дискомфорта. Она уходила куда-то вглубь моего сознания и оставалась там.

Поначалу я просто лежала в комнате, боясь шелохнуться. Это длилось недолго. Может, несколько минут. И комната исчезала. Я никогда не знала, когда окажусь в ней опять. Это могло произойти через несколько часов или месяцев. Один раз перерыв

длился больше года. Постепенно я стала осваиваться. Осторожно встала, вытянула руки вперед и стала прощупывать темноту. Так я поняла, что это ровная комната, в которой нет ни дверей, ни окон. Но есть четыре гладкие стены, потолок и пол. Однажды я услышала звуки рояля. Прижала ухо к стене и замерла. Почти не дышала. Но звуки быстро прекратились и комната погрузилась в привычную тишину.

Я не боялась этой комнаты, но и не любила ее. Однако вскоре уже не могла без нее жить. Сидя в душном офисе и перебирая бумаги, я думала об этой комнате. Что это? Зачем я туда попадаю? И что найду я там однажды? А в том, что найду, никогда не сомневалась. И все ли имеют такие комнаты или только я? Ведь рояль звучал, я слышала. Я никому не рассказывала о комнате. Это была моя маленькая тайна. Нет, я не боялась, что это примут за безумие, я боялась, что если кто-то узнает о комнате, она исчезнет навсегда и я не смогу бывать там.

В комнате очень легко дышалось, там всегда было свежо, будто какой-то невидимка проветривал ее перед моим приходом. Но как? Не знаю, бывал ли там еще кто-нибудь или это была только моя комната, но однажды мне вдруг показалось – возможно, только показалось, – что в комнате кто-то есть. Это случилось, кажется, года через три с начала моих посещений. Оказавшись в комнате, я вдруг услышала чье-то осторожное дыхание, словно человек пытается не дышать, но не может. «Кто здесь?» Я испугалась и стала шарить в темноте руками, передвигаясь от стены к стене. Но загадочный некто ускользал, словно мог видеть в темноте. Тем временем мои слова эхом отражались от стен, ударялись о потолок, отскакивали, падали на пол, множились, накладываясь друг на друга: кто здесь, кто здесь, кто здесь... Они пытались вырваться, но выхода не было. Звуков становилось все больше, гул нарастал безумным крещендо и впивался в барабанные перепонки, при-

шлось закрыть уши ладонями, потому что боль становилась невыносимой.

«Не-э-эт! – закричала я. – Нет, нет, не-э-эт!» Я поняла, что теряю сознание, и комната пропала. Именно после этого случая перерыв был особенно долгим, больше года. А однажды мне почудилось, что в комнате на мгновение вспыхнул крохотный огонек и осветил на секунду стены. Как если бы кто-то затянулся сигаретой. Я даже почувствовала запах дыма. Возможно, это был обман чувств. Иллюзия.

Постепенно я привыкла к комнате. Оказалось, что обитать в темноте не только возможно, но и гораздо интереснее, чем при свете. Так можно справиться с тревогами, обидами, болью, несправедливостью и страданием. Просто оставлять их за стенами этого помещения. Так я и решила делать. Потом подумала, что комнату можно еще как-то использовать, например доверять ей свои тайны. Мне показалось, что будет лучше, если я оставлю их здесь, и стала складывать у западной стены. Как я узнала, что запад там? Не знаю. Просто вдруг поняла. Потом у западной стены совсем не осталось места и я переместилась к южной.

Следом я перетащила в комнату невостребованные чувства и никому не нужные знания. Все эти умные мысли, вычитанные в книгах, которые не с кем было обсудить в Большом мире, открытия, сделанные бессонными ночами, домыслы. И даже страхи. Иногда страхи не стоит выкидывать, они ведь могут пригодиться. А еще сны. Не все. Только особые. От воспоминаний о которых не избавиться. Все это так мешало в Большом мире!

Вскоре и у южной стены не осталось места, я решила, что нужно провести инвентаризацию и часть этого барахла повыкидывать. Это оказалось невозможно. Ведь в комнате не было ни одной щели, через которую я могла бы его выбросить. Тайны, чувства, сны, мысли и домыслы продолжали копиться, но, как ни странно, место все равно оставалось. словно бы

они уменьшались, архивировались, становились не такими значимыми и важными. А может, я просто о них забывала и они исчезали сами по себе.

Кажется, мои ушедшие друзья тоже каким-то образом оказывались в этой комнате. Нет, я их не встречала. Но иногда слышала знакомые шаги. Ведь хороших друзей всегда узнаешь по шагам. Тогда мне становилось невыносимо грустно, я закрывала глаза, чтобы скорее покинуть комнату. Я возвращалась в Большой мир. Где были новые друзья, важная работа, море раз в году, праздники, юбилеи, социальные сети и магазины. А шаги звучали и звучали...

Потом в этой комнате оказались мои надежды. Я не стала от них отказываться, просто свалила в одном из углов, кажется, северном (оттуда всегда веет холодом) и постаралась забыть. Подумала, что, может быть, однажды они мне пригодятся и я возьму их назад, в Большой мир. Как знать...

Туда же я спрятала и любовь. Ту самую, о которой нельзя никому говорить, но нужно очень бережно хранить. Потому что это лучшее, что у меня было.

Так постепенно моя темная комната, в которой не было ни дверей, ни окон, заполнялась тем, что в Большом мире, где я, собственно, и жила, стало ненужным. Я, как хлопотливый зверек, готовящий запасы на зиму, закладывала в комнату все то, что в Большом мире не имело никакой ценности. А для меня почему-то имело.

Шли годы. Комната заполнилась так, что стало трудно ходить, временами я, спотыкаясь, падала, обо что-то зацеплялась, все валилось на пол, что именно – различить невозможно. Ругалась, обещала разобраться и выкинуть ненужное, но вместо этого приносила что-то новое.

Комната по-прежнему пахла иссопом и была свежей, словно ее кто-то проветривал. А я заглядывала туда все чаще, пока однажды не поняла, что возвращаться в Большой мир больше нет смысла. И вот тогда я увидела дверь.

Микаел Абаджянц

Бесспорно, конечной целью всякого честного повествователя является истина, какой он сам ее видит. Часто самые удивительные химеры подсознания он принимает за таковую. Художник бродит по отдаленным закоулкам своей души и зажигает, как ему думается, все новые светочи, способные озарить эту самую истину... И чем больше художник ошибается, плутая в лабиринте, тем творчество его интереснее.

Прозаик, переводчик. Член Союза писателей Армении.

Приговор Левону Шириняну

дружеский шарж

Левон Ширинян проснулся в аду. Ад был совсем не страшный и походил скорее на конференц-зал. Вдоль стен висели портреты Великих Чертей – мрачные, строгие, выполненные не то углем, не то мягким карандашом МБ. Портреты были выполнены мастерски. Свет и тень в них чередовались с таким правдоподобием, что казалось, лица вот-вот оживут, изменится их мимика и напряжение сменится страшными улыбками.

– Здравствуй, Левон Ширинян! – сказал лысый черт, сидящий за длинным столом, на котором перед ним лежала груда распухших папок.

Левон не ответил. Он оторвался от созерцания портретов знаменитых чертей и заметил, что за длинным, уходящим в бесконечность столом тоже сидят черти. Страшные, похожие на своих великих предшественников, они смотрели на него с неослабным вниманием и готовились, видимо, к серьезному разговору. Длинный ряд голов, часто лысых, самых невероятных пропорций и порой с самыми странными и дикими выражениями на лицах, тоже уходил в бесконечность.

Левон понял, что это еще не сам Ад, можно еще потроговаться и получить наказание не такое страшное.

– Да вы присаживайтесь, присаживайтесь, чувствуйте себя как дома. Разговор будет не самый короткий. И от того, что вы нам скажете, будет зависеть, какое наказание получите.

У Левона екнуло внутри. Где-то он этого лысого, с невероятно вытянутыми ушами уже видел. На лбу у черта пролежала большая черная складка, придавая лицу выражение какого-то озабоченно-тупого сочувствия.

– Это ваши рисунки? – Черт бросил перед Левонем одну из папок, из которой по столу разлетелось несколько рисунков.

Небольшого размера клочок бумаги, с обрезанными ножницами углами, упал прямо перед Левонем. Он сощурил слезящиеся от усталости глаза и рассмотрел портрет человека, очень похожего на Главного Черта. Да это он и был... Да, это он его рисовал – этого главного Черта. Ну надо же, как похоже. Левон решил было потянуть время, чтобы обдумать ответ, но вдруг неожиданно для себя сказал:

– Да, мои рисунки...

Длинный ряд странных, безобразных голов одновременно развернулся в его сторону. Все чего-то от Левона ждали.

– Так ведь не похоже, родной вы наш!

У Левона возникло знакомое желание вытащить из кармана стирательную резинку и что-то подправить в этом лице, что-то изменить или добавить.

– А ведь это грех – так лгать Самому Себе, – продолжил Черт, – да и людям тоже. Вы же всех обманываете, и в первую очередь себя... Люди – они прекрасны, а вы их изображаете уродами. Вам не пристало. Вы – художник и не должны употреблять данный вам от Бога талант на то, чтобы вселять неверие в свои силы и отнимать надежду...

Левон не знал, что сказать... Вернее, знал. Все, о чем говорил Черт, было его собственными мыслями. Искусство должно быть прекрасно. Но разве не изображал ад Данте и не видел ли в людях лишь порочные страсти Хулиен Рош? Отчего это он должен отчитываться перед этим Чертом? Но, решив не лезть на рожон, начал дипломатично:

– Да, знаете ли. Э-э-э... таково мое мировосприятие. Художественное мироощущение, что ли... В таком видении своеобразии моего творчества...

Черт потер непропорционально огромный лоб детской ручкой, поправил галстук и продолжил:

– А нам что прикажете делать? Нас же нарисованы тысячи. Мы в разных коллекциях. Нас же за людей не считают. На нас смотрят с удивлением и

омерзением даже те, кого вы пытались нарисовать. Это же вроде ругательства в адрес человека. Или вроде плевок ему в физиономию... Нет, не отпирайтесь. Вы преступник и грешник. Вы лгали... А потому вам будет назначено суровое наказание. Нам нужно посоветоваться – какое...

Черти переполошились, выскочили из-за бесконечного стола, сбились в кучу и загалдели. Больше всех возмущенно кричал Главный Черт. Время от времени из этого скопища чертей наподобие черно-белого конфетти вылетали ворохи бумаги с рисунками Левы Шириняна. Мелькали в бело-черном калейдоскопе странные уши, носы и улыбки. Все они смешивались в удивительные физиономии... У Левы стали слипаться глаза, какой-то другой сон, кажется, овладевал его усталым сознанием. Но нет – это его тряс за грудки Главный Черт:

– Мы вынесли приговор! – кричал он. – Да, мы вынесли вам приговор. Вы будете рисовать.

– Что?.. – не понял Левон Ширинян.

– Вы будете рисовать! – войдя в раж, кричал Главный Черт. – Вы всех нас перерисуете... Вы будете рисовать, пока мы не станем нормальными людьми. Да... и неважно, сколько на это уйдет времени...

Левон попытался Черта с себя сбросить, но ему это не удалось. Черт насел еще сильнее и продолжил:

– Рисуйте хоть целую вечность... пока всех и все не исправите...

* * *

Именно такой приговор был вынесен чертями Левону Шириняну в его странном сне. А знаете, чем он сейчас занят? Угадайте... Вот именно: он сидит у себя дома и переделывает свои страшные портреты-физиономии в добрые... Не верите – позвоните ему и спросите сами.

Кресло великого писателя

Я уже давно не писал. Состояние от этого было самое отвратительное. Казалось, чувства мои притупились, и я больше не мог чувствовать так, как прежде. Уж и не знаю, отчего это со мною случилось. То ли оттого, что я въехал в новую квартиру и муза моя так и не захотела вселиться в новый дом, то ли вообще умение мое понемногу истерлось в пустых литературных спорах Круглого зала Союза писателей. Я бесцельно бродил по вечернему Еревану, и душа моя содрогалась от бесплодных и оттого страшных творческих мук. Ноги мои касались вечерних теней и несли меня по Орбели, где жил мой Великий Друг. Вот маленький полукруглый перекресток с аптекой, где наверняка было лекарство для больной души, но тут я не задержался, вошел во двор сталинской постройки дома с аркой и по лестнице поднялся на последний этаж. У белой, чуть ободранной двери я помедлил, нажал на кнопку звонка, волнуясь, ведь хозяина может дома и не быть. Но раздались шаги, и вот дверь уже открыта.

Ваан Тер-Казарян был дома. А я сидел перед ним, и мне было стыдно за свое творческое бесплодие, мне было тяжело признаться, что душа моя очерствела от бесконечных литературных склок и зуботычин, приторных и лживых похвал, тем паче что били меня за то же, за что потом и хвалили, и давали премии. Мне было горько оттого, что я уже не тот прежний юноша, что нес свои рассказы замечательному писателю. Мне было тяжело и обидно от мысли, что сказать мне, собственно, нечего, что горе мое глубоко личное, и если я сейчас ему признаюсь, что больше я не писатель, что не могу больше выдать из себя ни одной стоящей строчки, то он просто выставит меня за дверь.

А он сидел как ни в чем не бывало за столом, заваленным страницами его бесконечного романа

«Полет ворона», а между листами валялась всякая всячина: золотые механические ручные часы, пустые и полупорожние бутылки из-под водки и «Джермука», зажигалки самых диковинных конструкций и размеров, музыкальная шкатулка с танцовщицей, картины маслом, гравюры неизвестных городов, зубы доисторического ящера и везде – сырой серый песок из долины Аракса. Все это валялось без всякой системы между мелко исписанных страниц; удивительно, как все это поместилось на небольшом столе.

А я молчал, хотя и говорил что-то. Я был нем оттого, что привык корчить из себя замечательного писателя, оттого, что более всего меня теперь интересовала материальная сторона писательского дела, и пока я выторговывал гроши за свои рассказы, муза моя убежала, забилась куда-то, и теперь ее, черт дери, надо было уговорами и упорным трудом снова убеждать, что я чего-то стою.

А Ваан, кажется, ничего этого не замечал, он смеялся и острил, когда по черным строчкам вдруг пробежал скорпион, или вдруг с шорохом разворачивались полускрученные листы бумаги, и оттуда вываливалась гюрза. Он немного поседел, постарел. Лицо стало одутловатым, и в глазах появилось больше красных прожилок. Да, он изменился, и чем больше я вглядывался, тем больше убеждался, что это уже не мой друг, а кто-то другой. И тут он поднялся и велел не уходить, сказал, что если я захочу, то могу даже посидеть в его кресле, а он пойдет спать. Он опять рассмеялся, на этот раз как-то бессмысленно, и пропал.

Великий писатель во мне был обижен. Я пришел к нему излить душу, а он, видите ли, пойдет спать, да еще, словно ребенку, предлагает посидеть зачем-то в его кресле.

А за окном все еще был вечер, огромный тополь золотился на легком ветру, и в комнате все окраши-

валось понемногу в бронзу; бесконечное движение в кипах бумаги на столе постепенно утихло, затаилось. Я подошел к креслу. Кресло как кресло. Обтрепанное немного, с наброшенным на него обрывком старого ковра. Зачем это я в нем должен был посидеть, ума не приложу. Тоже мне великий писатель. Кресло также приобретало постепенно цвет бронзы, и, незаметно для себя, я в него сел.

Я было снова погрузился в свои нелегкие думы, когда вдруг кресло подо мной легонько так подпрыгнуло. Сначала подумал, что кто-то поддал ногой. Но позади никого не было. Потом я почувствовал, что кресло движется. Э, да это чертово кресло пыталось меня сбросить! Я вцепился в подлокотники. Оно подскочило, невысоко так сначала. Э, погоди дорогое, я в тебе усажу, я ведь тоже писатель. И тут оно подпрыгнуло, да так высоко, что я чуть не ударился головой о потолок. Становилось опасно, но я упорно держался за подлокотники и старался не вылететь из кресла. Оно несколько раз встало на дыбы и бешено помчалось по комнате, делая гигантские прыжки из угла в угол. К моей радости, усидеть мне пока удавалось.

И тут с ужасающим шелестом со стола взвились страницы незаконченного романа. Жуткие видения проносились и исчезали перед моим взором. То вдруг в комнате появлялся норовистый осел с непомерно длинными ресницами, который каждый раз не упускал момента меня лягнуть. То сам Ворон, в огромной грузинской кепке, пытался выклевывать мне глаз. Потом мне показалось, что я падаю в бездну, и только гордость писателя все еще заставляла меня сидеть в кресле. Потом сквозь гущу змей и скорпионов меня понесло вверх, от чертей к ангелам, которые пели на предельной для слуха частоте.

Мне виделась главы большого романа, от которых становилось тяжело дышать. А между ними

я читал свои собственные, еще не написанные произведения, и от этого легчало. Но в кресле усидеть было все труднее. Голова шла кругом, и мне стало плохо. Сделалось совсем темно. Я, кажется, терял сознание. Кресло последним рывком вышибло меня вон.

Когда я открыл глаза, надо мной стоял Ваан Тер-Казарян. Похоже, он хорошо выспался. Он смотрел на меня и говорил: «Э, Мишка, одна ножка у кресла сломана. Я тебе же говорил, не садись сюда, здесь только я могу сидеть. Вот ты сел – и упал...»

Он помог мне подняться, и мы до поздней ночи разговаривали и пили чай.

Потом я отправился домой и по дороге думал, что все-таки в кресло я сел не по своей прихоти...

Схватка

Мир неожиданно вздрогнул. Сверкнул ослепительно ярко и вдруг оглох и онемел на бесконечно долгое мгновение. Ветер стих внезапно, и песок остановился, покрытый пеленой, прозрачной и замкнутой. Жарче делалось постепенно, но зримо, и вскоре воздух задрожал, словно в ознобе. Я понял, что это западня, рванулся в сторону, но горизонты сузились до границ гладиаторской арены. Солнце – еще не в зените – свернулось от жара в слепящее белое кольцо. Выхода не было. И оно, тяжелое, желтое, равнодушное, вновь приняло прежние очертания. Я замер и вдавил свою черную обжигающую тень в песок. А солнце становилось ярким постепенно, в то время как сам я окрашивался в цвет горячего мертвого зноя – от оседающей пыли. И я стал ждать.

Солнце сдвинулось к западу. Вдруг внешний мир оглушительно ревущей волной сотряс застоявшуюся тишину моей западни. Теперь я был в ней не один.

Она впускала еще кого-то. Что-то могучее и живое, все в облаке пыли, заполнило пространство сначала на четверть, затем на треть и на половину. Движения его были стремительны и порывисты. Он был весь из углов и округлостей, шероховатых и острых, царапавших взор и пространство. От него разило мощью и уверенностью. Окрадкой он сливался с пустыней и так же пылал жаром. И вновь запульсировала тишина, напряженно и бесстрастно. Меня он пока не заметил...

А был он как неистовая сила, сжавшаяся для удара. Я напрягся. Удар. На том месте, где был я, осталась лишь моя тень, смешавшаяся с пятном испаряющейся влаги. Воздух пропитался ядом. С меня ссыпались песок и пыль. Остаток пространства я заполнил собою. Я смотрел не отрываясь на широко расставленные клешни и тугой раскачивающий хвост. Нет, нам было не разойтись. Чья-то злая воля потехи ради сводила нас снова и снова. Дышать стало тяжело. Желтая полумгла скрыла его. И осталось только солнце, мутное, желтоватое, и тень – огромная, со вновь наворачивающейся, ослепительно прозрачной, словно янтарь, каплей яда. Но боль, нестерпимая, горячая, пришла не от этой крохотной точки, горячей ярче солнца. Она вонзилась откуда-то сбоку, рассыпалась по телу кипящей волной и метнулась в сторону желтой тени с куском моего трепещущего тела.

И вновь пыль стала оседать – постепенно, с неясным шорохом, – а в воздухе, сжатая чужой клешней, билась в беззвучной агонии моя собственная конечность. Клешня разжималась медленно. И что-то длинное, изломанное вдруг заплясало между нами, разбрасывая желтый песок.

И тогда внутри меня родилась ярость, пузырящаяся, пенящаяся, слепая. Звонящая и струящаяся, она втянула весь воздух между мной и горячей тенью и стала гибкой, но тугой, и прочной, как тетива.

Она опутывала ненавистное пространство и разила жалом, острым и тонким, изрыгала кипящий яд. Она не замечала ран, жестоких и рваных, гнала боль, и та не смела к ней подступиться. Она неистовствовала и бесновалась, пока под нею не дрогнуло в последний раз и не замерло изуродованное тело.

И вновь застонал надо мной ветер. Снова побежали в неведомую даль песчинки. Холодный ветер заполнил легкие и не принес ни облегчения, ни ощущения жизни. В небе все так же полыхало солнце. И я знал, что мне не унести далеко своих увязших в песке остывающих внутренностей. Подо мной ширилась лужа не впитывающейся в землю прозрачной крови. Наконец я различил в ней свое отражение. Но сознание мое уже погасло. Стон ветра потонул в странном шипении. Последнее, что донеслось до слуха, полные не то ужаса, не то гадливости слова: «Тарангул, это был тарангул!» Но может, они мне уже только слышались...

Белая броня

От распахнутой настежь двери веяло остывшим домашним теплом, несмазанные оконные петли чуть скрипели на сквозняке, из хлева доносился жалобный стон неокормленной коровы, и все это вместе чего-то требовало от него, как и от человека вообще: его хозяйской руки, его заботы и ласки. Но он знал, что обманываться не стоит, что помочь тут нечем, и все-таки хотелось сделать что-нибудь, как для умирающего.

Он оставил за спиной такую же деревню, умирающую и пустую, всего из десятка домов, точно вросших в землю своими низкими, нетесаного камня стенами. Еще недавно он знал, зачем он здесь. Но сейчас мысль о мести за свою испуган-

ную, разоренную и брошенную деревню казалась ему нелепой. Мстить было некому и незачем. Здесь тоже был страх, который сочился отовсюду, следы спешки и легкая, различимая лишь в непосредственной близости тень запустения. Ему казалось, что он пришел туда же, откуда вышел, и что продолжать путь бессмысленно, потому что впереди его ждут те же испуганно распахнутые глазницы окон и заваленные, как беззубые старческие рты, дверные проемы. Он себя чувствовал частицей всеобщего страха, витавшего над этим остовом нехитрой, когда-то налаженной и размеренной жизни.

А ярость его, желтая и широкая, как пыльная и знойная дорога, не дававшая ему глотнуть свежего воздуха, заставившая его схватить оружие и стрелять в пустое необитаемое небо у своего залитого кровью порога, как-то незаметно впиталась в песок и пыль, смешавшись с бурой дорожной глиной и застыв ужасной маской боли и отчаяния. Он со страхом вглядывался себе в душу и не находил более в ней уверенности в своем праве вершить судьбы человеческие, пытался, как пламя, раздуть в себе злой дух, но от всей его прежней решимости осталась лишь обида, по-детски беспомощная, со старчески дрожащим подбородком. И то, что он больше не мог возбудить в себе ни ненависти, ни непримиримости, казалось ему чем-то непростительным и страшным, как предательство. В нем воскресали свежие образы, значение которых он еще не в силах был до конца постичь.

Он вспоминал, как трясущимися руками вырыл в каменистой, сухой земле четыре могилы, как опустил в них четыре родных изуродованных тела и завалил землей. А потом он поставил камень с вырезанными на нем крестом и датой. Один на всех, цвета свернувшейся крови. Уходя, он оглянулся, и будто солоноватый сгусток застыл где-то

глубоко в горле, наглухо перекрыв путь слезам и стенаниям.

С тех пор он молчал, хотя с ним много и подолгу говорил такой же пропитанный насквозь горем и потом, гарью и пылью человек. Но заросшее лицо этого человека оставалось чужим и далеким. А тот не обижался, не требовал ответа, говорил и говорил. И тогда в душе его что-то вдруг оживало, стонало и жаловалось, искало выхода и не находило.

Их становилось все больше, они скрывались в горах, и никто не говорил о прошлом – только о настоящем. Потому что прошлое каждого из них превратилось в плохо заживающую рану, которая слишком медленно зарастала новой кожей.

Вновь призывно и тягуче промычала корова. И от этого одинокого звука зло, которое он пытался настичь в этой деревушке, приобретало размытые черты, а в памяти воскресало то, что, казалось, уснуло, умерло и рассыпалось в прах. Он страшился своих чувств, потому что его спутник их не понял бы, хуже того, мог бы заподозрить его в малодушии или трусости.

Они осматривали дом за домом, и те безропотно носили стук чужих кирзовых ботинок, отворяя прищельцам свое незапертое сиротливое нутро.

Последний дом стоял несколько поодаль. Он вошел во двор. Медленно поднялся на каменное крыльцо. Вошел внутрь. Постоял. Снова промычала корова, совсем рядом. Он толкнул дверь и остановился. Посередине комнаты стояла девушка. Он даже не понял сразу, что это человек. Вся в белом, она была как поток света откуда-то сверху. Холодом веяло ото всей этой картины. Она не двигалась. На мгновение ему показалось, что это Мариам. Занавески тоже были белыми, и от них тоже шел полуденный дневной холод, словно была зима.

Он не двигался, чтобы не ошибиться и не вспугнуть видение, краем сознания чувствуя, что сходит с

ума. И он готов был отдаться помешательству, лишь бы его греза не растворилась от неловкого движения. И все-таки он медленно шагнул вперед и понял, что ошибся.

Она издала возглас, чужой и резкий, шагнула назад и снова застыла. А от чужой речи в нем проснулась другая память. Память вековой давности, память крови. Его кровь кричала ему, что ее жгли, терзали и проливали люди с этой непереносимой на слух речью. Речи этой он не понимал, но узнал ее, вспомнил каждой своей клеткой, и ярость, так долго дремавшая, вдруг взвилась, как почувствовавший нечисть конь.

Щелчок предохранителя вернул мгновению остроту. Палец дрогнул на спусковом крючке, но удержался на последнем рубеже, после которого бывает уже слишком поздно. Он не стрелял, потому что между ним и ею была тонкая белая ткань, белый сумеречный свет и холодный, липкий, почти осязаемый страх. Их нельзя было заливать кровью. На мгновение он принял ее за Мариам и не мог теперь осквернить этого мимолетного воспоминания. Он знал, что если останется жить, то мгновение это, холодное и белое, будет сниться ему до последнего вдоха. Самообладание вернулось. Он вытер ладонью пот, посмотрел в окно с белыми занавесками, увидел кусок знойной желтой дороги, повернулся, шагнул через порог и медленно закрыл дверь.

Увидев заросшее до самых глаз лицо своего спутника, он вздохнул с облегчением. Комок, сдавивший ему горло, рассасывался. И, не веря своим ушам, он сказал, что в доме никого нет. Собственный голос, молчавший столько времени, показался ему чужим, и, чувствуя, что спутник ему не верит, он стал в чем-то его убеждать – но было поздно. Прямо из провала маленького окна, сквозь белую занавесь, его ослепительно ярко по-

целовала свинцовыми устами смерть. В живот, в грудь, в губы. И он не выдержал ее морозного дыхания и закричал.

Последний миг

Лес умирал. Еще летом поражавший глаз всеми оттенками густой зелени, он закутался теперь в сизую блеклую дымку. словно тяжелая бурая пена, он медленно оседал под тяжестью собственных крон. Еще недавно листва, пропитанная лучами полуденного солнца, искрилась в недостижимой высоте, теперь же она слилась в неопределенную пожухлую массу и неуклюжими вялыми потоками устремилась к холодной земле.

Стволы гигантских деревьев, когда-то теплые от зноя и пульсировавшей в них жизни, покрылись зловонной мертвой слизью. Трава под ногами с ее бесчисленными обитателями превратилась в вонючее чавкающее желе.

Вчера он приходил сюда за цветами – они еще росли кое-где. Но сегодня его взору предстала смерть, а ведь казалось, жизнь неистребима. Он медленно шел, утопая по щиколотку в предательской слизи. Жижа под ногами хищно чавкала, вздуваясь исполинскими пузырями, и лопалась, выбрасывая в воздух клубы невыносимой вони. В глубине леса, казалось, то ли шла непрерывная борьба, то ли билось в агонии чудовищных размеров тело. А он все шел, стараясь не уронить последний цветок лета – огромный, кроваво-красный, с бесчисленными лепестками, покрытыми нежнейшим пушком. Он нес его, сторбившись, укрывая от стекленеющего взгляда умирающего леса.

Он медленно двигался среди покосившихся стволов, похожих на оплывающие свечи. Некоторые деревья валялись и сразу увязали в жиже. Их кор-

ни, вырвав куски грунта, возвышались над расползающейся тканью стволов и бывшей кроной диковинными страшилищами, а образовавшуюся воронку немедленно заполняла слизь. Он ни на что не обращал внимания, лишь крепче сжимал стебель прекрасного цветка и упорно двигался дальше. Цветок был для него как последний глоток воздуха для удавленника, как последняя искра потухшего пламени для язычника, как последняя капля крови для обескровленного, как последний поцелуй для влюбленного, как последний миг для приговоренного... Огромный и нежный, он был чем-то нереальным в этом умирающем мире и в то же время его кровным детищем, его последним вздохом, его последней живой клеткой. Цветок необъяснимым образом завораживал и притягивал и в то же время пугал и отталкивал. Он был цвета густой умирающей крови, покрытый легким розоватым налетом, нежным, точно дыхание красавицы на серебряном зеркале. В самой его неуловимой сущности было нечто порочное: он вырос на мертвом, как плесень, всасывая жижу из этой омерзительной слизи, а его тончайший аромат еле уловимо отдавал мертвечиной.

Оставив за спиной труп гигантского леса, он зашагал по твердой земле. Уже смеркалось, когда он добрал до своего двухэтажного дома. Тяжелая резная дверь парадного входа, украшенная бронзовой мордой льва, была высажена. Окна остро блестели разбитым стеклом.

Он перешагнул порог, наступил на разбитую дверь и чуть не упал, зацепившись носком за массивное кольцо в бронзовой львиной пасти. Дом приветствовал его глухим эхом, осыпал тяжелой пылью. Он отряхнулся и огляделся. Дом явно пережил вторжение. Повсюду следы жестокой схватки. В большом вестибюле все перевернуто верх дном. Посередине лежал, завалившись на бок, стол красного

дерева. Две его резные ножки были сломаны и подогнуты к брюху, как у павшего коня. Кресла словно отдали на растерзание львам. Повсюду валялись осколки битой посуды, клочья разодранных книг и всякая всячина, вытряхнутая из ящиков перевернутых шкафов.

На второй этаж вела широкая деревянная лестница, оцетинившаяся разбитыми перилами. Он прошел через вестибюль и начал подниматься по лестнице. Рассохшиеся ступени отчаянно завизжали, передразниваемые эхом. Что-то заставило обернуться. Он всмотрелся в хаос внизу, и ему показалось, что расположение предметов за мгновение неуловимо изменилось. «Может, угол наблюдения другой», – подумал он, не смея повернуться. Он все пристальнее всматривался: вроде бы там, где он прошел, в воздухе стало больше пыли. Вдруг он осознал, что представляет собой нелепое зрелище, все еще держа в руках принесенный из леса цветок. Он повернулся и стал подниматься дальше, сопровождаемый адским визгом.

Наверху широкий коридор разводил по жилым комнатам и кончался кабинетом. Он шел по коридору, доподлинно зная, что в кабинете кто-то есть. Дверь была приоткрыта, в комнате, скудно освещая ее, горел камин. Он вошел в кабинет с бесшумностью тени, вжался в стену и огляделся. Здесь беспорядка не наблюдалось. Перед камином стоял небольшой мраморный столик, увенчанный дорогой вазой. По бокам столика, лицом к камину, расположились два кресла. Языки пламени с методичной медлительностью лизали прокопченные стенки камина, почти не рассеивая сумрак.

В кресле сидела девушка. Казалось, она спит или глубоко задумалась. Мягкий свет отливал бронзой на белом платье, на прекрасном белом лице. О, этот пленительный свет, льющийся из старинных сказок, струящийся с тех самых пор, когда они были постиг-

нуты душой впечатлительной и робкой! О, этот волшебный свет, все размывающий и все растворяющий, такой же, как те полустертые, милые сердцу образы детства! Моя фея! Моя покровительница! Моя любовь!

Вдруг какое-то смутное беспокойство проникло в душу. Предчувствие подвоха. Точно все это уже было, но что произойдет дальше – он навсегда позабыл. После мучительного колебания он вступил в круг, освещенный пламенем. Бесшумно поместил цветок в вазу и сел в свободное кресло.

Фигура не шелохнулась. Девушка мерно, еле слышно дышала, длинные загнутые ресницы подрагивали. Игра теней. Мария! Ну конечно, это Мария! Ее овал лица, ее нос, крошечная родинка над губой, тот же нежнейший пушок на щеках. Он смотрел и не мог наглядеться. Мария, какое чудо! Она потянулась, ее лицо дрогнуло, глаза удивленно распахнулись. Мгновение она смотрела на цветок. Вдруг ее черты исказились ужасом, казалось, сейчас она закричит, но она лишь прошептала:

– Гриф?! Неужели это ты, Гриф?!

Холодок пробежал по его телу. Он ничего не ответил и лишь глубже вжался в кресло.

– Не может быть! Это ты?

Ее голос срывался. Появившаяся было на лице улыбка сменилась недоумением.

– Они же тебя убили.

Она беспомощно смотрела большими черными глазами, не в силах принять никакое объяснение.

– Как, как это было? – наконец выдавил он.

– Как? – она вздрогнула. – Они схватили тебя...

Там, внизу. Они убивали всех, кто сопротивлялся.

Он вспомнил на лестнице большое бурое пятно, затянувшееся плесенью.

– Они убили меня внизу?

– Нет. Тебя, раненого, увезли на площадь. Они над тобой так издевались...

Она уронила голову на руки, разметав копну черных вьющихся волос и задрожала в беззвучном рыдании. Длинные тонкие пальцы сжали голову. На мгновение ему показалось, что она смеется. Она резко подняла голову и пристально посмотрела ему в глаза.

– Это ты, Гриф? – произнесла она ледяным тоном.

– Что было дальше?

– Дальше? Дальше... – она силилась вспомнить. – Они тебя убили.

От тепла камина стало жарко, и он расстегнул ворот. Он всматривался в такие знакомые черты, и ему казалось, что она постарела лет на десять. Наверное, свет... Все дело в свете. Она, казалось, теряла к нему интерес. Вдруг зевнула и спросила:

– А откуда ты принес этот цветок?

– Оттуда, – махнул он в сторону темного леса.

– Оттуда? – она повторила его жест. – Но ведь уже почти зима?

Она встала, высокая и стройная, на фоне тускло мерцавшей у стены дверцы книжного шкафа, открыла ее, сняла наугад с полки книгу и что-то невнятно забормотала. Прошлась по комнате. Бормотание доносилось уже из-за его спины. Ему стало не по себе, оттого что она пропала из виду. Вдруг снизу, из вестибюля, донеслась какая-то возня.

– Что это? – прошептал он.

– Ах, Гриф, тут всегда так бывает.

Жуткое ощущение какого-то кошмарного обмана возвратилось.

– Ты давно здесь?

– Где?.. Ах тут... Да, давно.

Теперь его пронзил холод. Внезапно раздался звук упавшей за спиной книги. Теменем уловив колебание воздуха, он вскочил и обернулся. Их отделяло кресло. Ее глаза странно блестели.

– Ты не Гриф.

– А кто же?

– Не знаю.

Она двинулась вокруг кресла, вытянув руку, точно хотела пощупать его. Изящная, длинная белая рука с хищными ногтями. Он стал отступать.

– Грифу отрубили голову, – прошипела она. – Я сама видела. Они все хотели этого. Они кричали, требовали его смерти.

Она двигалась вокруг кресла. Теперь он стоял лицом к камину, и глаза ее скрылись во мраке. Голос ее сорвался на крик:

– Его голова лежала в луже крови, его волосы слиплись от крови, по его щеке текла кровь. Кровь, понимаешь?!

На мгновение он увидел беснующуюся толпу, разъяренных, жаждущих мести людей и печальные, грустные глаза Марии. Она была рядом.

Он наотмашь ударил ее по лицу. Она вздрогнула, точно от удара током, повернулась и как ни в чем не бывало села в кресло.

– Ты зачем меня ударил? Гриф меня не бил.

– Когда? Минуту назад? Час? Десять лет назад? А?

– Только что, – на ее лице появилось капризное выражение.

– Почему... почему ты не успела увернуться? Отпрыгнуть в сторону или выцарапать мне глаза? – говорил он, усаживаясь в кресло.

– Я не успела, – она бросила на него лукавый взгляд.

– Да? А не в этом ли наша беда? Мы принимаем события свершившимися. Мы не успеваем на них отреагировать должным образом и вовремя. Для нас настоящего нет. Есть лишь сплошная непрерывная череда прошлого. Понимаешь? Нет ни будущего, ни настоящего. Есть только прошлое. Понимаешь? А наша реакция на нервное раздражение зависит лишь от строения нашего мозга.

– Гриф, может, я чокнутая? – она смотрела на него вполне серьезно.

Он посмотрел в ее черные глаза. Ему показалось, что ей лет сорок, не меньше. И тут он захохотал затычным издевательским смехом.

– Чокнутая! Боже мой! Ты так ничего и не поняла! Чокнутая! Нет никого нормальнее нас с тобой! Понимаешь, может, тебя уже нет сотни тысяч лет, а я с тобой разговариваю!

Похоже, она разозлилась всерьез.

– Ну, положим, я сама видела, как тебе отрубили голову. А ты видел меня мертвой? Скажи...

Глаза ее злорадно блестили. Смех внезапно оборвался. Лицо его помрачнело.

– Правда, Мария? – прошептал он.

– А ты, бедненький, не помнишь... – она дико расхохоталась, забила в судорогах от смеха. Казалось, ничто не в силах было остановить этот низкий, хриплый, безысходный смех.

Светало. За окном вырисовывался лес, закутанный в сизый туман, точно бродяга в пыльный плащ. Он подошел к окну и пристально взгляделся в синевшую полосу леса. Несколько старых деревьев рухнули от собственной тяжести, и даже сюда донеслось мерзкое, плотоядное чавканье.

Он устало и печально заговорил:

– Между двумя событиями уместается бесконечно много времени, Мария, бесконечно много. Столько же, сколько точек уместается между двумя любыми точками. Мгновение сменяет мгновение, и так без конца. Между двумя мгновениями бесконечное число мгновений. Понимаешь?

– Да, – тихо прошептала она.

– В радости кажется, что время проносится, словно взмыленный конь. В печали – будто оно застывает. Так устроены наши нервы, так устроен клубок этих нервов, именуемый мозгом. Время застывает от горя, – он замолчал на минуту, устремив взгляд на заалевший горизонт. – А какое самое страшное горе для человека?

– Смерть, – произнесла Мария.

– Ну так вот, как только я увидел топор над своей шеей, время для меня застыло, слышишь?

В этот момент в комнату проник луч солнца, окрасив все кроваво-красным цветом. Цветок в вазе, весь сморщившись, превратился в комок слизи. Тонкая красноватая стеклянная струйка стекала с цветка на полированный мрамор столика. Он посмотрел на Марию. В кресле сидела древняя старуха с глубоко ввалившимися черными глазами. Она встала, шатаясь, двинулась к нему:

– Несчастный! Ты каждое мгновение, каждый миг ждешь смерти!

Не дойдя двух шагов до него, она рухнула на землю, распространяя сладковатый трупный запах. Вслед за этим он почувствовал на себе сокрушительный удар отточенной стали.

Белая башня

В городе моей мечты есть главная его диковина – Белая Башня. Она гораздо выше всех окрестных сооружений, а потому видна из всякой части его. Стоит она среди бетона, стали и камня, среди подвесных мостов, в потоках машин и струях выхлопного газа, возвышаясь над грохотом и пылью и отражаясь в каждом оконном стекле. Она сложена из удивительной белизны камня, и оттого контуры ее видятся размытыми в сизом городском небе. Она, словно луна в полнолуние, постепенно растворяется в дневном воздухе, настает час – ее и вовсе не видно, но ближе к вечеру величественная белая тень вновь нависает над городом, и когда разгорается россыпь первых огней, она снова стоит ослепительная, резко очерченная, страшная.

Кто ее воздвиг, в какие века и в чью честь, никто не помнит, потому что она гораздо древнее самого

города. Одни утверждают – пророк, другие – мудрый правитель во времена, когда среди людей царило равенство. Но не это важно. Хотя она и видна из всякого окна и каждого дверного проема, но, на диво чувствостранцам, дороги никто не знает к ней. Забыли к ней дорогу. Никто не скажет, на какой площади стоит она, на перекрестке каких проспектов и улиц. Никто не знает, какими проулками пройти к ней, и хоть порой кажется, что до нее уже рукой подать, никто ни разу так и не коснулся ее белого камня. И среди горожан ходит поверье, что якобы исполнится любое желание того, кто найдет ее.

Сколько бессонных ночей на пыльном чердаке провел я с биноклем в руке, рассматривая ее белый дрожащий силуэт. И в душе моей самая высокая поэзия мешалась с низменными страстями, когда я разглядывал ее. Ни в чем я не знал нужды, был далеко не нищим, но какие-то смутные и темные желания исклевали мне душу. Я даже не знал, чего просить у нее, но сама возможность исполнить любую прихоть распаленного воображения жгла и терзала. Прекрасная, стояла она в море ночного огня, ослепительная, словно освещенная невидимым и мощным светилом, и вонзалась она в темное небо, будто острый клюв.

Она была вызовом моему сознанию. Она была вызовом моему человеческому существу. Все было ничем рядом с ней. Ее стройные обводы, выбоины в кладке, резьба на карнизах будили воображение, но повторить это было невозможно. Осколок какого-то древнего мира чудом затесался в современную жизнь и таил в себе столько угрозы и соблазна, что поэт не мог остаться к ней равнодушным.

Как я завидовал той черной птице, что свободно кружила вокруг нее, исчезала и снова появлялась на ее фоне, а порой вдруг опускалась на резьбу ее скатов. Утром же непостижимая, недоступная

Башня снова таяла в обретающем ясность воздухе, и словно детская молочная греза человечества растворялась в потоках солнечного света и городском шуме.

И однажды я не выдержал. В сытой послеобеденной истоме я завел мотор и устремился к ней. Вокруг мелькали неоновые вывески земных соблазнов, но какими они были пустыми и ничтожными в сравнении с Башней. Она оставалась то справа, то слева, то появлялась в конце улицы, по которой ехал мой автомобиль, а по его блестящим бокам бежали разноцветные блики. Я по нескольку раз проскакивал одни и те же места. За поворотом шел поворот, а Башня, бесстрастная ко мне, была все так же далека и недоступна.

Богатые роскошные районы уступили место трущобам, ухоженные и прямые улицы сменились узкими неровными улочками. Моя дорогая машина здесь привлекала внимание, но Башня отчего-то отсюда казалась куда ближе. Наконец я заехал в самую грязную и зловонную часть города. Машина с трудом протискивалась между низкими глинобитными домами, к стенам нехотя прижимались неясные человеческие тени, но мой путь прервало не это, а самый обыкновенный человеческий голод: стыдно, но так захотелось есть, что просто стало не до Башни. Возвращаться было далеко, да и Башня стояла где-то за домом напротив, а потому, наскоро перекусив, я собирался продолжить путь.

Домишко, за которым, как мне казалось, стояла Башня, был, судя по вывеске, простой пивной. В окнах виделся тусклый свет, от которого на дворе казалось еще темнее. Внутри вела деревянная грязная дверь с захватанной множеством грязных рук стальной ручкой. И я постучал. Мне сразу отворила черная немытая старуха с большим кривым носом и голодным блеском в глазах. Через мгновение она уже

не казалась такой грязной и старой, а то, что я поначалу принял за горб, было ничем иным, как сидящим у нее на спине большим вороном. Старуха обнажила в кривой понимающей ухмылке стальные зубы и поманила черным от сажи пальцем. Подмигнув кому-то за своей спиной, кого я отсюда не мог видеть, шагнула в сторону, пропуская меня, и стало понятно, что она хромая. Старая женщина, переваливаясь, исчезла в красноватом дыму, и ворон на ее спине от каждого шага взмахивал громадными крыльями.

Пахло жареным мясом, на деревянном столе без скатерти был пролит томатный соус, а черный слуга, которого я сразу не заметил, даже не удосужился убрать обеды. Я старался не удивляться, но вид слуги меня поразил. Это был наряженный в длинный балахон большой черный таракан. На голову его был натянут капюшон, под которым шевелились усы. Он старался двигаться медленно, но от каждого моего слова движения его становились все стремительнее. Правда, он ни разу не опрокинул ни скамьи, ни посуды.

Не помню, что я заказывал, отвращение сжимало горло, но я все-таки медленно ел, чтобы насытиться. С самого начала я знал, что за все это мне не расплатиться, и, когда момент настал, я попробовал было рассчитаться деньгами. Старуха неожиданно рассмеялась, злорадно и хрипло. Ворон за ее спиной широко взмахнул крылом. А таракан, как угорелый, забегал по комнате. Старуха-жизнь взяла меня за шиворот и поволокла куда-то; я почувствовал, что рука у нее стальная и холодная.

И я забыл Белую Башню.

Забыл.

Очнулся в грязной кухне с черными от сажи стенами и потолком. Я должен был поддерживать огонь под большим черным казаном, колоть дрова, мыть грязную посуду. Таракан своими черными

усаами проверял, насколько чисто она вымыта. Чугунная емкость от томатного соуса делалась красной и жирной, и в ней плавали тысячи мух. Временами я чувствовал спиной острые, словно удары бича, прикосновения тараканьих усов. Это он подгонял меня.

Старуха-жизнь прохаживалась временами вокруг меня, никогда ничего не говорила, презрительно сморкалась в мою сторону, и смех ее смешивался с вороньим карканьем, а блеск в вороньем глазу напоминал что-то, но, сколько ни силился, я не мог вспомнить что. Проходили годы. Порой мою душу охватывала тоска, я запускал руку в бороду и с ужасом замечал, что она уже густа, длинна и грязна, что жизнь уходит. Жизнь проходила бесцельно и пусто, и только старухин смех поддерживал в моей душе злой огонек. А ночевали мы вместе. Старуха укладывалась на груди грязного тряпья в углу кухни. Тараканьи усы постепенно переставали шевелиться к полуночи, храп старухин достигал к этому времени наибольшей силы, и только ворон вылетал ночью в окно. Где он летал, не знаю...

И увидел я, как снова в солнечный полдень вышел из дома. На душе у меня было легко и ясно. Белая стена тянулась вдоль дороги. Легкая ажурная дверь была в этой стене. Серебряный колокольчик висел на ее резном косяке. Но дверь была незаперта. В саду, где стоял одуряющий аромат тысяч цветов, меня встретила девушка с воркующим белым голубем на плече. Лицо ее было нежно, тяжелые иссиня-черные ресницы скрывали смешинку в глазах. А позади ее стоял большой зеленоглазый сверчок в белой как снег ливрее. Девушка наконец рассмеялась и потянула меня за руку в дом. Мы смеялись все вместе, сверчок все что-то напевал и угощал меня чем-то удивительно вкусным, и я ел и не насыщался. Голубь же все ворковал и радостно бил крыльями. И я был счастлив. А потом я увидел в

окно, что Белая Башня стоит прямо в саду, среди лилий и роз. Я медленно вышел, подошел к ней, коснулся белого камня и не знал, чего у Башни просить. Не знал...

Меня разбудил старухин стон. Руки ее беспокойно подергивались, черные волосы разметались по тряпью, она бредила, и отчего-то мне подумалось, что о том же, о чем только что бредил и я. Тараканьи усы мелко дрожали в горячечном ознобе. А в глазах его, никогда не смыкающихся, блуждала зеленая искра. Ворон все еще где-то летал. Я оделся. Зачерпнул ладонью из бочки воды, ополоснул лицо, прислушиваясь к старухиному бреду. Тихо подошел к двери, ведущей во внутренний двор, открыл ее и среди покореженных ржавых автомобильных остовов и груды исклеванных белых костей увидел свою Башню. У меня захватило дух, будто в мороз. Ослепительная, словно белая молния, сверкала она, а вокруг нее все летал и летал громадный черный ворон, и теперь я точно знал, чего у них просить.

Ольга Грушевская

Пути и цели...

В фильме режиссера Андрея Тарковского «Сталкер» герои идут в таинственную Зону. У каждого из них своя цель, каждый готов пройти опасный путь, лишь бы попасть в заветную Комнату и попросить у нее осуществления своего самого сокровенного желания. Но, пройдя путь и многое переосмыслив, герои фильма начинают сомневаться, настолько ли важны и бесценны их цели и желания, чтобы просить осуществления задуманного, и не прогадают ли они. А Писатель, добравшись до Комнаты, и вовсе отказывается что-либо загадывать, утверждая, что никто не сможет понять свои истинные цели и опасность таится в том, что исполнятся желания только подсознательные – те, что спрятаны на самом дне души.

Так знаем ли мы свои цели, те ли пути выбираем?

Прозаик, общественный деятель в области культуры и искусства. Издавалась в России, Израиле, США, Австралии, Армении. Член МСП «Новый Современник». Руководитель проекта «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ).

Шишел-Мышел (Дверь)

1

*Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана:
«Буду резать, буду бить!»
С кем останешься дружить?»*
Детская считалка

– Вышел месяц из тумана, – весело напевал молодой мужчина. – Набирай ложку!

– Вынул ножик из кармана, – игриво вторила ему молодая женщина. – Ну-ка, ложку в рот!

Девочка ела медленно и без аппетита. Чего только ни делали ее родители, к каким ухищрениям ни прибегали: к уговорам-увещаниям, сказкам, зывали к разуму, кричали – ничего не менялось.

Мама была молодой и красивой и очень деятельной, готовила хоть и без изысков, зато быстро; ловко раскидывала белые тарелки по белой скатерти: «К столу-у-у!» – звала мужа и дочку, а сама уже была вся в нетерпении: когда же вся эта однообразная церемония, закончится, чтобы поскорее вымыть посуду, освободиться от кухни и заняться, наконец, интересными делами – мир был таким огромным!

Папа был тоже молодым и красивым и очень умным; приходил, тут же по-деловому садился за стол, шутил, а потом ел с аппетитом, присущим молодому человеку, молча и быстро, так как надо было поскорее покончить с трапезой и приступить к чему-то очень важному, например запускать в космос аппараты, рассчитывать траектории полета – мир был таким бескрайним!

А девочка никуда не торопилась. Ее мир не был большим и бескрайним и существовал не где-то, а рядом с ней. Ей вполне хватало ее комнаты с куклами и мишками, сада с цветами и стрекозами и улицы

за забором старого дома, ведущей к станции. Она осматривала свои маленькие владения и чувствовала себя совершенно комфортно. Девочка садилась на корточки и внимательно следила за тем, как муравьи тащат соломинку, как трясогузка горделиво разгуливает по дорожкам, как лихо скачут белки по веткам. Иногда она поднимала глаза к небу и рассматривала облака, но лететь к ним совсем не хотелось.

Все эти завтраки-обеда-ужины девочка ждала с обреченной грустью, потому что знала, чем они кончатся, и всегда у нее внезапно находился предлог, чтобы оттянуть момент, задержаться: то карандаш ломался, то оставался последний штрих на картинке, то тапка с ноги сваливалась и исчезала под шкафом, то мыло выскальзывало из рук и как лягушка ускользало под ванну, то... то...

– Да сколько же звать тебя надо?! – мама появлялась за спиной и вздыхала. – И что же на этот раз?

И появлялась тапка, и мыло возвращалось в мильницу, и карандаш быстро точился и дорисовывал картинку. В руках у мамы все спорилось.

Но все-таки дело было, наверное, не в маминой еде: не в комках манной каши, не в рыбе наваге, от которой почему-то чесались губы, не в том, что чай казался горячим, а пирожные липкими. Конечно же нет. Просто девочку все отвлекало. Отвлекала муха, чистящая лапки на оконном стекле; отвлекала тень от ложки, которой если двигать, то можно было увидеть, как тень принимает разные формы.

– Ешь!

Отвлекала птичка-пищуха, которая, словно юркая мышка, бегала по стволу старой вишни, что росла за окном.

– Жуй!

Отвлекали крошки на клеенке, из которых можно было сложить смешные фигурки.

– Опять застыла? Перестань мечтать!

Отвлекала мелодия, которую она пела во сне, а теперь силилась вспомнить.

– Прекрати держать за щекой!

Отвлекал солнечный луч, который светил прямо в глаза, но если прищуриться, то можно было увидеть радугу.

– Пока не съешь, из-за стола не выйдешь! Так и будешь сидеть до обеда!

Отвлекала большая супница в буфете в замысловатых розочках.

– Не хочет, пусть не ест! – не выдерживал умный папа.

– Нет, пусть ест! – возражала заботливая мама, собирая тарелки. – Она не может оставаться голодной. Она и так худая!

– Захочет, придет сама.

– Мне некогда целый день торчать на кухне и вас обслуживать. Сделал дело – гуляй смело! Давай-ка, моя дорогая, не задерживай нас.

– Ты слышала, что мама сказала? – хмурился папа. – Ты нас задерживаешь, быстро доедай! Все дети как дети, съели и побежали, а ты – тянучка, время не жалеешь!

Девочка молчала. Она знала, что все дети как дети, но еще она знала, что мама с папой ее очень любят, что они все для нее делают, а она их подводит и задерживает в их большом и взрослом мире, и больше всего на свете ей хотелось исчезнуть – исчезнуть в никуда.

Так и происходило.

– Ну, все! – в отчаянии восклицала красивая мама. – Ты сама до этого доводишь! Все! Терпение лопнуло! Вставай и отправляйся в ванную! Там будешь думать о чем хочешь, фантазировать что хочешь, а потом придешь доедать холодную кашу!

Девочка оказывалась в ванной, дверь захлопывалась, громко щелкала задвижка, и выключался свет.

– Вот сиди теперь взаперти, в темноте! Так тебе и надо! – добавляла расстроенная мама. – И думай,

какая ты эгоистка! У всех куча дел, а ты вечно резину тянешь, фантазерка!

Девочка сначала по привычке плакала и стучала ладонями в закрытую дверь: «Открой! Мама, открой!», дергала за ручку и снова плакала, но потом постепенно успокаивалась и садилась на край старой ванны. Наступало ее время.

В ванной было темно. Тусклый свет просачивался сквозь мутное дверное стекло, придавая предметам непривычные очертания и иные формы. Большие квадраты старой половой плитки напоминали растрескавшуюся шахматную доску, на которой черные элементы выливались из своих границ и неровными пятнами расплзались по светлым полям. Ванна превращалась в черную пропасть с грязно-серыми краями. Хотелось нырнуть вниз и лететь вниз головой до другого края земли. Пропасть звала и пугала, и девочка тянула за клеенчатую шторку, чтобы не смотреть в бездонную тьму. Столбики голубеньких цветов на кафеле, веселеньких при электрическом свете, в темноте, превращались в замысловатые цепочки следов пищухи, похожей на мыш. Тихие звуки в трубах урчали, бурлюкали и привычно складывались в слова, и вот уже девочка различала, как кто-то знакомый опять ей ласково шепчет:

*Шишел-Мышел
Сел на крышу...*

И девочка начинала вторить «Шишел-Мышел» и неловко танцевать, складывать ноги в реверансы и кружиться в тесном пространстве ванной комнаты.

Шишел-Мышел...

Потом она смотрела в зеркало и видела там свой худенький черный силуэт. Размытый силуэт ей нравился. Вроде она, а вроде и не она. Это мог быть кто угодно, и с ним можно было дружить и никуда не торопиться. Она поворачивала кран и включала тон-

кую струйку воды, мочила указательный палец и водила им по зеркалу, рисуя водой нос, рот, глаза.

Шишел-Мышел...

– улыбалась девочка и пририсовывала другу-отражению уши.

Шишел-Мышел...

А позже садилась в углу на скамеечку и с улыбкой засыпала.

...Она знала, что мама и папа очень хорошие, и это лишь ее вина, что она такая медленная и нескладная.

*Шишел-Мышел
Сел на крышу...*

– Ну все, хватит, выходи! Достаточно сидеть в темноте! И прекрати притворяться, что тебя нет или что ты спишь! Мы уходим, а ты марш на кухню доедать кашу!

*Шишел-Мышел
Сел на крышу,
Шишел-Мышел
Взял –
И вышел!*

2

*Шла машина темным лесом
За каким-то интересом,
Инте-инте-интерес,
Выходи на букву «эс»,
а на буквочке звезда,
там, где ходят поезда.
Если поезд не пойдет,
машинист с ума сойдет.
Детская считалка*

На указателе машина свернула направо, и извилистая дорога повела вглубь поселения. Шоссе было

влажным и в воскресный день пустынным. Утренний июньский туман стелился по окрестным полям, сочился в перелески, и через открытый люк приятно проникал в машину прохладный воздух.

Да, все изменилось. Неизбежно наступал город: поля повсюду застраивались однотипными коттеджами, сплошь и рядом громоздились нелепые торговые центры, вдали, где всегда голубело небо, теперь торчали современные конструкции, уютную трехэтажную школу красного кирпича потеснил большой серый монстр из нескольких корпусов с переходами.

Нет-нет, она все делает верно, все правильно, имение давно надо было продать – пока его не смел мегаполис, да и содержание реликвии требует слишком больших средств, сил и времени, а при ее городской занятости это все нереально. Да и ради чего? Большую часть времени они с мужем проводят в Праге, там же, в университете, учится и сын – дом давно уже никому не нужен. Эх, надо было еще раньше расстаться с этим динозавром, да только все что-то останавливало, что-то мешало, удерживало. И вот – по настоянию домочадцев – она выставила дом на продажу.

Найти желающих купить старое имение непросто, для покупателя это все равно что купить древний замок – вместе с престижем приобретаешь кучу проблем: ремонты, налоги, непредвиденные траты, одним словом, покупаешь личную черную дыру.

Продажу ведет агент: созванивается, возит в дом немногочисленных клиентов, но вот уже третий раз за последний месяц показывать дом вызывается она сама – стечение обстоятельств, неожиданно появляется «окно», и она шутливо пишет агенту в чате: «Дом зовет меня – сегодня еду сама».

Машина вырулила на липовую алею и остановилась в тупике у больших ворот. Столбы от времени

покосились, ворота разъехались, и между створками образовывалась щель, сквозь которую виднелся большой дом с темным фасадом.

Тася порылась в сумке и извлекла тяжелую связку разнокалиберных ключей. Калитка со щелчком открылась, и она зашла на участок. Выбрав ключ побольше, она отперла массивный навесной замок, распахнула тяжелые створки прогремыхавших ворот, въехала на участок, припарковалась и проделала обратную процедуру с воротами и замками.

Раздался звонок телефона, агент сообщал, что клиенты выехали и через час придут.

По дорожке, выложенной потрескавшейся плиткой, Тася направилась к дому, стоявшему поодаль среди большого пролеска, окруженного вековыми деревьями, – могучие ели стояли торжественно, словно отдавали ей честь, дубы чуть склоняли головы, а березы нежно посмеивались. Солнце с трудом продиралось сквозь сплетенные ветви, поэтому территория всегда была затененной и влажной. Раньше молодняк прореживали, спиливали засохшие ветки, косили траву, теперь же все заросло и выглядело заброшенным, как чаща в сказке о Спящей красавице. На дом ложились солнечные пятна мягкого света, обнажая на фасаде паутину трещин и угрюмые выщербины. Изломанная крыша, покрытая сухой прошлогодней листвой, тут и там обреченно демонстрировала поломанные сосульками края, побитые весенними оползнями скаты. Подслеповато-мутные окна по-стариковски щурились, тщетно пытались разглядеть, кто же на этот раз к ним явился. Дунул ветер, всколыхнул ветви деревьев. «Приехала», – прошуршали дубы. «Приехала...», – отозвались ели.

Тася шла к дому, испытывая странное чувство тревоги, смешанное с сожалением, что наглухо заколоченное в доме прошлое будет еще долго стучаться изнутри во все стены, пытаясь напомнить о себе. Но тщетно. Придут новые хозяева и сметут эту рухлядь,

все переиначат, наполнят своим запахом, историей и навсегда похоронят чужие воспоминания под толстым слоем свежей штукатурки.

Повернулся еще один ключ, открылась входная дверь, и Тася оказалась в темной прихожей. Из глубины дома веяло тишиной, застоявшимся воздухом и напряженным ожиданием. Щелкнул выключатель, и под потолком вспыхнул неяркий свет, разбудивший застывшую на светильнике ночную бабочку, та вспорхнула, заметалась и села на кирпичную стену, с висевшей на стене фотографии на нее покосилась печальная пожилая женщина.

Из прихожей Тася перешла в тусклый холл, куда со второго этажа спускалась тяжелая лестница; затем не торопясь прошла мимо ванной, которой уже много лет не пользовались из-за неполадок со стоком; пройдя мимо арки на кухню, вошла в гостиную, окна которой смотрели в сад. Она хотела уже включить верхний свет, но застыла замороженная. Вся комната была залита солнечным кружевом: свет лился через высокие окна и ложился ажурной вязью на низкий диван, большой обеденный стол, высокий буфет с посудой, картины на стенах. Искрящимися водопадами торжественно струились в солнечных лучах тюлевые занавески, свисающие с карнизов. Тася умиротворенно вдохнула сыровато-пыльный воздух и, подойдя к окну, отодвинула занавеску. «Привет», – улыбнулась она, но улыбка тут же померкла.

Прямо напротив стояла старая вишня, от времени покосившаяся и покрытая у основания мхом. Вишня уже отцвела, лишь кое-где в тени виднелись еще пушистые белые соцветия. Черными росчерками сухие ветки мешались с живыми, зелеными, но одна из крупных ветвей плетью свешивалась до самой земли. Излом рваной раной торчал на фоне голубого неба, словно кто-то огромный безжалостно разломил ее о свое большое колено. Смерть застала ветвь сильной, цветущей, и теперь, уже мертвая, но

вся еще в своем последнем в жизни великолепии, она трагически осыпала молодую траву белыми лепестками.

Тася опустила занавеску и отвернулась.

До приезда клиентов оставалось достаточно времени, чтобы как-то «обжиться», проветрить дом. Хотя, как ни крути, сложно было скрыть ветхость и запущенность обстановки. И все же Тася по-деловому прошла по всем помещениям, раздвигая портьеры, распахивая окна и форточки, зажигая в проходных комнатах свет, выравнивая стулья и разглаживая старые покрывала. На втором этаже света и воздуха оказалось больше, а все очертания ярче. Завершив хозяйский обход, Тася плюхнулась в кресло и откинула голову. Удивленное оцепенение царило вокруг, словно дом пробудился и с любопытством следил за своей хозяйкой.

Тася сидела в своей детской комнате, которая позже стала не детской, а просто комнатой, где они жили с мужем, а потом и с маленьким сыном. Напротив кресла у стены высился большой книжный шкаф, забитый старыми книгами, журналами, раритетными изданиями, глянцевыми альбомами с репродукциями. Когда-то все это имело значение: собиралось, выискивалось, находилось в букинистических магазинах, покупалось в очередях, по подписке. Теперь предстояло все разобрать, просмотреть, пролистать, вывезти или раздать. Или не стоило мучиться? Может, все одним махом выбросить? Вряд ли библиотека могла заинтересовать новых владельцев.

Чуть левее стеллажа громоздился нескладный комод с большим зеркалом в массивной раме. Зеркало когда-то давно хотели повесить на стену, да так и не повесили, оставив стоять на комодe, что ничуть не портило обстановку. Около зеркала между двумя вазами цветного стекла виднелась фотография в ме-

таллической рамке. Тася любила эту фотокарточку и всегда подолгу ее разглядывала, с каждым разом пытаясь увидеть в ней что-то новое. Это было фото ее молодых родителей: отец весело смотрел на маму, обнимая за плечи, а мама с легкой усмешкой задумчиво смотрела в объектив. На плечах у мамы была накинута Тасина кофточка. Тогда Тасе было лет семь или восемь и жизнь казалась ей бесконечной, а родители – взрослыми и вечными. Но, взрослея, Тася стала замечать на карточке что-то иное: казалось, папа уже не так крепко обнимает маму и смотрит не так уж и весело, а мама улыбается вовсе не папе, а тому, кто наводит на них объектив. Тася все больше ощущала на фото предчувствие грусти и утраты, скрывающееся за счастливыми лицами, то, что раньше не могла распознать маленькая девочка. Вот и теперь, когда она уже давно переросла своих родителей, разглядывая фото, она с нежностью обнаружила в их лицах всю ту силу, дерзость и нетерпение, что свойственны в начале жизненного пути одаренным молодым людям. «Да, – думала Тася, сидя в своем любимом кресле в мелкий цветочек и вспоминая папины слова. – Все относительно». Она перевела взгляд на кровать с красным стеганым покрывалом и тремя бархатными подушками, затем – на распахнутые стеклянные двери, ведущие на открытую террасу. Легкие занавеси на ветру колыхались, а сквозь двери ровными линиями разбегались солнечные лучи. «Двери в рай», – подумала про себя Тася и прикрыла глаза.

И виделось ей, как они все: бабушка – в зеленом костюме, дед – в соломенной шляпе, родители – в чем-то светлом и легком, сын и муж – все сидят за столом с белой скатертью и белыми тарелками, смеются и переговариваются, а она, Тася, разливает половником из фарфоровой супницы с розами холодный свекольник со сметаной. И делает она это размеренно, неторопливо – как положено, а выглядит

она – старше всех, и факт этот вовсе никому не удивителен, ведь все они застыли на фотографиях молодыми, и лишь она одна все взрослеет и взрослеет.

Внизу что-то стукнуло, Тася вздрогнула и открыла глаза. Сквозняк, окно? Спускаться лень, хотелось еще понежиться в полудреме – сказались московские напряженные дни и городская усталость, но стук повторился, и она нехотя встала: еще не хватало, чтобы разбилось стекло и забот прибавилось.

Спустившись в холл, Тася выглянула в прихожую и увидела, что входная дверь приоткрыта. «Сквозняк», – решила она и, плотно прикрыв дверь, прошла по комнатам, но источник звука так и не обнаружила. Только тут она обратила внимание, что все еще держит в руках фотографию родителей. Пройдя на кухню, она поставила фото на стол и решила вскипятить воды, чтобы заварить чай. Половицы на кухне скрипнули, чиркнула спичка, голубые язычки пламени вспыхнули и весело заиграли вокруг замасленной конфорки, отчего старая кухонная обстановка показалась еще более старомодной и ветхой. Тонкая струйка воды громко ударилась о дно чайника и, несколько раз фыркнув, полилась увереннее.

«Шла машина темным лесом, – приговаривала Тася и сосредоточенно смотрела, как звонкая струя воды льется из крана, – за каким-то интересом, инте-инте-интерес, выходи на букву “эс”».

Наконец, водрузив чайник на плиту и достав с полки над плитой банку с чайной заваркой, Тася обернулась и отпрянула. Прямо перед ней стояла молодая женщина и держала за руку мальчика лет восьми. Женщина была в темном кардигане, а мальчик – в теплой курточке, застегнутой до подбородка.

– Кто вы? – вскрикнула Тася.

Молодая женщина приветливо улыбнулась:

– Не пугайтесь так, ради бога. Мы приехали посмотреть дом.

– Дом? – не поняла Тася, но тут же спохватилась: – Ах да, конечно, дом.

– Вас разве не предупреждали?

– Да-да, предупреждали, – Тася еще раз оглядела гостей. – Но как вы вошли?

Женщина дернула плечами:

– Калитка открыта, да и входная дверь не заперта.

Тася вздохнула и почувствовала облегчение, тут же сменившееся досадой: не очень-то приветливо она повела себя с гостями – так дом никогда не продать.

– Не считите меня невежливой, – постаралась объяснить она свою настороженность, – но я ждала вас чуть позже. К тому же агент предупредил, что приедет семья... то есть приедут муж и жена.

– Все верно, – подтвердила женщина и поправила короткие светлые волосы, – все верно. Мы быстро добрались – в воскресенье дороги пусты. А муж осматривает территорию. Он не очень любит загородную жизнь, да и вообще его мало интересует хозяйство, а уж такое огромное – тем более. Надо понять, много ли придется вкладываться, чтобы привести все в порядок. Мы заметили много сухих деревьев и поломанных веток.

– Да, – вздохнула Тася, – зимой все завалило снегом, много деревьев поломано, сад пострадал. Хотя, если говорить серьезно, территория не самая большая проблема в...

– Посмотрим, – не дала договорить ей гостя и, по-хозяйски подойдя к буфету, достала три чашки. – Чай? Вы ведь собирались пить чай?

Тася кивнула и первая послушно села за стол, отодвигая фотографию родителей в сторону.

– Дом старый и требует капитального ремонта, – проговорила она, зачем-то начиная с самого неприглядного. – Нужна ревизия кровли, водостоки ужасные, в некоторых комнатах следует перекрыть полы...

– Мы в курсе, нас предупреждали, и это нас не пугает, – опять перебила женщина и, повернувшись к мальчику, мягко скомандовала: – Будем пить чай, никаких возражений. Ты плохо завтракал.

Мальчик не возражал. Тася поймала его взгляд и приветливо улыбнулась:

– В шкафу есть конфетница: печенье, орехи и шоколад, – сказала она. – Большого, к сожалению, я вам предложить не могу, мы здесь не живем.

Ей показалось, что женщина посмотрела на нее с укором, но, возможно, это ей лишь показалось.

– Не беспокойтесь, мы с удовольствием попьем чаю с вашим печеньем, – заверила гостя и снова обратилась к мальчику. – Ведь так? Ведь это очень любезно со стороны хозяйки угостить нас сладким, – и, оглянувшись вглубь дома, спросила: – Где можно помыть руки?

– Придется подняться наверх, – Тася машинально провела ладонью по клетчатой скатерти, смахивая крошки. – Все удобства на втором этаже. Внизу ванная в плачевном состоянии, да и дверь не открыть, заржавел замок.

– Ничего страшного, – успокоила гостя и продолжила: – Вчера вечером мы выучили новое стихотворение, и сейчас мой сын нам его расскажет. Расскажешь? Всем очень интересно.

– О, – воодушевилась Тася, почему-то радуясь, что тема продажи дома отошла на второй план. – Послушаю с удовольствием!

Но мальчик молчал и смущенно жался к выходу.

– Но... это вовсе не обязательно! – Тася поспешила прийти ему на помощь: – Мы можем просто так попить чаю, безо всяких стихов. Стихи это не самое главное. Вы знаете, мой сын никогда не любил читать стихи на публике, хотя знал их очень много – у него отменная память. И ничего страшного! Сейчас он учится в университете. Знаете, ведь это зависит... – тут она осеклась, так как на этот раз она не могла

ошибиться – женщина смотрела на нее с явным недовольством. – О... простите... я, наверное, зря вмешаюсь...

Воспользовавшись замешательством, мальчик скомканно буркнул:

– Погуляю по комнатам, – и быстро исчез в темном пространстве дома.

3

*Раз, два, три, четыре, пять!
Я опять
Иду искать!
Кто не спрятался –
Я не виновата!
Детская считалка*

– Ну что ж, дом действительно требует серьезных вложений, – подытожила женщина, завершив осмотр второго этажа и направляясь к лестнице. – Но в целом мне все понравилось, очень уютно и атмосферно. В вашем доме есть что-то, чего нет в других подобных постройках.

На минутку гостя задержалась у пожелтевшей фотографии, висевшей на стене под стеклом, на ней виднелся дом в самом начале строительства.

Тася, внимательно наблюдавшая за своей гостьей, в который раз ощутила в ней что-то знакомое: уверенный голос, решительные движения, хозяйский поворот головы. А эти светлые волосы, голубые глаза и строгий пронзительный взгляд! И одета она была элегантно, но слишком классически для своего еще молодого возраста – бежевые брюки, того же тона водолазка, коричневый клетчатый кардиган.

Внимательно изучив фотографию, женщина принялась спускаться.

– Дом с историей, это важно. Вы, надеюсь, оставите фото? Муж любит такие экземпляры, в них чувствуется связь времен.

– Могу сделать копию, – отозвалась Тася, спускаясь следом. – А чем занимается ваш муж?

– О, – голос гостя приобрел значимость, – он инженер, делает расчеты для строительства летательных аппаратов, они потом летают в космосе.

– Да что вы? – Тася была искренне удивлена. – Мой папа тоже занимался чем-то подобным. Только он рассчитывал траектории, и все было секретно и очень серьезно. Он был ученым.

– Неужели? – откликнулась женщина, все больше погружаясь в темноту лестничного пролета. – Любопытно!

– Конечно, ваш дом для нас чуть великоват, – голос женщины звучал откуда-то из недр дома, – но к нам приезжают гости, будет где разместить их. А какие-то комнаты можно объединить и превратить в студии, сейчас это модно. Одну из террас обязательно отведем под кабинет мужа.

– Вы можете отремонтировать папин кабинет.

– Отличная мысль!

– А у вас большая семья? – Тася громко адресовала вопрос куда-то вниз.

– У нас? Нет, вовсе нет. Мой муж, я и сын. – Женщина вдруг замолчала, а потом крикнула: – Мой сын! Вы не видели моего сына? Тео!

– Тео?

– Да, вы не видите наверху моего сына? Он же убежал осматривать дом, но его не было ни в одной из комнат.

– Да... – смутилась Тася. Увлечшись показом, она совершенно забыла про мальчика. – Не волнуйтесь, он должен быть где-то здесь, ему некуда деться.

– Но в вашем доме легко заблудиться!

– Так всем кажется поначалу, потом свыкнетесь. Уверена, мальчик где-то здесь.

– Ах, вы не знаете моего Тео! – еще больше взволновалась женщина и снова крикнула: – Тео, ты где? Нам скоро уезжать! Тео!

К этому моменту обе женщины уже спустились на первый этаж и стояли в тесном пространстве холла.

– Какое интересное имя у вашего сына.

– Обычное имя. Дед по мужу был французом, звали его Теодор, а женился он на переводчице из России и переехал к ней в Воронеж. Так что сына, получается, мы назвали в честь прадеда-француза.

– Моя бабушка тоже из Воронежа, – заметила Тася, а потом вдруг добавила: – А меня назвали случайно, представляете! Хотели Викторией, а папа поехал регистрировать и вернулся с «Таисией» в свидетельстве о регистрации. Кто бы мог такое подумать? Маме это не понравилось.

Женщина с любопытством посмотрела на хозяйку.

– Да уж. Мне бы тоже так не понравилось: планируешь одно, а потом раз – и кто-то все меняет помимо твоей воли. Я склонна понять вашу маму. Это такая мука – жить с ученым, они в быту вечно все путают. Тео! – Женщина быстро прошлась по гостиной, заглянула в кухню и раздраженно добавила: – Ваша мать была права: имя у вас и правда невыразительное. Тео! Да где же ты, наконец?

Ничуть не обижаясь, Тася решила приободрить гостью.

– Не переживайте, мы сейчас его найдем, – сказала она и направилась к выходу. – Наверняка он давно уже в саду с вашим мужем. Пойдемте!

Женщина последовала за Тасей, но внезапно остановилась у небольшой плотно закрытой двери с матовым стеклом и прислушалась.

– Куда ведет эта дверь? – помедлив, поинтересовалась она.

– В старую ванную комнату, – объяснила Тася. – Я говорила, мы ее не используем; даже не помню, когда последний раз ее открывали, что-то с задвижкой.

Женщина подошла к двери поближе и, сделав знак «тс-с-с», снова прислушалась.

– Мне кажется, там кто-то есть. Что-то постукивает...

Тася улыбнулась:

– Не обращайтесь внимания. Это трубы, они всегда издают чудные звуки, с самого основания дома.

Но женщина, словно не расслышав сказанных слов, тихонечко взялась за ручку.

– Там никого быть не может, – покачала головой Тася и, уже открывая входную дверь, чтобы выйти во двор, шутливо добавила: – Вы же видите, там темно!

– Я-то вижу, но говорю вам, там кто-то есть! – взволнованный голос гостыи все же заставил Тасю остановиться и обернуться.

– Он в ванной! Тео! – женщина неловко дернула дверь, но та не поддавалась, лишь посыпался из щелей мусор. – Тео?

Настырность женщины начинала утомлять, Тася опустила глаза и принялась разглядывать мыски своих туфель с налипшими травинками и кусочками земли.

– Там никого нет, – равнодушно повторила она и тут внезапно ощутила, как ее охватывает все нарастающее странное беспокойство.

– Нет, есть! – не унималась женщина, уже изо всех сил дергая тем временем ручку. – Что ты там делаешь? Открой сейчас же! Тео! Вылезай, негодник! Мы уезжаем!

– Вы не можете так уехать – вы еще не видели сад! – внезапно брякнула Тася, с досадой осознавая нелепость своих слов.

– Бросьте вы со своим садом! Мне и так уже все понятно!

Тася почувствовала, что ей не хватает воздуха и словно тисками сжимает грудь. «Нужно выйти на воздух, – пронеслось у нее в голове, но вместо того чтобы выйти во двор, она развернулась и быстро

прошла в гостиную. Резко отдернув занавеску, она встала у окна и, сложив на груди руки, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов: – Раз, два, три, четыре, пять, я иду тебя искать, кто не спрятался, я... Надо что-то делать с этой вишней, – бормотала она самой себе. – Надо срочно спилить эту ветку, никакого порядка».

– Послушайте, давайте как-то откроем эту дверь, – восклицала женщина в холле. – Я уверена, Тео прячется именно там.

Ситуация становилась совершенно невыносимой.

– Эта дверь запирается снаружи, задвижку заклинило, – бубнила она. – Ее нельзя закрыть изнутри.

– Вы меня слышите? Я говорю, давайте откроем дверь!

– Эта дверь запирается снаружи! – уже громко прокричала Тася. – Ее-нель-зя-зак-рыть-из-нут-ри, – и горько добавила: – Уж я-то это хорошо знаю!

– Да что вы такое говорите?! В том-то и дело, что дверь заперта из-нут-ри!

– Вам кажется! – непоколебимо упорствовала Тася, по-прежнему не оборачиваясь. – Очевидно, ее просто заклинило – ванную не открывали чер-те сколько времени! Уверена, дверь просто осела или от времени скособочилась. Дом старый, всякое могло случиться. К тому же внутри темно. Если бы там кто-то был, то горел бы свет.

– Все нет. Идите и посмотрите сами!

– Да говорю же вам, – неожиданно для себя зло вскрикнула Тася и резко обернулась, – эта дверь ни-ког-да, слышите, ни-ког-да, не закрывалась изнутри! Эта дверь запиралась только снаружи, как и свет. И свет выключался только снаружи! Как же вы не поймете? Включите свет вашему ребенку и выпустите его, если вы так уверены, что он там!

Женщина оторопело посмотрела на хозяйку и, выдержав паузу, постаралась заговорить спокойно:

– Хорошо. Давайте не будем нервничать. Но, согласитесь, не могла же я сама запереть своего сына.

– Почему же не могли? – ехидно усмехнулась Тася, изо всех сил пытаясь взять себя в руки. – Вполне могли бы. Многие родители так поступают.

– Могла бы? Но зачем?!

– Затем... что он не хотел пить ваш чай и читать ваши стихи! – невольно выпалила Тася.

– Ну... допустим, – еле сдерживая возмущение, проговорила женщина. – Но как я могла его закрыть, когда я *здесь*, а защелка – *там*? Снаружи ничего нет – ни замка, ни вашей ржавой защелки или, как вы там говорите, задвижки, черт побери! О чем вы все время толкуете? К тому же, судите сами, разве не было бы логичнее, если бы *эта* дверь запиралась изнутри?

У Таси громко застучало в висках, и нестерпимая боль из груди поползла в голову. Что-то не сходилось, что-то было не так, что-то не совпадало с прошлым.

– Этого не может быть, – наконец прошептала она и медленно направилась в холл.

– Вот, смотрите сами, – и женщина решительно ткнула пальцем в мутное стекло закрытой двери. – Тео заперся и теперь сидит там в темноте и прячется. Тео, сыночек, включи свет, дорогой, и прекрати меня мучить. Эгоист! Ты не ценишь наше время! Ну подумай сам, надо делать дела, а я должна тратить драгоценные минуты на эту ерунду!

Тася вздрогнула и посмотрела на гостью – конечно же, как она сразу не поняла, кого она ей так напоминает. Нет-нет, она не была точной копией, но... но все равно сходство было очевидно.

Тася дернула за ручку, старое дверное стекло задребезжало, кусочки штукатурки и мусора посыпались на пол, но дверь не поддавалась – она действительно была закрыта.

– Может быть, ваш муж закрыл эту дверь? – в замешательстве предположила она.

– Какой муж?! – вспыхнула женщина. – Ах муж... но он ждет нас в машине. Надо срочно ему позвонить, пусть придет и вскрыет вашу дурацкую дверь! – и она выхватила из сумочки телефон.

Тася медленно провела ладонью по косяку, потом по ручке, затем по стенам вокруг двери.

– Вот, убедились? Ни замков, ни защелок, ни выключателей! Что я вам говорила? Все внутри! – торжествовала женщина. – Тут, видно, сто раз все переделано и вы сами что-то напутали!

– Нет, – словно сквозь сон покачала головой Тася, – с тех пор в доме не было ремонта, – и, закрыв глаза, прижалась лбом к дверному стеклу. Липкий холодок пробежал между лопаток и застрял в кончиках пальцев.

– Тео, – неуверенно позвала Тася. – Тео?

За дверью было тихо, но все же она различила чье-то дыхание и еле заметное движение за темным стеклом.

*Шшшшел-Мьшшел,
Сел на крышу...*

– Какая ужасная связь! – досадовала женщина где-то в прихожей, пытаясь дозвониться мужу.

Но Тася ничего не слышала, все внимание ее было приковано к тому, кто прятался за дверью ванной комнаты.

– Я знаю, что ты там, не бойся, ты в безопасности. Ты не будешь пить чай, и не будешь читать стихов, и не будешь жить в этом доме. Не бойся. Я выпущу тебя. Справа от двери... – Тася зажмурилась, колючие слезы наворачивались на ее глаза, – ...справа... выключатель... справа... нажми на него, милый... – говорить было почему-то нестерпимо больно, и Тася прикладывала огромные усилия, чтобы выдавливать из себя слово за словом. – Справа... справа от двери...

Послышался щелчок, и зажегся тусклый свет. Сквозь рифленое стекло прямо у двери возник маленький темный силуэт.

– Ах! – воскликнула женщина и подалась вперед, но Тася остановила ее рукой; затем опустилась на колени и после долгой мучительной паузы наконец обреченно выдохнула:

– Здесь, под ручкой, внизу... задвижка, Тео... поверни ее, милый, не бойся... Здесь, внизу... здесь...

*Шишел-Мышел
Сел на крышу...*

Какое-то время в ванной было тихо, но затем что-то задвигалось, резко щелкнуло и дверь приоткрылась.

«Прости, Шишел-Мышел...» – еле слышно прошептала Тася, закрыла глаза и сжалась. Беззвучные, так давно рвавшиеся наружу слезы вдруг хлынули из глаз, словно соляные реки, вымывающие из памяти обиды и старый сор.

*Шишел-Мышел...
Шишел-Мышел...
Шишел-Мышел...
Взял –
И вышел!*

4

*В поле суслики свистели,
и скрипели коростели
в созревающем овсе.
Вдруг замолкли сразу все
и помчались кто куда,
опустели провода –
улетели шесть ворон
к вороньятам в гуцу крон.
Детская считалка*

– Как же ты напугал нас, – говорил молодой мужчина, сидя на корточках перед мальчиком и от-

рыхивая ему курточку. – Вечно что-то придумаете, фантазер! Разве можно запирается в чужих домах?

– Простите Тео за его выходку! Но это вечно такая головная боль, если бы вы только знали, – говорила женщина, обращаясь к Тасе. – Он всегда где-то прячется, а что еще хуже, запирается. Тео, ты опять всех напугал.

Мальчик молчал.

– Детский бунт? – игриво проговорил папа мальчика и сделала «козу»: – Коза-коза-дереза.

– Он такой упрямый! – вздыхала женщина и нервно поправляла волосы. Какая-то гневная боль пронизывала ее лицо, но, может быть, это Тасе лишь казалось. Она стояла поодаль, прислонившись к лестничному косяку, курила и внимательно наблюдала за мальчиком. Наконец, встретившись с ним взглядом, осторожно спросила:

– Что же ты делал в ванной?

Тот долго выжидательно смотрел на Тасю, словно ждал от нее какого-то знака, но, не дождавшись, просто ответил:

– Слушал.

Молодой папа хмыкнул:

– Что слушал, Тео?

– Звуки, – уже увереннее откликнулся мальчик.

Мужчина поднял голову и вопросительно посмотрел на Тасю.

– Да, он прав, – устало согласилась та и почему-то испытала облегчение. – Я уже говорила, это старые трубы и вытяжки, вечно гудят и цокают.

– Нет, не трубы, – возразил Тео.

– Конечно же, трубы.

– Нет, – нахмурился мальчик. – Это *он* так разговаривает.

– О боже! – женщина бросила тревожный взгляд на мужа.

– Кто? – мужчина нетерпеливо улыбнулся, было похоже, что и ему порядком все надоело.

– Шишел-Мышел, – сказал мальчик и неожиданно крикнул: – Хочу чаю!

Боль на лице женщины стала явной, и она отвернулась.

Ее муж задумчиво повертел головой и с наигранной бодростью хлопнул в ладоши:

– Ну, рады были познакомиться. Думаю, мы вас утомили, нам пора, – и направился к выходу. – Жду вас в машине.

Тася отвернулась. Хотелось пить и согреться. Она прошла на кухню, где за столом сидел Тео и, весело болтая ногами, пил остывший чай, взяв одну из чашек, приготовленных, но так и не тронутых. Рядом валялись конфетные фантики и надкусанное печенье. Тася вдруг рассмеялась и взъерошила Тео волосы.

– Вы уж извините, что все так вышло, – прозвучал у нее за спиной голос женщины. – Приехали смотреть дом, а получилось...

– Может быть, все-таки чаю? – Тася дотронулась рукой до остывшего чайника. Ей казалось, что с момента приезда гостей прошла вечность. Солнечные лучи стали жестче, белее, за окном качнулась ветка, и в стремительном прыжке с березы на ель перескочила белка.

– Нет, и так задержались. Лучше поедем. Мы позвоним.

Тася не ответила – она чувствовала себя уставшей и ждала, чтобы гости поскорее уехали. И все же в ней присутствовало и другое – странное и почти незнакомое ей чувство – чувство, подобное тому, которое возникает после долгого запутанного путешествия, когда усталость смешивается с новым обновленным ощущением жизни.

Она вернулась в гостиную и опустилась на диван.

Допив чай, Тео ловко соскочил со стула и, взяв стоящее на столе фото, протянул не то Тасе, не то своей матери. – Вот!

– Откуда ты это взял? – всплеснула руками женщина. – Кто тебе разрешил?

– Не беспокойтесь, – махнула Тася рукой. – Это лишь фото.

– Посмотри, мама! – настаивал Тео. – Это же ты и папа!

Женщина равнодушно покрутила фото в руках и вернула на стол.

– Конечно же нет, Тео, с чего ты взял?!

– Это мои родители, – объяснила Тася. – Тео прав, вы с мужем на них очень похожи.

Женщина еще некоторое время задумчиво смотрела на фото, но потом все же встрепенулась и, кинув что-то похожее на «Нам лучше уехать», исчезла вместе с мальчиком за входной дверью – так же внезапно, как и появилась.

Тася проводила их взглядом и улыбнулась.

5

*И у галки есть смекалка –
поняла опасность галка.
Поняла опасность галка,
ведь у галки есть смекалка.
Коршун мчался с высоты,
галка спряталась в кусты,
галка спряталась в кусты.
Кто остался? –
Только ты!
Детская считалка*

– Ты ни в чем не виновата, Тася, – раздал приглушенный голос, и в темном пространстве лестницы послышались чьи-то мягкие шаги. Кто-то спустился – ниже, ниже, последняя ступенька.

Солнце сменило угол, и теперь тени в комнате стали вытянутыми, а освещение приглушенным; только четыре граненых стакана в стеклянной горке вдруг заиграли, заблестели всеми гранями, словно вобрали в себя весь комнатный свет.

– И мы не виноваты, – в дверях гостиной появилась знакомая фигура в накинутой на плечи Тасиной детской кофточке.

– Я знаю, мама.

– Мы не были бездушны.

– Я знаю, мама.

– Мы хотели как лучше.

– Я знаю, мама.

– Мы не умели иначе.

– Я знаю, мама.

– Мы были молоды, поспешны и нетерпеливы, мы торопились жить, как и ты торопилась жить, потом, когда повзрослела.

– Знаю, мама.

– Но теперь, когда ты взрослая и все понимаешь, тебе не следует повторять наши ошибки...

– Конечно, мама...

– Тогда зачем ты закрыла Тео в ванной?

Молчание.

– Тася?

Граненые стаканы погасли, свет опустился ниже и заскользил по полу словно туман.

– Я не закрывала его там – лишь приоткрыла в ванную дверь.

– Да, Тася, ты приоткрыла дверь, ты указала путь.

– Но он заперся сам.

– Да, и ты убежала в ванную, сама запиралась и часами сидела там в темноте.

– Это была такая игра...

– Конечно, игра, – фигура перешла к окну и превратилась в темный силуэт, словно вырезанный из черной бумаги. – И нам тогда казалось, что мы все делаем правильно, мы позволяли тебе играть, ведь мы сильно тебя любили...

– Я знаю, мама.

– Так же сильно, как ты любишь сына...

– Знаю, мама.

– Но и ты бываешь с ним бездушна, поспешна и нетерпелива, допускаешь ошибки...

– Да, знаю, мама.

– А все потому, что не хватает времени, мир так велик...

– Нет, мама!

– ...так необъятен, и следует все успеть.

– Нет, мама, мир – маленький. И всего – не успеть.

– Маленький?

– Мир маленький, мама, и этот мир рядом. – Та-ся отвела взгляд от стула и задумчиво оглядела комнату, застывшую в ожидании, потом перевела взгляд на окно, за которым виднелась старая вишня, одичавшие яблони, а за ними – лес. – И ничего там нет, за забором: ни людей, ни машин, ни домов. Весь мир – здесь.

– Ах, Тася, ты так и не повзрослела и опять все пугаешь... А ведь даже твой Шишел-Мышел уже постарел, плохо ходит и говорит неясно.

Раздался резкий звонок телефона.

– Ну, наконец-то! Мы вам звоним-звоним, а вы недоступны! Клиенты уже у ворот. Откроете? А то там все заперто.

– Заперто? Но ко мне уже приезжали.

– Когда? Вы о ком говорите?

– Молодые муж и жена с маленьким мальчиком.

– Это не они, про таких ничего не знаю. У меня пожилая пара с собакой – я же вам рассказывал!

Молчание.

– Так вы откроете?

Молчание.

– Але, вы опять пропали!

– Жаль, что ваши клиенты опоздали.

– Но они приехали даже раньше! Прошло всего полчаса с моего последнего вам звонка.

– Да? Странно. Но это не меняет дела. Я уже уехала.

– Как же так?

– Боюсь, мои планы изменились – я больше не продаю дом.

Тася встала с дивана, накинула на плечи темный клетчатый кардиган, брошенный на стуле, прошла через холл в прихожую, распахнула входную дверь и вышла во двор. Деревья вздохнули, закачали молодыми зелеными кронами и наперебой зашумели:

Галка спряталась в кусты!

Кто остался? –

Только ты!

Тася обернулась и посмотрела на дом. В окне ее комнаты на втором этаже стоял Шишел-Мышел и весело махал ей рукой.

Игорь Колесников

Пути и цели... Какое непаханое поле для творчества! Ведь в этом – вся наша жизнь. Мы ставим перед собой цели и выбираем пути к ним. От частного, например, цель – магазин, путь – дорога до него, до глобального – спасти планету. Однако чаще всего цели носят личный характер – заработать денег, выйти замуж за принца (миллионера, актера), посадить дерево, построить дом, вырастить сына...

В общем, рассказать можно о чем угодно, но вот вопрос: будут ли интересны кому-то еще те цели, которые мы для себя ставим? Не хотелось бы такую благодатную тему превратить в телефонную болтовню двух подружек. И поэтому задание на поверку получилось не таким уж и легким...

К счастью, у меня не возникло трудностей. Все мои рассказы оказались на удивление подходящими к теме. Оставалось только выбрать тот, что милее сердцу, в надежде на схожие вкусы членов жюри. Я не прогадал.

Живу в Сибири, люблю родную природу и холодную воду.

Люблю собак, у меня их десять. Или одиннадцать?..

Всю жизнь – инженер, технарь. Несколько лет назад начал писать стихи и короткую прозу, предпочтение отдаю фантастике.

Успешно участвую в конкурсах, публикуюсь в сборниках. В 2017 году вышла электронная версия моей фантастической повести «Домой».

В настоящее время являюсь ведущим литературного проекта «Английский клуб» на интернет-площадке МСП «Новый современник» – «Что хочет автор» (ЧХА).

Публикуемый рассказ занял 1-е место в номинации «Проза» конкурса «Пути и цели», организованного МСП «Новый Современник» и МОССАЛИТом в 2018 г.

Снежный пес

Опять этот снежный пес... Словно издевается. На убитой солнцем, выжженной зноем, иссушенной адскими ветрами планете мне снится белоснежная собака с глазами льдистого цвета и обдающим холодом дыханием. Она стоит близко, так близко, что хочется прильнуть к ее прохладной шубе, впитать, забрать, поглотить хоть капельку наплевательства на эту нестерпимую, невыносимую жару, пропитавшую безжизненные барханы насквозь, навывлет, навсегда. А пес уходит в зыбкое море. Уходит, оглядываясь, словно ожидая от меня каких-то действий, какой-то реакции, слов, эмоций, откровений. Но мое откровение лишь в том, что у вездехода лопнула гусеница, а я не могу высунуть носа из кабины до наступления ночи.

Кондиционер натужно гудит, из последних сил пытаюсь создать в тесном закутке хоть какое-то подобие пригодного для жизни пространства. В голове гудит еще сильнее. Словно рой медведей сердито пытается выбраться на свободу. Почему медведей? Потому что не знаю. Не знаю, может быть, мозги уже вытопились и вытекли через ухо темной дурнопахнущей лужицей. Чем пахнут мозги? Тухлыми страхами, гнилым отчаяньем, настоявшейся безнадежностью? Всем тем, чем они наполнились последние два дня...

Будут ли меня искать? Думаю, уже ищут. Но следы занесло песчаной бурей, радио издает лишь беспомощный треск из-за разбушевавшегося солнечного вихря, а топлива в баках корабля осталось ровно на то, чтобы вывести его на орбиту в исходную точку гиперпространственного прыжка. По всему выходит – шансы отыскать иголку, утонувшую в море барханов, невелики. А у меня горючки на сто километров и воды на три дня.

Если бы не нелепая мечта... Ну откуда я взял, что можно возродить жизнь на этой сковородке? Да, это

первая открытая планета с идентичными земным условиям – силой тяжести, продолжительностью суток, углом наклона оси, даже состав атмосферы удивительным образом практически не отличается от привычного нам. Всего лишь один маленький нюанс – влажность воздуха меньше процента. И, может быть, земляне так и взирали бы на эту несбывшуюся надежду колонизаторов с явным сожалением, если бы не кости.

Кости были найдены экспедицией Павлова – Гросса. Кости привели в смятение всех археологов. Кости зародили надежду в сердцах романтиков и авантюристов. Вот это – оно покоится на дне стеклянной сферы, а обычно болтается в ней, как лягушка в футбольном мяче, – седьмой шейный позвонок собаки. Он найден в этих песках, и ему шестьсот тысяч лет.

Кости иногда попадались на пути. Огромные, выскребенные песочными струями китовые ребра, под которыми можно проехать на вездеходе. Изредка хрустящие под гусеницами камни – черепа грызунов. Берцовые кости копытных, иной раз торчащие вертикально и похожие на воткнутые в землю булавы отдыхающих в тени дерева богатырей. Стоп, какого дерева? Одна из загадок этого мира – полное отсутствие органических остатков на поверхности. Только кости. Рассыпающиеся от прикосновения или окаменевшие до твердости керамических черепков.

Красное, нестерпимо горячее солнце присело на вершину бархана, задержалось на минуту и нырнуло за край. Цифры показаний забортного термометра медленно поползли вниз. Семьдесят... шестьдесят восемь... Через час станет около сорока и можно будет выползти наружу. И это лишь середина весны здешнего тридцатидвухдневного года, но на следующей неделе придет лето и будет под сто градусов в полдень, несмотря на весьма умеренные широты, –

по земным меркам, я находился на одной параллели с Хельсинки. Но до лета я не доживу – у меня воды на три дня.

Мокрое от пота кресло, чвакнув, избавилось от моего изможденного тела. Щипало глаза, но не умыться. Я распечатал последнюю пачку влажных салфеток – сокровище, к которому ранее незаслуженно относился с презрением. Нехотя погрыз галету – по привычке, потому что надо. Послушал надоевший треск рации. Полюбовался взбесившимся лучом пеленгатора. Я отправился на восток от корабля, но потом следовал понижению рельефа. Потому что где еще искать остатки воды, как не в глубоких впадинах, бывших когда-то дном океана? Даже если завтра поверну на запад и буду ехать, пока не кончится топливо... И что? Есть ли разница, умирать в ста или двухстах километрах от спасительного корабля? Сорок восемь... сорок семь... Звезды здесь волшебные! Глядя через запыленный потолочный люк, можно представить, что паришь в космическом пространстве.

Нужно надеть маску. Без нее веки больно шкрябают по высохшим глазам, губы лопаются, а язык и глотка превращаются в филиал местного ада. Теперь пробраться по узкому проходу между ящиками с бесполезными образцами. Да, я первый нашел органику на этой планете. Потому что первым начал ее искать. До этого здесь не было геологов. Прилетали авантюристы, любители сенсаций, биологи-недоучки. Собирали кости, цокали языками, а потом у них трескалась кожа и они, упаковав трофеи, сбегали домой.

А я взялся за дело планомерно. Первые же керны колонкового бурения показали признаки наличия нефти. И это на глубине в какую-то пару сотен метров! Вот они – драгоценные бесполезные образцы, в этих ящиках. Здесь и золотоносные породы, и богатые руды редких металлов. Но все они бесполез-

ны, потому что воды осталось на три дня, а главного так и не нашел. Не было и признаков водоносного слоя.

Ночь объяла жаром, словно финская сауна. Ветер успокоился – лишь подбросит лениво горстку другую песка, шмякнет о борт да наслаждается тихим шелестом песчаной струйки. В этом мире нет других звуков, кроме шелеста и свиста. Если долго-долго прислушиваться, то кажется, что сама планета пытается что-то нашептать. Что-то важное.

Но сейчас мне некогда прислушиваться. Трак целый – палец лопнул. Где-то были запасные... Обливаясь потом, переставляю тяжелые ящики, пока не добираться до искомого. Пятнадцатитонная машина наполовину занесена песком. Нужно расчистить площадки под опоры, завести двигатель, включить гидравлику. Ослабить натяжные катки, нахлобучить гусеницу... Вот уже заалело небо на востоке. Тридцать пять... Успел!

Песок все еще пышет жаром. Сверху чуть свежее. Сидя на теплой крыше кабины, я наслаждаюсь недолгой прохладой и наблюдаю, как зарево одну за другой поглощает звезды.

Вот светило осторожно выглянуло из-за краешка планеты и тут же, словно отдохнув за ночь, с удвоенной силой принялось за привычное занятие – испепелять. Ну все – пора убираться. Но что это? Снежный пес появился на ближайшем бархане на фоне солнца и завыл. Я видел, как он задрал морду к небу, но слышал только потрескивание нагревающейся термозащиты. В глазах помутнело от рези и слез.

Оказавшись в кабине, жадно выпил три стакана теплой жижи, завел двигатель и направил машину в сторону солнца. Должна же быть вода. Ведь была же! В каких-то морях же плавали киты. Должна быть вода... И я ее найду!

Порождение моего воспаленного воображения – снежный пес – вело меня к смерти. Вечером умолк

мотор, кондиционер высасывал последние ампер-часы из аккумуляторов и слабел на глазах. Скоро внутри стало настолько невыносимо, что выползти и сгореть заживо представлялось лучшим исходом.

А наваждение уже ждало. Снежно-белый пес совсем рядом – только руку протяни. И протянул. И дотронулся. И отдернул. Густая мягкая шерсть отпугнула холодом. Не веря, прильнул всем телом и задрожал от непривычного озноба. Пушистый зверь будто только что пришел с мороза, контрабандой принеся с собой запрятанную в подшерсток стужу. А когда звезды выглянули, чтобы посмотреть на мою смерть, снежный пес двинулся в путь. Он шел, часто останавливаясь и поджидая меня. Я спотыкался и падал, вставал и шел, полз на карачках, на брюхе, на последнем дыхании. А пес подходил, делился холодом, ждал и беззвучно скулил.

Шорох. Приложи ухо к песочным часам и услышишь. Шепот. Шелест. Эта планета лишена голоса, она умеет только шипеть.

«Помош-шем», – шелестела планета. Или это мозги шкворчали у меня в голове?

«Помош-шем, – вторил песок, – помош-шем тебе, помош-шеш-шь нам...»

Барханы покраснели от вида моей бессмысленной гибели. Снежный пес стал цвета фламинго. Обжигающий луч прикоснулся к спине. Еще час – и я превращусь в кусок бекона на сковородке, потом сморщусь, сохнусь, выгнусь в нелепой позе да так и останусь на века, если какому авантюристу не посчастливится раньше найти мои кости и продать их в музей за большие деньги, ведь это будет первый найденный здесь человеческий скелет.

«Помош-шем...» – снова шкворчало в голове. «Поздно...» – мелькнула ответная мысль.

Снежный пес начал копать. Песок сползал обратно в яму, и скоро зверь оказался погребенным на дне воронки, точно муравьиный лев, лишь буруны

на поверхности выдавали его движения. Меня потащило вниз, как если бы я оказался в гигантских песочных часах. И никак не спастись – сыпучая масса неуклонно влечет к гибели. А может, это к лучшему? И я перестал трепыхаться.

Краткий момент удущья сменился ощущением падения. Потом я катился по какой-то круче, и вдруг ощутимо повеяло холодом. Через несколько секунд мелькание верх-низ прекратилось. Я встал на ноги и удивленно огляделся. Хм... какая приятная смерть! И почему люди ее так боятся?

Передо мной открылась обширная подземная полость, слабо освещенная каким-то флуоресцирующим светом. Настолько обширная, что границы ее терялись в дымке. Только что-то тускло отсвечивало вдали. И было очень холодно. Но сначала этот холод показался мне спасительным. А потом я увидел людей.

Белокожие, беловолосые, белоглазые, как будто припорошенные инеем, лишённые пигмента, словно обитатели глубоких пещер (а они такими и были), но, несомненно, люди обступали меня, смотрели с надеждой, и все разом говорили, не открывая ртов.

«Помош-шем, спас-сем», – теперь уже явно и многоголосо, тысячекратно отраженным шепотом, шелестели в голове одни и те же слова, возникали перед глазами картинки неведомой жизни, и одновременно приходило понимание.

Вот планета утопает в зелени и пышет счастьем. Немногочисленный народ не пошел по пути развития машинной цивилизации. Вместо этого племя снежного пса долгие и долгие тысячелетия живет в согласии и гармонии с природой. Только солнце постепенно угасает и мир вокруг становится все холоднее. Но люди по-прежнему не стремятся переделать природу под свои потребности. Они изменяются сами. И когда все вокруг окончательно превращается в лед и покрывается снегом, появляются новые виды,

для которых низкая температура комфортна – снежные животные и снежные люди.

(Сейчас, когда эта планета снова стала цветущим садом, а племя снежного пса заселило пустынные пространства Антарктиды и Гренландии, перевернулось представление наших физиологов о человеке. До сих пор не разгадана масса загадок: как снежные люди сумели изменить метаболизм множества видов живых существ? Как нашли новые пищевые цепочки? Как умудряются прекрасно существовать с температурой тела чуть выше нуля градусов?)

И вдруг картинка резко меняется: огненные смерчи бушуют на планете, взбесившееся, непомерно раздувшееся солнце едва не касается атмосферы своими чудовищными протуберанцами. Плавятся льды, кипят океаны, вспыхивают и мгновенно сгорают деревья, животные, люди... Немногим удается спастись в глубоких пещерах, и бесчисленное множество лет подземные жители ждут, когда же солнце успокоится. Но красный карлик ведет себя странно: не гаснет, не умирает после взрыва, а переходит в стабильное состояние с увеличившейся почти вдвое яркостью.

«Мы сберегли воду... Воду... Сохранили... Сберегли... Воду...» – шелестят чужие мысли.

И тут я понимаю, что за их спинами поблескивает море. Огромное, бесконечное, безбрежное подземное море.

Ольга Дёмина

С возрастом цели становятся все интереснее и сложнее. Например, замедлить время. Как-то сильно оно разогналось: мелькают дни перед глазами – не уследишь. Цель ясна, да пути неведомы, хотя про «коня на скаку» теоретически понятно.

Или, скажем, путь к пониманию своего истинного «я». Просто лабиринт какой-то! Куда ни свернешь, везде тупик. Надо возвращаться и начинать сначала.

Все писатели, состоявшиеся и начинающие, понимают, что, несмотря на разность тем, жанров, стилей, каждый пишущий человек пытается прежде всего разобраться в себе самом. Такое вот хитрое единство пути и цели.

Пусть никто не заблудится и дойдет.

Публикуюсь в современных альманахах и сборниках. Член творческой мастерской «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ).

Происшествие

Вызов наряда полиции в дом на Чистопрудном бульваре, похоже, оказался ложным. Но уезжать не спешили. Не верилось, что кто-то мог решиться на такой откровенный обман.

Было обидно: анонимный звонок обещал крушение мебели, нечеловеческие крики и смертоубийство. Собрались быстро и основательно: бронезилеты, короткоствольные автоматы и овчарка Джулия на всякий случай. Входную дверь ломать не пришлось – она была не заперта. Входили осторожно. Когти Джулии цокали по паркету, и этот звук грохотом отзывался в ушах. Коридор – пусто, кухня справа – пусто, комната слева – пусто. Вперед и за угол – вот они!

Трехстворчатое окно в солнечный полдень заливало комнату светом, как мощная рампа сцену театра. Мизансцена была сбалансирована: в центре комнаты за круглым столом сидел немолодой мужчина в костюме-тройке и очках в тонкой оправе. Массивная ручка в корпусе из металла, которую он со сноровкой карточного шулера вращал между указательным и средним пальцами, при каждом новом обороте слепила вошедшим глаза солнечным зайчиком. На диване слева держала спину пожилая дама. Ее рука была прижата ко рту, и крупный аметист-кабошон на среднем пальце, казалось, преграждал дорогу словам, которые могли ненароком вырваться. У двух противоположных стен комнаты стояли двое: у горки с коллекцией стеклянных лягушек курил мужчина лет сорока, с пылающими щеками и подергивающимся глазом, а у декорированного тонкой резьбой, явно старинного шкафа из красного дерева беззвучно плакала средних лет женщина в светлом льняном костюме, вышедшем из моды года два назад.

Трое в форме с автоматами наизготовку особого впечатления на присутствующих не произвели. Только дама с кабшоном на пальце, остановив взгляд на Джулии, строго произнесла:

– Слюни собаке подберите – весь паркет заляпает.

Прозвучавшие в тишине слова подействовали как долгожданное «Отомри!» в детской игре.

– Мама, какой паркет! – взорвался баритоном мужчина у горки с лягушками. – Ты себя слышишь? У меня бизнес под откос пойти может, а ты о паркете беспокоишься.

– Павел, прекрати бабскую истерику, – парировала дама. – Можно подумать, тебе одному сейчас деньги нужны. Мне взнос за дом в Карловых Варах нужно через три недели сделать.

– Спекуляция – это не бизнес, – раздалось от резного шкафа. Женщина в льняном костюме громко высморкалась, утерла черные от туши слезы и с вызовом посмотрела на Павла. – Ты недостойн даже памяти дедушкиной, не говоря уже о наследстве.

– Ты, можно подумать, достойна, лицемерка несчастная, – с догоревшей до фильтра сигаретой нужно было что-то сделать. Не замечая стоявшую на столе пепельницу, Павел щелчком направил окурок в раскрытое окно. – Думаешь, я не помню, как ты передразнивала деда, чтобы развлечь своих гостей? И сейчас такая же: носишься со своим питомником, но только до зверья тебе дела нет. Лишь бы в прессе упомянули да на экране мелькнула.

– Мама, скажи ему, – женщина бросилась было к дивану, но тут сидевшая до этого спокойно овчарка встала и, обнажив клыки, зарычала.

– Паша, Наташа, прекратите! Здесь же посторонние, – дама со значением посмотрела в сторону стола. – Владимир Николаевич, – ее голос потеплел сразу на десяток градусов, – когда же продолжим?

Сидевший за столом мужчина положил ручку, взглянул на часы, прочистил горло и хорошо поставленным голосом произнес:

– Что ж, если вы твердо обещаете больше не прерывать меня, тогда приступим. Я, Баскаков Владимир Николаевич, государственный нотариус города Москвы...

Казенные формулировки пролетали мимо ушей присутствующих, не затрагивая сознания. Ждали основного текста. И только старший полицейского наряда отреагировал на юридические термины: сдвинул брови к переносице.

Нетерпение нарастало. Бесчисленные упаковочные обертки – «удостоверяю, в здравом уме, собственноручная подпись» – никак не заканчивались и прятали главную подарочную коробочку. Но вот последняя ленточка развязана: «...Сожалею, что не сумел воспитать достойных... Свою квартиру на Чистых прудах завещаю единственному правнуку Николаю по достижении им восемнадцатилетнего возраста; шкаф красного дерева начала девятнадцатого века в стиле ампир завещаю музею декоративно-прикладного искусства; все средства с валютных и металлических счетов в «Альфа-банке» передаю во Всемирный фонд защиты диких животных; денежный счет на сберегательной книжке в Сбербанке в размере двух тысяч семисот двадцати рублей завещаю разделить в равных долях между моей дочерью Марией и внуками – Павлом и Натальей... Уведомляю также, что вызов наряда полиции организован по моему специальному распоряжению...»

Нотариус снял очки, сложил бумаги в портфель, оставил на столе визитную карточку и вышел из комнаты.

– Вот ведь гад, – первые звуки дались Павлу с трудом, будто горло перехватило острой болью. Потом легкие развернулись во всю мощь:

– Гад, гад, гад! Старый мерзкий гад!

Ярость мешала дышать и рвалась наружу. Павел развернулся и начал кулаками вбивать свое разочарование в стену. От ударов в горке стали подпрыгивать стеклянные лягушки, с легким дребезгом перемещаясь к краю, и в какой-то момент самая смелая из них подала пример – рванула с полки вниз, убегая навек из коллекционного плена. Глухие удары, звон разбившихся фигурок – Джулия не смогла удержаться и добавила в какофонию басовитый лай.

Из дамы на диване, как из плохо завязанного воздушного шарика, прямо на глазах выходил воздух. Она обмякла, рот скривился подковой, рука шарила по диванным подушкам в поисках неизвестно чего. Взгляд блуждал по комнате, как будто она внезапно перестала узнавать место, где находилась.

С того момента как прозвучали последние строки завещания, Наталья не произнесла ни звука. С окаменевшим лицом она начала рыться в своей сумочке. Нужная вещь не находилась, и Наталья высыпала содержимое сумки на пол. Стало проще: керамическая пилка для ногтей выдала себя ярко-розовой гранью на фоне светлого паркета. Крепко зажав пилку в кулаке, Наталья стала методично процарапывать вертикальные полосы на дверце старинного шкафа в стиле ампир. Она делала это с тем упоением, с каким доведенный до крайности пешеход царапает гвоздем припаркованную на тротуаре машину.

– Мужика забираем с собой – соседи на шум жалуются, – старший по званию полицейский наконец-то обрел почву под ногами, – дамочку от шкафа оттащить, старухе дайте воды. Протокол оформим в отделении.

Выезд наряда полиции на этот адрес, слава богу, не был ложным.

Утро без меня

С любовью всегда так. Любовь – мое персональное проклятие. Она придает ощущение никчемности моему существованию. Любовь, как беспощадный ластик, стирает мои контуры с карандашного наброска, на котором мы втроем кривляемся и хохочем за столиком уличного кафе под неодобрительные взгляды прохожих.

Вика первой вышла из дверей загса и остановилась на верхней ступени. Мягкий луч утреннего солнца мазнул ее по щеке и окрасил скулу в тот нежный персиковый тон, которого безуспешно добиваются профессиональные визажисты. Строгих линий жакет цвета слоновой кости и фисташковая юбка до колена бросали вызов белому стандарту. Убранные наверх волосы, крохотные искры бриллиантовых гвоздиков в ушах и легкая улыбка любви ко всему человечеству. Стрелка часов над входом в здание мэрии напротив педантично отсчитывала первые минуты семейного счастья. Глядя поверх наших голов куда-то за пределы площади, Вика осторожно – как купальщик холодную воду – примеряла свой новый статус замужней дамы.

А потом из дверей выкатился Женька. Точнее, сначала появилась спина, удерживающая дверную створку, затем новоявленный супруг крутанулся на каблуках и явил миру блаженную улыбку, две бутылки шампанского в одной руке и стопку одноразовых пластмассовых стаканчиков в другой. Гости заспешили навстречу, подхватили бутылки, начали открывать и разливать кислятину по стаканам. Женька метнулся к невесте, неловко обнял, чмокнул куда-то в ухо, зачем-то забрал у нее букет, вернул его и после этого застыл перед Викторой с видом собаки, проверяющей по глазам хозяина, все ли правильно она сделала.

Вика улыбнулась ему с такой нежностью, что горячая волна злости на этого шута залила мой затылок. Я отвернулся и некоторое время рассматривал голубя, перетаптывающегося на голове бронзового вождя революции. Когда я снова повернулся, молодожены уже шли к машине. Вика держала Женьку под руку, но не льнула к его жирному боку, как обычно бывает с невестами, – что правда, то правда. Тут кто-то из гостей потребовал общую фотографию на память, и Вика, которая всегда ценила мое умение передать неоднозначность мира через объектив, впервые за это утро увидела меня и попросила достать камеру. Ей я не мог отказать никогда.

Гостей, пришедших утром на официальную часть, было немного. Компактная группа с молодоженами по центру легко уместилась на экране видеискателя. Счастливые лица. Стандартный сюжет стандартной фотографии. И только меня в это утро нигде не было.

Forte и piano

«Черт, черт, черт! – кулаком по створке. – Где же лифт?»

Прямо назло! Давлю, давлую кнопку вызова, хотя вижу – и так горит. Не едет. Придется по лестнице. Мешки с цементом у соседской двери уже четвертый месяц стоят – пройти невозможно. Плащом задела – полоса серая по подолу.

Скорее вниз. Я им устрою, я им покажу: «данные утеряны». Не на ту напали! Полгода усилий псу под хвост. Морды чиновничьи.

Кто двери в подъезде такими тугими делает? Здесь же старики в основном живут. Я еле открываю, а им-то каково.

Нет, только не это! Главное – вежливо, вежливо: «Да, тетя Катя, это я. Нет, у меня все хорошо. Да, сын большой уже. Простите, тетя Катя, мне бежать надо. Здоровья вам».

Теперь быстрее. Они до шести работают, а уже четыре.

Нашли место в футбол играть! При хорошем ударе мяч ограду перелетит. Прямо в машины на стоянке. Либо мячу конец, либо бок в жестянку или зеркало под замену.

Это мне, что ли: «Тетя, подкинь мячик»? Тетю нашли! Господи, не в руки же эту грязь брать. Как там по телевизору: ногу подальше отвести и мыском ударить. Получите!

Вычертив плавную дугу и задев краешек солнечного диска, плывущего к весеннему закату, мяч удобно устроился в развилке обрезанных веток тополя. Траектория бежевой туфельки, стартовавшей с ноги вслед за мячом, была менее примечательной: полет завершился на капоте шевроле. Женщина в голубом плаще с удивлением посмотрела на свою босую ногу, перевела взгляд на выстроившихся у ограды спортивной площадки мальчишек, начавших осторожно хихикать, потом уселась на кромку тротуара и громко рассмеялась. Ветерок бережно гладил ее лицо, светлые волосы, взъерошенные мысли. Слетевшая с тополя ворона потопталась в отдалении, потом бочком-бочком подобралась поближе и подмигнула женщине гагатовым глазом: «Прорвемся!»

Марі Арда́

Не новость, что человеческая жизнь – штука непредсказуемая, и далеко не всегда поставленная цель достигается задуманными способами. Углубляясь в ту или иную проблему, посвящая себя тому или иному делу, мы часто, хотя бы на время, упускаем нашу цель из виду, увлекаясь процессом ее достижения. Порою это увлечение настолько велико, а путь к цели так витиеват, что со временем цель претерпевает метаморфозу, иногда изменяясь до неузнаваемости. Так что есть наша жизнь? Поставленные цели, прохождение пути или достигнутые результаты? Давайте вместе поразмышляем над этим.

Врач-кардиолог, пишу короткие рассказы и эссе о пациентах и коллегах, моей любимой семье и просто о жизни. Автор и руководитель независимого творческого проекта «Врачи без халатов», занимающегося благотворительной помощью тяжело больным детям и взрослым. Люблю музыку и путешествия.

Эшафот

Холодным зимним вечером Карина вела прием в далекой от идеала поликлинике. В ней, как и в большинстве медучреждений, осуществлялся конвейер. Одна бабка в ее кабинете сменяла другую, жалобы первой не сильно отличались от жалоб десятой, пятнадцатой. Окно погрузилось в настоящую ночь, хотя до конца рабочего дня оставалось еще больше часа. В кабинете стало невыносимо душно, и в промежутке между пациентами Карине захотелось выйти в коридор.

Он был самым тихим и невзрачным из всех, сидящих в прогнивших, провалившихся креслах. Бабки горланили, пытаясь протиснуться вне очереди, кто-то шепотом обсуждал дороговизну полученных назначений, и лишь он единственный молчал, зажимая, как школьник, между коленок свой потертый портфель.

– Кто следующий? – скорее приказала, чем спросила Карина.

Он виновато привстал, по-щенячьи, исподлобья посмотрел на нее, все так же молча кивнул на пригласительный жест и поплелся за ней в кабинет, как на эшафот.

– Здравствуйте, – автоматически процедила Карина, не отрывая взгляда от его карты, – на что жалуетесь?

Наконец она нашла в себе силы взглянуть на мужчину. Выглядел он на пятьдесят с гаком: виски седые, взгляд усталый, в уголках глаз – вееры морщинок

Его беспокоили отеки. Много месяцев он не завязывал шнурки на ботинках и теперь с трудом наклонился, чтобы задрать брючины и продемонстрировать предмет своего беспокойства.

– В мои тридцать четыре у человека же не должно быть таких отеков, да?

Карина подивилась озвученному возрасту и странной деформации кожи стоп, будто после ожогов. Проведя аккуратно по изуродованным местам и надавив пальцами на образовавшиеся над резинками носков валики, она внимательно рассмотрела черты его лица, затем перевела взгляд на руки, словно ища поддержку своему предположению. И вдруг как-то легко, буднично, словно о чашке кофе, спросила его:

– Наркоман?

Его бесцветное, доселе равнодушное лицо расплылось в беззлой улыбке.

– Вы первая. Вы первая, кто сразу угадал.

– А что тут угадывать? У вас на теле места живого нет. Давно этим делом увлекаетесь?

Он потупил взор, лицо приняло прежнее выражение:

– Уже полтора года как завязал. Вы ноги мои вылечите? Понимаете, что с ними? Где я только не был, никто не знает!

– Да что тут понимать? – в своей манере отвечать вопросом на вопрос откликнулась Карина. – Это не отеки, это тяжеленный лимфостаз, слоновость попростому. По-видимому, когда делали инъекции героина (он молча кивнул), не раз попадали в лимфатические сосуды. Смотрите, у вас не то что вен, местами и кожи-то не осталось.

Мужчина лишь вздохнул.

– Сколько лет жили на героине?

– Три с половиной, – поник он, – а перед этим еще несколько лет колес и кокса.

– Откуда же вы деньги на все это брали?

– Сначала у родителей, потом зарабатывал. Я очень хорошо зарабатывал, работал в большой фирме, занимался международными проектами.

– А сейчас?

– Сейчас? – переспросил он, хотя прекрасно слышал. – Сейчас я вот уже полтора года как рабо-

таю в реабилитационном центре. Сначала они вытаскивали меня, потом, когда первые ломки прошли, я стал вытаскивать других.

– И как, получается?

– Это очень сложный и длительный процесс. Я вот, например, никогда не знаю, сорвусь или не сорвусь. Но сейчас и денег-то нет...

– А как же ваша фирма?

– Да кому я теперь там нужен? – Потом, подумав, добавил: – Я сейчас деньги ищу, на учебу.

– На учебу? – ее руки жили отдельно от нее, заполняя со сверхзвуковой скоростью все положенные медицинские документы.

– Да, хочу получить второе высшее, стать психологом и остаться в нашем центре, навсегда. Мне даже зарплата не нужна. Разве что маме помогать, она у меня старенькая уже.

– ВИЧ? Гепатит? – бесстрастно спросила она.

Он, словно говоря сам с собой и уже ничему не удивляясь:

– Гепатит «С». Говорят, лечится. Но я еще начинать даже не пробовал...

Она положила руку на его предплечье, легонько сжала, по-дружески прерывая:

– Сейчас я позвоню одной коллеге, – шепнула она ему, отодвинув ото рта трубку телефона. – Алло, Таня? Танечка, простите за столь поздний звонок... Да, еще на работе... Да, посоветоваться. Чем, вы мне на днях говорили, гепатит С нынче лечат? Ага, пишу...

Он наконец выпустил портфель из рук, и тот глухо упал навзничь.

– Что это?

– Это телефон людей, которые смогут вам помочь. Гепатит «С» теперь можно вылечить. Не сдавайтесь! – улыбнулась Карина. – Вам же еще подростков из этой преисподней вытаскивать.

Его глаза заблестели.

– А что же мне с ногами делать?

– А вот тут я вам не помощник, честно, не знаю. Не знаю, как восстановить закрывшиеся вены и лимфатические сосуды. Простите. Обратитесь к хирургам, к специалистам по лимфостазу, если таковые имеются. Я правда не знаю.

– Все равно вы лучший доктор из всех, у кого я побывал.

– Почему? – поразилась Карина. – Я же ничем вам не помогла.

– Ну... Вы единственная не осудили.

Хлебушек

По меркам советского времени мы жили во вполне приличном доме, но особых привилегий не имели. Вся страна плохо одевалась и скудно питалась, и наша семья вместе с ней. Несмотря на немалые старания родителей обеспечить детей всем необходимым, мы подспудно это все-таки ощущали. Слово «дефицит», часто повторяемое взрослыми, проникало в наше сознание, словно упорно втираемая в кожу пыль, становясь неотъемлемой частью нашей жизни.

О настоящей бедности мы все-таки имели представление, хотя, возможно, отдаленное: нередко встречали пьянчуг и забулдыг, колготящихся вокруг уличных мусорных ведер в поисках стеклотары, не ускользали от нашего взгляда и зашитые женщинами на скорую руку капроновые чулки. Оказаться младшим ребенком в большой семье было сущим наказанием: мечтать о новых вещах не приходилось – донашивали старое.

В нашем доме был магазин, часть продавцов в котором постепенно менялась, но были и бессменные, работавшие испокон веков. Самыми запоминающимися оказались сестры-близнецы. Похожие

как две капли воды, они работали то вместе, то поочередно, оттого казалось, что без выходных и праздников. Но за долгие годы мы научились их различать и знали по именам. Они с не меньшей легкостью запомнили двух сестер и зачастую откладывали для нас батон хлеба, как раз в период того самого пресловутого дефицита. Тогда, в детстве, они мне казались веселыми, бойкими, добрыми женщинами.

Потом наступили девяностые. Универсам начали переделывать в супермаркет, ремонт шел полным ходом, поэтому в бывшей подсобке со стороны двора открыли небольшую временную палатку. Стояла небывало теплая осень, в крошечном помещении торговой точки было душно. Одна из двух сестер красовалась за прилавком и отпускала то хлеб, то масло, то колбасу. Ассортимент и качество оставляли желать лучшего, но народ толпился: во многих других магазинах и этого не было.

Как обычно, после школы я зашла за хлебом, отстояла очередь и протянула купюру: «Батон белого, пожалуйста». Одна из сестер-продавиц подмигнула мне, взяла деньги, вернула сдачу и завернула хлеб. Пока я копошилась, убирая деньги в кошелек, подошла очередь интеллигентного вида бабушки, стоявшей за мной.

– Мне бы хлебушка, дорогая, – протянула она старческим голосом.

– Вам какого?

– Любого, – замешкалась бабушка, – а сколько он стоит?

Продавица назвала сумму. Бабушка захохла и стала перебирать все, что было в ее кошельке.

– На, милая, посмотри сама, здесь все, что у меня есть, – она раскрыла сморщенную ладошку.

Женщина за прилавком изучила горсть монет и отрезала:

– Вам не хватает десяти копеек.

Ну, помните, тех, что пришли вместо советских? Бабушка расстроилась, заохала пуще прежнего. Потом ее лицо просияло, будто вспомнила что-то важное, она порылась в карманах и достала несколько копеечек старого образца, с очастливленным видом протянула их продавщице.

– Уберите свои копейки! Они уже вышли из оборота!

Бабушка то ли не расслышала, то ли не поняла. Продавщица со всевозрастающим раздражением повторила сказанное. Бабушка попыталась что-то объяснить про пошатнувшееся здоровье...

– Много вас тут таких ходит! – И продавщица приступила к обслуживанию следующего покупателя.

Осознав тщетность усилий, бабушка беззвучно заплакала. Кто стоял поближе, стали просить за нее, мол, ну что вам эти копейки? Но продавщица оставалась непреклонной, и очередь стала постепенно продвигаться.

Мне было двенадцать. Я все еще стояла в углу временного магазинчика, в кармане лежал кошелек, по меркам этой бабушки – набитый деньгами, но я не делала ровным счетом ничего – не могла шелохнуться, словно меня парализовало. Я впервые видела плачущего от голода взрослого.

Неприметный мужчина тихонько отделился от толпы, дождался, пока очередь немного рассосется, взял старушку аккуратно под локоть, подвел к витрине и спросил:

– Чего бы вам хотелось?

Она посмотрела на него детскими заплаканными глазами, опустила взгляд в пол и прошептала:

– Хлебушка.

– А еще? – нетерпеливо уточнил мужчина.

Она ничего не ответила. Он перестал допытываться, обернулся к продавщице и стал быстро, сухо перечислять продукты: хлеб, колбасу, яйца, молоко и еще что-то, и еще, и еще.

– Что ты, голубчик, что ты! – запричитала бабушка. – Я же не смогу с тобой расплатиться!

Когда его сумка наполнилась, он снова взял ее под локоть и задал последний вопрос:

– Где вы живете?

Бабушка назвала номер одного из подъездов нашего большого и якобы благополучного дома, после чего они скрылись за обшарпанными дверьми временного магазинчика.

Вернувшись домой, я никому ничего не сказала. На следующий день задержалась в школе, поскольку дежурила: мыла полы, расставляла стулья. Классная руководительница, взглянув на меня, заметила: «Что-то ты у меня сегодня какая-то невеселая?» И я расплакалась. Она, конечно, такой реакции не ожидала, обняла и стала выяснять, что случилось. Я ответила, что я – плохой человек: имела возможность, а не помогла бабушке. Она усадила меня на свой учительский стул и твердым тоном постановила: главное, что бабушка не ушла голодной, нашелся человек, который ей помог. Потом взяла еще один стул, под села ко мне поближе и тихо призналась:

– Ты знаешь, я тоже на них смотреть не могу...

– ?

– На стариков этих голодных. То колбаски им куплю, то молока... То просто хлеба.

От такого признания мои слезы высохли сами:

– Правда?

Она виновато кивнула, словно воровала, а не покупала на грошовую учительскую зарплату продукты обнищавшим старикам.

Напоследок она добавила:

– Не переживай, что не помогла в этот раз. Главное, что хотела помочь, значит, однажды обязательно поможешь.

Из школы я вышла окрыленная.

Сегодня ему сорок

Веселый блеск в его глазах не позволял скрыть молодости и насмешливого отношения к своим пациентам. Он был уверен, что с ним подобного не произойдет. И оказался прав. С ним не произошло. Произошло с его девушкой.

Это ли не ирония, когда у онкохирурга девушка лысеет «под коленку» после очередного курса химии? Это ли не ирония, что болезнь в ее случае приняла какую-то катастрофическую, доселе невиданную им форму? Веселый блеск в его глазах не проходил даже после самых тяжелых дежурств, даже когда звонила мать и кричала что-то бессвязное в трубку.

Взгляд гас, только когда он, выходя ближе к полуночи из ее палаты, сняв истрепанный, словно чужой халат, отправлялся домой спать. Во сне наваливалось. Он старался не спать, набирал побольше дежурств и операционных дней, несгибаемо отказывался от выходных и отпусков, которых и так было мало. Он почти не ел. Но как только его глаза смыкались, он вновь и вновь видел один и тот же сон: она в летнем платице бежит сквозь высокую траву прямо к нему в руки.

Каждый раз он успевал проснуться до того, как она окажется рядом. Просыпался в холодном поту, с иссушенным ртом, ощущением песка в глазах. Просыпался с надеждой, что это навязчивое сновидение никогда не повторится.

«Пульс?» – вопрос старшего коллеги ускользал от него, а операционное поле растворялось, словно в тумане. Трахея зажата опухолевым процессом. Она больше никогда не сможет дышать сама. «Не попади ко мне в руки!» – стучит предостережение у него в висках. Он не слышит вопрос о пульсе, он думает о зажатой трахее, о том, что девушка никогда больше не будет дышать.

Он не любил ее. Она вечно держала его за руку и просила прощения за то, за что не стоило просить. Она всегда ждала его с приготовленным ужином, хотя знала, что он не ест на ночь, а на утро выкидывала все остывшим. Она не любила каблук и не носила платьев. До того самого дня. В тот день ее волосы растрепались, и длинная трава цеплялась к ним, удерживая ее, словно расставленные сети паутины, мешая бежать к нему. Она выпутывалась и бежала снова. Нежно беззвучно смеясь.

Нет, он не любил ее. Много раз порывался расстаться. Но в тот день... Это платье... Глубокий вырез приковал его взгляд. Еще вчера, казалось, этого не было, но сегодня на шее появился непонятный бугорок. Он заметил его издали. Он раскрыл руки, чтобы, поймав ее в объятия, рассмотреть бугорок внимательнее...

Иногда он подолгу стоит, прижавшись лбом к окну, и наблюдает за прооперированными им больными. Привезя с собой на специальной каталке ходунках или принеся в руке оксигенатор, отсос или капельницу, они судорожно затягиваются густым сигаретным дымом под отведенным специально для курения стеклянным козырьком.

Он ненавидит их так же приступообразно, как они закашливаются. Они являются для него олицетворением победы глупости над здравым смыслом, слабости над силой духа, привычки над умением владеть собой. Олицетворением извращенной, опустошенной, но жизни.

В то время как ее давно уже нет с ним.

Он не любил ее. Они говорили на разных языках, смотрели разные фильмы, мечтали каждый о своем.

Он не любил ее. Еще долгие, долгие годы.

И вот сегодня ему сорок.

Почему он так дышит?

В июльском закате млело уходящее солнце, оставляя на мокром асфальте темно-красные следы. Мы – компания из шести человек – перебежками перемещались из одного бара в другой, надеясь хоть где-то окончательно засесть. В одном из них темно-волосый бармен, словно жонглер, подбрасывая шейкер для коктейлей чуть ли не до потолка, в промежутках умудрялся подливать народу пиво, с каждым перекинуться парой фраз и при этом не переставал улыбаться ни на минуту, будто рад любому, как знакомому или даже родному.

Погода под вечер наладилась, люди высыпали на улицы, а оттуда стекались в разные заведения на всевозможные мероприятия. Кто-то осмелел настолько, что, несмотря на недавний дождик, уселся на открытых террасах кафе и ресторанов, кто-то рванул на набережные в надежде успеть на последний кораблик, кто-то просто гулял по аллеям парков, вдыхая ощутимо посвежевший, но по-прежнему теплый воздух.

Парень с шейкером нас околдовал, и мы решили остаться в этом рядовом, в общем-то, баре, сверкающем дешевыми огнями, обтянутом дешевым дерматином, пропитанном едким дымом дешевых, как и все остальное здесь, сигарет. Мы улыбались. Все как один улыбались, глядя на мальчишескую улыбку, на ловкие и изящные движения, на поблескивающий под потолком инструмент – по-другому его шейкер и не назовешь. Глаза неустанно следили за полетом: взгляд сам собою то взмывал ввысь, то замирал на еще совсем юных, почти нежных руках.

Наконец девушка в якобы старомодных синих чулках принесла наш заказ, состоявший из разнообразных сортов пива и популярных в подобных местах чесночных гренков, и мы, насилу оторвав-

шись от неутомимого жонглера, сгруппировались вокруг небольшого круглого столика в безуспешных попытках перекричать громкую музыку. Как и много лет назад, в стенах школы, горланили: давно не виделись, соскучились, хотелось наговориться вдоволь. К счастью, многие из нас получили неплохое образование, были увлечены своим делом, о чем и рассказывали друг другу. От выпитого проступила испарина, в баре становилось душно, открывать окна почему-то не разрешалось, а распахнутой двери для проветривания было недостаточно.

В самый разгар ночи, когда друзья мои, как и многие в заведении, были уже крепко навеселе, раздался оглушительный грохот. Шейкер словно повис в воздухе, затем со странным нездоровым треском ударился о каменный пол и покатился к дальнему простенку. Добрая половина сидящих в зале подскочили, но остались на своих местах. Лишь мы с одним из моих одноклассников подорвались и побежали: пока все, как под гипнозом, следили за кульбитом шейкера, парень исчез.

Там, под стойкой, руки его были безвольно распластаны, изо рта шла розовая пена, тело изгибалась долгая судорога, периодами оно казалось бездыханным, но грудь незаметно вздымалась, и мой приятель, сперва повернув парнишку набок, а затем, с некоторым усилием прижав его затылок к полу, крикнул мне: «Салфетку! Быстро!» Я невольно засуетилась, не сообразив сразу, где у них лежат салфетки, но тут, откуда ни возьмись, возникла та самая официантка и заголосила: «Аа-а! Аа-а-а!». Потом, вроде немного придя в себя, закричала: «Почему он так дышит? Почему он так дышит?!» Но, увидев кровавую пену изо рта и не поняв, что юноша всего лишь прикусил язык, явно приготовилась падать в обморок, напоследок скомандовав: «Ложку, ложку ему в рот суньте!»

– Не ори, дура! – оборвал ее мой более чем интеллигентный приятель и продолжил виновато, – Салфетку лучше дай.

Девушка и впрямь перестала вопить, передумала терять сознание, а вместо этого откуда-то из шкафчика вынула салфетки и, профессиональным движением раскрыв упаковку, протянула ему всю пачку. Казалось, он засовывает руку парню в рот по локоть, на самом же деле – лишь частично погружал туда кисть, освобождая дыхательные пути и приговаривая: «Потерпи, дружок, сейчас все пройдет, потерпи!» Второй рукой он бережно, но настойчиво придерживал молодому человеку голову, чтобы ее не повредило очередной судорогой.

Выйдя из оцепенения, я схватила с первого попавшегося стула подушку и подала приятелю, он поблагодарил кивком, подложил ее парню под голову, затем бросил в сторону нашего столика: «Ребята, скорую вызывайте!» Но ни один из них не шелкнул. Пришлось мне выбираться из барного закутка, искать в набитой сумочке телефон и звонить по заученному номеру службы спасения – «112». Быстро дозвонившись, рассказала о случившемся, дала адрес бара и попросила как можно скорее прислать бригаду скорой помощи.

Пока скорая ехала, народ стал потихоньку расходиться. Многие оставляли на столиках деньги и, не дожидаясь сдачи, бесшумно растворялись в проеме двери, ведущей в предутреннюю прохладу. Были и те, кто уходил не расплатившись.

Парень стал постепенно приходить в себя, официантка, охая и ахая, пыталась помочь ему подняться, но мой приятель, невролог, настоял, чтобы тот еще немного полежал.

– Давно это у тебя? – спросил он, поглядывая на часы: скорая вот-вот должна была подъехать.

Кто-то принес стакан воды.

– Давно, – вздохнул парнишка, – с детства.

– Противозэпилептические таблетки принимаешь?

– А как же? – с легким раздражением как бы парировал бармен, но потом одумался и добавил: – С этой работенкой они не особо-то помогают, да и вообще частенько забываешь их принять.

– Эта работа бессонными ночами не для тебя, – заботливо произнес мой приятель, окруженный незаметно собравшейся горсткой сочувствующих.

– А я ничего другого не умею, – буркнул юноша. Затем, найдя глазами лежащий на полу шейкер, примирительно, не без гордости спросил: – Видели, как летает?

– Видел... – протянул приятель. – У тебя отлично получается! Но менять работу все равно придется... – Он не договорил, вошли прибывшие медики.

Вопросы о самочувствии и осмотр больного заняли у них существенно меньше времени, чем оформление документов и «прозвон» центральной для определения больницы: везти молодого человека абы куда не хотелось, искали приличную неврологию. Спустя минут двадцать, обо всем договорившись, скорая собралась в путь-дорогу, забирая с собой парнишку. Он хотел было отложить госпитализацию на потом, но мы хором его отговорили.

Ранним утром наша компания и несколько завсегдатаев злополучного бара вышли на улицу сопровождать паренька. Замигав синим и красным, реанимобиль тронулся. Мои друзья в задумчивости закурили. Их усталые лица окрасились теплыми оттенками будто нами разбуженного рассвета.

Где-то вдали едва слышно клокотала сирена. Мы переглянулись. Каждому хотелось верить, что жизнь бармена изменится к лучшему.

Елена Галустова

Интересно, сколько раз в жизни вам доводилось слышать от друзей или просто знакомых, знающих вас детства, «Я так и знал!». Почему все эти девочки-мальчики, учившиеся вместе с вами в школе, отдохнувшие в пионерском лагере, проводившие лето на даче или в деревне, обязательно все про вас знают наперед?

Выходит, пока ты двигаешься к намеченной цели или, наоборот, тихонько плывешь по реке жизни, они уже заранее уверены в том, что у тебя получится, а что нет. При этом они оперируют «неопровержимыми фактами» из вашей биографии, причем, как покажет время, известными только им одним.

Получишь пятерку по физике – тут же шепоток в спину: «Я так и знал! Она – зубрила!», нарисуешь стенгазету – «Ага, понятно: родители помогали» (и не важно, что у тебя за плечами художественная школа). Знакомо?

Я долго размышляла, откуда берутся люди, не верящие в возможности того, кто находится рядом? Кто они: завистники или неуверенные в себе индивиды, готовые уничтожить ближнего, лишь бы встать на ступень выше? Думаю, правильного ответа не существует, поскольку невозможно сделать единственно верный вывод, не зная глубинных, истинных причин поступка, как нельзя признать виновным, основываясь только на косвенных уликах.

Одни утверждают, что там, наверху, все расписано с точностью до запятой, и человек, как бы он ни старался, ничего не сможет изменить в своей судьбе. Но и те, кто уверен, что именно они творцы своей собственной жизни, в любой момент рискуют получить удар под дых, от которого вряд ли смогут оправиться.

Мне кажется, выбор всегда есть, какой дорогой пойдешь, зависит только от тебя. А если судьба и щелкнет тебя по носу, то это не значит, что все хорошее кончилось, нет, она обязательно предложит что-нибудь взамен, и не факт, что худшее.

Так было и со мной. Когда после травмы спорт ушел из моей жизни, появилась возможность заняться музыкой. А увидев на столе у мамы чистый лист, почему-то

застыдилась покрывать такую «взрослую» бумагу очередной «калякой-малякой», и пришлось (пришлось ли?) написать первую в своей жизни сказку. И потом, уже после школы, я, мечтавшая быть историком (втайне – военным историком) – прямо-таки слышу, что кто-то уже проговорил заветное «Я так и знал!», – случайно оказалась на юрфаке, где окончательно определился мой путь в литературном творчестве.

Мне интересны люди, их поступки, особенно в экстраемальных, пограничных условиях, поскольку именно тогда они наиболее полно раскрывают свою подлинную суть. И уже никому не придет в голову прокричать «Я так и знал!». Может, поэтому герои моих рассказов и повестей – вчерашние мальчишки и девчонки, с кем училась, ходила на дискотеку, работала в одном отделе и жила по соседству, все те, кого с чьей-то легкой – или, наоборот, тяжелой – руки назвали «поколением Даниила Багрова», так ведь и не сказав, хорошие мы или плохие. Собственно, ну какой же из Багрова положительный герой?! Так, обычный. Эта обычность тем и хороша, что скрывает в себе множество красок и оттенков, которые так сразу и не разглядишь.

А может быть, все на самом деле гораздо проще? Слишком уж высокую планку поставили «семидесятникам»: вы все можете, вы – внуки победителей, дети детей «оттепели», за вами – будущее. Вот только какое будущее, никто не сказал, и каждый шел к своему «прекрасному далеко» только одному ему ведомой дорогой.

Родилась в Москве в семье потомственных военных. Абсолютнейший прозаик и в творчестве, и в жизни. Первое «произведение», сказку, написала в 7 лет, и бабушка почему-то решила, что это достойно публикации в «Пионерской правде». Окончила Литературный институт им. А. М. Горького, семинар «Очерк и публицистика».

Публиковалась в изданиях: «Милиция», «Петровка, 38», «Братишка», «Ориентир», в различных альманахах и сборниках. Помимо художественных произведений имею работы по юриспруденции и литературоведению. В качестве литературного хобби предпочитаю скетчи и центоны.

Член Московского салона литераторов (МОССАЛИТ).

Витек*

После пятого урока на перемене ко мне подошла загадочная подружка Машка Ширяева.

– Слушай, – заговорщически прошептала Машка, – тут кофейню в переулке открыли. Там официант – такой классный мен. Закачаешься. Идем?

– Когда? – зачем-то спросила я, хотя и так было понятно, что сейчас, и ни часом позже. – А как же французский?

– Да ну ее, дуру старую. Надоела со своим «парлеву» да «ля пети».

Я обреченно направила взгляд на карман фартука, откуда предательски выглядывал, словно показывая язык, бумажный рубль. Рубль, на который планировалось купить хлеба, молока и пакет картошки, на сдачу – мороженого, а не просадить его разом в каком-то кафе.

Видя мое замешательство, Машка рассмеялась:

– Не дрейфь, подруга, я угощаю. Папа трешку за труды подкинул. Так что мы с тобой сегодня шикуюем.

С Машкой мы дружили с первого класса, с тех самых пор, как классная посадила нас вместе: уж больно мы ей понравились – черненькая и рыжая первоклашки с огромными бантами на затылке. Родители с обеих сторон нашей дружбе не препятствовали, наоборот, всячески поощряли – то билеты достанут в театр, то отправят на каток с Машкиной мамой, то в зоопарк с моим отцом. Они даже прозвали нас Болек и Лелек (был такой польский мультфильм в детстве). Идея пришла, помнится, Машкиному папе – Льву Григорьевичу, простому инженеру, но заядлому, со слов ширяевской мамы, фантазеру. Но если Лелек-Лена, еще понятно, то Болек-Маша ни-

---

* Здесь и далее – рассказы из цикла «Поколение “Брата”».

куда не годилось. Так Машка стала Маником. Маник и Лелек.

– Макарова! Ширяева! Почему до сих пор не в классе? – старая «француженка» Амалия Андреевна, появилась в дверях учительской. – Звонок один для всех. Или вам особое приглашение требуется?!

– Да-да, мы сейчас... – неуверенно начала я, чувствуя, как Машка больно вцепилась в мой локоть.

– Сейчас возьмем журнал и придем, – встряла между тем Ширяева, и пока старенькая Амалия Андреевна недоумевала, что же в таком случае у нее в руках, как не журнал, Машка потащила меня к лестнице, увлекая на первый этаж, где находилась школьная раздевалка.

Новое кооперативное кафе с незамысловатой вывеской «Кофейня» открылось в переулке среди низкорослых домов сталинской постройки на месте бывшего красного уголка какого-то ЖЭКа. На ступеньках кафе курили парни, и при виде двух симпатичных старшеклассниц один из них удивленно присвистнул вслед. Машку, казалось, это только раззадорило, и она, встряхнув своей хорошенькой рыжей головкой с кудрями-спиральками, решительно потянула на себя дверь; в образовавшийся проем сначала затолкала меня, а потом, не удостоив взглядом свистевшего, решительно вошла сама.

В кофейне оказалось на удивление уютно. Несмотря на ранний час, два из четырех столиков были заняты: за одним сидела пожилая пара, явно заглянувшая сюда из интереса к новой экономической политике государства, а за другим – мужчина неопределенных лет с милой девочкой, видимо, папа с дочерью, которые ели мороженое из стеклянных вазочек.

Легкая музыка, приглушенный свет, над барной стойкой раскачивался, усеивая пол серебряными брызгами, зеркальный шар. Не такой, как на нашей

школьной дискотеке – самодельный, из глобуса и битого зеркала, – а всамделишный, импортный. За стойкой молодой, но уже лысеющий бармен пытался жонглировать шейкерами, но, надо сказать, получалось откровенно плохо. И вряд ли бармен был объектом вожделения Машки Ширяевой.

– Этот, что ли? – кивнула я в сторону бармена, наперед зная ответ Ширяевой.

– С ума сошла? У! – она для наглядности ткнула пальцем в висок. – Нет конечно. Идем!

И Машка решительно потащила меня к свободному столику у окна.

Мы расслабленно плюхнулись в пластмассовые кресла. Ширяева потянула со скатерти меню, больше походившее на школьную тетрадку в коленкоровом переплете, и уткнулась в него с таким видом, словно это был учебник по ненавистному французскому языку.

– Смотри, идет, – радостно зашипела Машка и еще больше углубилась в недра продуктовой писанины.

Ловко обогнув пожилую пару, а потом и отца с дочерью, молодой человек удивительно мягко, по-кошачьи грациозно двигался к нашему столику. И в этой походке не было ни жеманности, ни кокетства, наоборот, его жесты были отточены и доведены до совершенства, и это завораживало. Всем своим видом он излучал такой сгусток мужской энергии, что не попасть в этот фон было просто невозможно. Выражаясь современным языком, молодой мужчина был брутален и харизмачен, но в те годы, понятно, мы таких слов не знали. Он неуловимо напоминал старпома Сергея из любимых «Пиратов», но в отличие от героя Еременко был русоволос и значительно моложе. Еще меня поразили его джинсы с дюжиной карманов и карманчиков и несметным количеством заклепок. Таких не было ни у кого, даже у фарцовщиков в ГУМе!

Нагнувшись к нам и обдав легкой волной рижского парфюма, официант поинтересовался, что же уютно барышням. Он так и сказал – «барышни». Никаких там тебе «девчонок» и «девушек»! Голос у него тоже оказался приятным, вкрадчивым, и опять-таки каким-то «еременковским». Запинаясь, я попросила принести две чашечки кофе и по пирожному каждой, втайне надеясь, что ширяевский бюджет сдюжит такое расточительство: в ближайшее время предстоял неприятный разговор с директрисой по поводу прогула последнего урока, что срочно требовало в качестве компенсации сладкого допинга.

– Ну как? – радостно воскликнула Машка, уставившись на меня голубыми глазищами, когда официант скрылся в подсобном помещении, где фырчала и булькала натруженная кофеварка.

– Ничего.

– Ничего?! – казалось, еще минута – и Машка опрокинет на себя стол, а заодно и кофе с пирожными. По всей видимости, она сказала это слишком громко, потому что девочка, сидевшая с папой, недовольно уставилась на Машку. – Ты ничего не понимаешь! – продолжила шепотом возмущаться Ширяева. – Он – красавчик! Ты только послушай, как звучит... – не унималась подруга. – Виктор Березин. А?

– Маш, теперь ты послушай меня... – начала я, после того как Ширяева немного успокоилась. – Он взрослый мужчина, наверняка женат, зачем тебе все это...

– Ты прям как моя мама, скажи еще, что экзамены на носу, и тэ дэ, и тэ пэ...

– И это тоже.

– Он будет моим! – и, словно ставя точку в конце своей пламенной речи, Машка упрямо трянула головой так, что снова заплясали ее рыжие кудряшки.

Больше мы к этому разговору не возвращались и в кофейню она меня не водила. Иногда я замечала, что Машка ходила хмурой, дерзила учителям, но списывала это на нервозность перед выпускными экзаменами, а напрямую спросить, даже у лучшей подруги, было неудобно. По крайней мере, про Виктора она при мне не вспоминала.

Мы успешно окончили школу, выдержали вступительные экзамены в универ: я – на юрфак, она – на филологический, и студенческая жизнь закрутила нас в фантастическом вихре, как бывает только в юности.

С каждым годом «Кофейня» набирала обороты и уже обросла завсегдатаями. Из маленького семейного кафе заведение превратилось в место встречи сомнительных личностей и криминальных отморожков. Не было вечера, чтобы к крыльцу кофейни не подъезжал наряд милиции. Виктора уже давно не называли по имени, а только Снайпером. Так и говорили: «Пойдем к Снайперу» или «Вчера у Снайпера опять драка была». Почему «Снайпер», сейчас никто и не вспомнит. Может быть, оттого, что Витин взгляд косил девчонок наповал и штабелями укладывал в его постель (побывала ли в березинской постели Ширяева, мне доподлинно неизвестно), а может, потому, что служил в Афганистане (вот откуда у него джинсы, так поразившие меня в первую встречу!).

Но однажды Витя-Снайпер пропал. Совсем. Никто не знал, где он и что с ним. Говорили, что его пырнул ножом какой-то кавказец, которого Снайпер обсчитал. Другие утверждали, что Виктора порезали, когда он вступился за пьяную девчонку, которую пыталась изнасиловать подгулявшая кодла. Третьи безапелляционно заверяли, что Снайпера посадил в тюрьму какой-то влиятельный начальник за то, что тот совратил его несовершеннолетнюю дочь. Почти

сразу после исчезновения официанта кафе закрыли, и спросить, что же стало на самом деле с Виктором Березиным, было уже не у кого.

Мы по-прежнему общались с Машкой, но чем дальше оставались позади школьные годы, тем реже были наши встречи, а потом редкими стали и телефонные звонки. В последний раз Ширяева позвонила мне как раз перед экзаменом по уголовному праву – предмету сложному и необычайно важному, поскольку он являлся основным в моей специализации и сдать экзамен на «отлично» было делом чести. Машка заговорщически сипела в трубку, приглашала сходить на обалденную группу в «Триста тонн», но, получив отказ, недовольно буркнула что-то и отключилась.

На следующий день, увидев в зачетке вместо «отлично» «хорошо», я решила устроить себе разгрузочный от учебы день и пройтись по любимым московским улочкам. Выбор пал на Страстной бульвар, с уютным сквером, а еще там, рядом с издательством «Московские новости», было отличное кафе, где можно было всего за 200 рублей полакомиться кофе и блинами с абрикосовой начинкой, а заодно поразмышлять о том, где я допустила ошибку.

Выйдя из метро на «Чеховской», я невольно притормозила, пропуская вперед женщину с детской коляской, и услышала недовольный женский окрик: «Че встала-то!» Голосила торговка в белом грязном халате, стоявшая за передвижным прилавком с козырьком. Раньше с таких продавали мороженое, а теперь из его прямоугольного нутра торчал хвост явно несвежей рыбы. Буквально сделав шаг в сторону, я тут же получила следующую шпильку, на этот раз голос был мужским, с четкой дикцией и на редкость приятным. Он даже не отчитывал, а как бы деликатно интересовался: «Куда прешь?» Желая рассмотреть обладателя столь чудесного тембра, я подняла голову. Это был еще не старый мужчина, с очень

приятным, несмотря на небритость, лицом. Его даже можно было назвать красивым, если бы не малиновый рубец слева, спускающийся ото лба через глаз к щеке. Грубая работа хирурга сохранила глаз, но сделала его меньше и неподвижнее. И...

– Ви-тя, – от неожиданности и от ужаса узнавания я почему-то простое имя произнесла по слогам.

– Откуда я тебя знаю? – Виктор, а это, несомненно был он, так и спросил: «я знаю», а не «ты знаешь».

– Кофейня...

Бывший официант как-то зло осклабился, обнажив в звериной улыбке на удивление ровные и целые зубы.

Бросив брусок подтаявшей рыбы тетке на прилавок и примостив сверху снятые перчатки, он кивнул мне «пойдем!» и двинулся в подворотню – любимое место обеденного перекура всех «апээновцев» и «новостников».

Похлопав по карманам засаленного синего рабочего халата, Витя выудил из правого начатую пачку болгарских сигарет «Родопи». Для меня, некурящей, «Родопи» были настоящим испытанием, но, не желая обидеть, я взяла сигарету из протянутой пачки. Неумело прикурив от зажженной Виктором спички, я немного ступевалась, боясь, что Березин, заметив мои манипуляции, рассмеется. Но он не обратил внимания на мою неопытность, а только сладко затыгивался дымом, еще больше щуря травмированный глаз.

– Витя, а что случилось тогда в кофейне, когда ты пропал?

Вопрос прозвучал слишком громко и звонко для подворотни, так, что неожиданно проснулось многократное эхо. Оно покатилося по стенам и невзначай задело дремавших на сандрике голубей. Встревоженные, они стайкой вылетели из арки, едва не коснувшись почти седых Витиных волос.

- Тебе зачем? Та́к интересуешься или?..
- Та́к интересуюсь, – в тон ему проговорила я.
- Рэкет и зона.
- А...
- Все на этом, – зло осадил меня собеседник. –

Нужна будет рыба, найдешь меня в...

Виктор назвал адрес магазина, где работал грузчиком. Оказалось, что торговая точка находится не-подалеку от моего дома.

Продолжать разговор не было смысла. Не прощаясь, Виктор вышел из подворотни все той же кошачьей, с годами не потерявшей привлекательности для женского глаза походкой, и направился к прилавку, где бойкая торговка направо-налево втюхивала незадачливым покупателям сомнительную рыбу.

Я выскочила следом, ругая себя за нелепость и бессмысленность произошедшего. Гулять в сквере расхотелось и не терпелось рассказать обо всем Машке.

Машка взяла трубку только на шестой раз, томно протянув «але».

– Маник! – радостно завизжала я, неожиданно для себя вспомнив школьное прозвище подружки. – Ни за что не отгадаешь, кого я сегодня встретила.

И, не дожидаясь ответа, загадочно произнесла:

– Витю. Витю Березина!

– А-а-а, Витек... – меланхолично откликнулось в трубке.

– Ширяева, ты прям как не родная, честное слово!

– Я, между прочим, теперь не Ширяева, а Рокотова. Наслаждаюсь семейной жизнью. Мы на днях из Сочи вернулись, даже чемоданы не успели распаковать...

Я даже не успела обидеться, что лучшая подруга не пригласила на свадьбу, поразила та легкость, с

какой восприняла Машка известие о Снайпере. Вот леший, я же хотела у него спросить: почему все-таки Снайпер?

– ...мой Юрочка такое кольцо на свадьбу подарила...

Может, наведаться в рыбный магазин и спросить?

– ...извини, что не пригласила, все так быстро завертелось: ресторан, платье...

Зачем? Зачем еще больше портить Вите жизнь? Ведь я только хотела порадовать Машку.

– ...я ведь теперь жена будущего дипломата...

И тут я поняла, что нет больше Машки Ширяевой, милого рыжего Маника, с которым можно было запросто прогулять французский и попить кофе в соседней кофейне у Вити Березина, а есть Мария Львовна Рокотова (звучит-то как!), жена будущего дипломата в какой-нибудь непризнанной и неприсоединившейся республике, и в той новой жизни нет места ни Лелеку, ни тем более какому-то Снайперу.

Я мстительно умолчала о том, что скоро тоже не буду Макаровой, – самый красивый мальчик курса Иван Василевский сделал мне предложение, и весной у нас свадьба. Торопливо попрощалась и положила трубку.

Месяца через три я возвращалась домой с преддипломной практики, проходившей в областной прокуратуре. Водитель, везший меня и еще трех студентов, остановил машину неподалеку от метро, рядом с неказистым магазинчиком с покосившейся вывеской «Рыба». Почему бы не зайти и не навеситить Виктора? Тепло распрощавшись с ребятами, я решительно толкнула стеклянную дверь и оказалась перед прилавком, за которым стояла та самая торговка с Тверской. Магазин практически был пуст. Только один дедок, припав к прилавку, силился рассмотреть цену на молоки.

– Витю-грузчика позовите, пожалуйста, – обратилась я к продавщице.

Та, не мигая, непонимающе уставилась на меня.

Подумав, что женщина меня не расслышала, я громче попросила позвать Виктора. Одутловатое лицо продавщицы стало испуганным, в глазах проступили слезы.

– Так нету его, Витеньки-то, – женщина некрасиво хлюпнула носом.

– А когда будет?

– Так умер он. – И уже тише, наклоняясь ко мне через прилавок: – Повесился он.

– Почему?!

– А кто ж его разберет-то, пьяного. Говорят, белая горячка...

Я развернулась и на ватных ногах направилась к выходу. Продавщица, еще минуту назад горевавшая о судьбе незадачливого грузчика, загремела перемороженным филе.

– Может, тебе рыбки? А? – донесся до меня визгливый голос.

На троллейбусной остановке я опустилась на скамейку и разрыдалась.

– Милая, горе у тебя? С женихом поссорилась?

Подняв голову, я увидела над собой лицо дедка из магазина, что приценивался к молокам.

– С женихом-то как раз все хорошо, – произнесла я, доставая из кармана носовой платок. – Просто детство кончилось.

– Так стоит ли расстраиваться из-за пустяка, когда вся жизнь впереди? Сыты-обуты, войны нет, жи-ви да радуйся...

Старик еще долго ворчал, останавливался, взмахивал руками, что-то говорил невидимому собеседнику. Все дальше и дальше уходил он от троллейбусной остановки, где оставил заплаканную девушку, у которой сегодня начиналась новая жизнь.

Иринка

В кино Иринка Дунцева попала совершенно случайно. То есть абсолютно. Знай она наперед, как все сложится, просто не пошла бы в школу в тот злополучный день, а прогуляла урок, пусть и в первый раз своей маленькой жизни.

В понедельник на урок алгебры в их седьмом «Б» радостно всплыла дородная, похожая на постамент директриса, а за ней, неуклюже семеня, в дверь проскользнула невзрачная худенькая девушка со смешным хвостиком на затылке.

– Ребята, – забасила директриса, – у нас в гостях Инга Олеговна, ассистентка режиссера... – и, выдержав паузу, она с достоинством выдохнула известную фамилию, которая, впрочем, потонула в гомоне голосов и улюлюканье галерки.

– Огурцов! – взвизгнула математичка, призывая класс, и в частности Толика Огурцова, завсегдатая последней парты, к порядку.

Вторая директорская пауза была длиннее предыдущей – не грех было помедлить, прежде чем сообщить классу, что ассистентка будет выбирать ребят для съемок нового кинофильма.

– Пожалуйста, Инга Олеговна, приступайте, – величественно разрешила директриса, точь-в-точь как королева-мать в «Гамлете», неспешно складывая полные руки под грудь.

Тонкий солнечный луч скользнул по директорскому перстню, и желтый, похожий на цветочный мед янтарь радостно заиграл, обнаруживая черную точку в центре камня. Иринка вспомнила, как Толик Огурцов, собрав вокруг себя стайку третьеклассников, рассказывал страшилку про директорское кольцо. Что, дескать, директриса при помощи волшебной палочки превращает двоечников в жучков, а затем помещает их в янтарь и носит с собой на все уроки, пока они не одумаются и не исправят двойки. Уж что

так подействовало на малышей, байка ли Огурцова или желание учиться, но только успеваемость в третьем «А» заметно выросла. Вспоминая это, Иринка невольно улыбнулась.

– Дунцева! – вновь пошла в атаку математичка. – Что так тебя рассмешило? Может, расскажешь и мы вместе посмеемся?

– Дунькина хочет в цирке работать. Лошадью, – с третьей парты подала голос Вероника Соболева, самая красивая девочка в классе. Подружки Соболевой радостно прыснули. – Вот и тренируется скалиться.

– Вероника, – директриса укоризненно-лениво величественно покачала головой, – Вероника...

Между тем забытая всеми Инга Олеговна наметанным взглядом отобрала нескольких девушек и, аккуратно оттопырив пальчик, начала перечислять претенденток.

– Вторая парта, средний ряд, – говорила Инга.

– Валя Кузовлева, – вторила ей математичка.

– Первая парта, у двери.

– Нина Субботина...

Все это напоминало морской бой, и Иринка опять улыбнулась.

– Четвертая парта, средний ряд.

– Седа Мовсесян.

Услышав свою фамилию, большеглазая Седа упрямо затрясла копной иссиня-черных волос:

– Нет-нет, я не могу, мне папа не позволит.

– Вторая парта, у окна.

– Ира Дунцева.

– Ага, вот Дунькину как раз и берите, – снова встряла Соболева. – Им с матерью деньги нужны. Отец-то их бросил.

– Ну, Вероника, это ты, положим, зря, – Толик Огурцов встал, – ну нельзя же так, в самом-то деле.

– А ты, Огурец, вообще глохни, – Соболева прищурила и без того узкие лисьи глазки, – а то штаны лопнут. В чем младший брат ходить будет, а?

Огурцов пристыженно замолчал, как-то враз обмяк и неловко повалился на стул. Придвинув лежащую на парте сумку, зарылся в нее лицом и затих.

То, что у Дунцевой родители развелись, не было ни для кого секретом. Как иначе объяснить то, что девочку сорвали посреди учебного года и перевели в другую школу? Иринка до мельчайших подробностей помнила тот декабрьский вечер, когда пришла домой после репетиции театрального кружка. Радостно-возбужденная, она кинулась на шею матери – очень уж хотелось поделиться новостью: ей доверили роль Джульетты в школьной постановке. Но мать как-то нервозно оторвала от себя дочь и, не глядя в лицо Иринке, тихо произнесла: «Папа ушел». «Да? – поинтересовалась девочка, пропуская мимо ушей слезливость материнского голоса. – А когда вернется?» «Откуда я знаю?! – мать сорвалась на крик. – Он ушел. Понимаешь? Совсем ушел. Он нас бросил. Бросил!» Женщина зарыдала.

Иринка стояла посреди комнаты, нелепо вытянув вперед руки, словно держала огромное невидимое блюдо, и не знала, как утешить мать. Мысль, что папа будет жить отдельно от них, еще пока не уместилась в Иринкином сознании, но видеть плачущую мать было невыносимо. «Мам, ну мам, – слов не было, – что-нибудь придумаем». Но что можно придумать в такой ситуации, Иринка не знала.

Последующие события девочка помнила смутно: как меняли трехкомнатную квартиру на Ленинском проспекте на две однокомнатные, как пришли рабочие и вынесли холодильник и кухонную мебель, как связывали вещи в большие простынные узлы и как очутились в маленькой темной квартирке с ржавой раковиной и облезлыми обоями в доме на улице с подходящим к ситуации названием – Свободы. О чем она действительно жалела, так это о том, что нужно идти в новую школу. Мучительно было осоз-

навать, что больше не будет в ее жизни походов с одноклассниками по местам боевой славы, не будет песен у костра, не будет самых вкусных на свете макарон с тушенкой и много еще чего не будет.

Новая одноклассница Вероника Соболева как-то сразу невзлюбила Иринку. Девушка не понимала, что же такого она сделала Соболевой, что та вечно подшучивает над ней. Сама Вероника, спроси ее кто-нибудь об этом, и то бы толком не объяснила: не нравится, и все тут! Впрочем, Соболева дразнила практически всех, доставалось даже девочкам-вассалкам из ее же кружка. Своими остротами она обходила лишь Игоря Лебедева, давая понять, что этот умный и красивый мальчик – ее, Веронкин.

Инга Олеговна раздала девушкам листочки с телефонами и объяснила, куда нужно подъехать на прослушивание. Инга и директриса удалились, на прощание негромко хлопнув дверью. Этот хлопок вывел Иринку из оцепенения. «Я никуда не пойду», – сказала она себе.

Оставшиеся четыре урока Иринка высидела с трудом, и все это время чувствовала на себе колючий взгляд Соболевой: ну как же так, выбрали какую-то Дунцеву, а не ее – королеву класса!

«А вот назло Соболевой пойду на киностудию», – твердо решила Иринка и улыбнулась.

На следующий день она достала из шкафа выходное, считай, единственное, платье в клеточку и перед зеркалом приложила к себе. Платье оказалось ей чересчур детским, с нелепым воротником-бантом и маленькой брошкой в виде кошачьей мордочки. Эту брошку купил Иринке папа, когда они гуляли на ВДНХ. Котенок был такой славный, и, видя, как дочь замороженно смотрит на кусочек металла, мужчина купил бижутерию и сам приколот к ее платью. Иринка очень любила это украшение и с

гордостью говорила всем: «Это папин подарок». Но сейчас, стоя перед зеркалом, девушка вдруг поняла, что и брошь, и клетчатое платье, да и прогулки с отцом – все в прошлом. Иринка засунула платье обратно в шкаф, облачилась в школьную форму. «Так-то лучше», – бросила она своему отражению и решительно вышла из квартиры.

На киностудию она добралась довольно-таки быстро. На проходной старичок-вохровец списал ее данные со свидетельства о рождении, выдал кусок коричневого картона, похожий на проездной билет в электричке, и показал в какую «дырточку» нужно «всунуть квиток» на выходе. «Дырточка» очень позабавила Иринку, и она улыбнулась. «Хорошая девочка, – подумал вохровец. – Такая обязательно пройдет».

В коридоре около комнаты с надписью «Репетиционная» на вырванном из школьной тетрадки листочке, приклеенном к двери медицинским пластырем, толпились девчонки и мальчишки, а также их мамы и бабушки. К удивлению Иринки, ни Седы, ни Вали, ни других девчонок из класса здесь не было. Девушка присела рядом с женщиной, которая поминутно дергала своего сына и давала наставления: «Зайдешь, поздороваяешься», «Потом начинай читать басню, которую мы с тобой учили», «Потом...» Иринка недоуменно посмотрела на беспокойную мамашу: зачем читать басню, если фильм про обычных школьников?

До начала отбора оставалось время, и Иринка решила почитать взятую вчера в школьной библиотеке книгу. Женщина, еще минуту назад поучавшая сына, как следует разговаривать с комиссией, с интересом посмотрела на сидящую рядом с ней школьницу, которая выуживала из сумки томик Шекспира.

В означенное время дверь с надписью «Репетиционная» отворилась и на пороге показалась Инга Олеговна. Иринка с интересом рассматривала да-

вешнюю знакомую и не узнавала – так изменилась девушка за сутки. Теперь это был не затравленный зверек с нелепым хвостиком на затылке, а вполне уверенная в себе молодая женщина, знающая, чего хочет от назначенного просмотра.

– Для начала попрошу покинуть помещение мальчиков и лиц, их сопровождающих, – Иринка даже различила нотки металла в голосе Инги Олеговны. – Отбор будет происходить только среди девочек.

По коридору прокатился гул недовольства.

– Как же так? – выступила Иринкина соседка. – Что у вас, фильм про женскую школу? Да? А мальчики как же? Мы – тоже люди!

– Мальчики у нас тоже будут, не беспокойтесь, – Инга даже не повысила голоса. – Исполнители мужских ролей уже утверждены...

– Но вы все равно посмотрите, – не унималась женщина. – Мой сын очень талантливый.

– Не спорю, но в следующий раз. Кстати, в павильоне на втором этаже идут пробы для фильма по русским народным сказкам, там мальчики как раз нужны.

Правда это была или тактический ход Инги Олеговны, Иринка выяснять не собиралась, но гудящий от возмущения коридор мигом начал пустеть: желая пристроить своих отпрысков в кино, женщины тащили наверх упирающихся детей, среди которых были и девочки.

– Вот так-то лучше, – заключила Инга Олеговна, увидев оставшихся тринадцать соискательниц. – Девочки, заходите.

Репетиционная напоминала спортзал: те же низкие скамейки вдоль стен, окна под потолком, забранные железными решетками-солнышками. В центре зала за журнальным столиком сидели трое мужчин, один из которых был знаком Иринке по телепередаче «Кинопанорама» и ролям в детских

фильмах. Это был режиссер, двоих других Иринке видеть не доводилось: крупного, похожего на медведя бородача и сухонького старичка с кустистыми бровями. Иринка так и назвала их про себя – «медведь» и «филин».

– Ну что, Инусь, представляй свой табор, – режиссер обворожительно улыбнулся будущим актрисам и нетерпеливо потер лысую голову.

Пока Инга Олеговна представляла претенденток, мужчины, казалось, и не смотрели на них, только «филин» делал какие-то пометки в своем блокноте.

– Нуте-с, молодые люди... – произнес режиссер, обращаясь к компаньонам. «Филин» молча показал свои записи режиссеру и «медведю», те так же молча кивнули, соглашаясь с «филином».

Откашлявшись, режиссер торжественно произнес:

– Попрошу остаться Калинину, Оськину, Шевченко, Александрову. Остальным – спасибо.

– А как же я? – пухленькая рыжеволосая девушка со стрижкой ежиком шмыгнула носом. – Посмотрите еще. Соня Туманова.

– Сонечка, – вступил в разговор «филин», – я сценарист будущего фильма. Я обещаю, что в следующий раз найдется роль и для тебя. Если, конечно, не передумаешь.

– Я не передумаю, – Соня тяжело вздохнула.

В наступившей тишине неожиданно раздался грохот, усилившийся из-за хорошей акустики. Кто-то вскрикнул, кто-то ойкнул, кто-то с подозрением стал озираться по сторонам, выясняя, что же могло упасть в этой комнате.

– Простите, – Иринка нагнулась, чтобы поднять так неудачно выскользнувший из рук томик Шекспира.

– Что это у вас? – режиссер, несмотря на солидное брюшко, довольно резво выпрыгнул из-за стола, пытаясь помочь девушке. – О, Шекспира любите?

– Да, люблю.

Режиссер испытующе посмотрел на Иринку:

– А кого из героинь Шекспира вы хотели бы сыграть, милая барышня?

– Гертруду, – решительно выпалила «барышня».

– А почему же не Офелию? Она красива и молода.

– Она слабая и глупая: отрекалась от своей любви в угоду интригам отца.

– Так-так-так. А что Гертруда?

– Она вышла замуж без любви, чтобы упрочить свое положение на троне, а заодно и обеспечить будущее Гамлета.

– Ты смотри ж, – пробормотал под нос режиссер и, залихватски подбоченясь, обернулся к коллегам: «Ну, какова?»

Школьные дни тянулись один за другим, ничего в жизни Иринки не меняя. Она так же ходила в школу, получала хорошие отметки и не очень, по-прежнему старалась не замечать колкостей Вероники. О кино она и думать забыла.

Однажды, вернувшись из школы раньше обычного (математичка заболела, а заменить ее было некем: что поделаешь, эпидемия гриппа), Иринка обнаружилла на кухонном столе записку от матери: «Котлеты на столе, молоко в холодильнике. Буду поздно. Мама». И приписка: «Звонили с киностудии, просили позвонить». Далее телефон и имя.

Ничего удивительного в том, что мать оставила записку, не было. Они давно так общались, с тех самых пор, когда женщина стала работать в две смены, чтобы обеспечить несовершеннолетнюю дочь. Алименты от отца приходили ежемесячно, но были очень скромными, несмотря на то, что Дунцев работал на Севере. Получая очередной перевод от бывшего мужа, Иринкина мама тяжело вздыхала и, как бы плохо себя ни чувствовала, старалась успеть забежать на почту до закрытия и получить деньги. Все-таки 15 рублей, что значились в переводе, были всегда кстати: то туфли дочке купить, потому что

прежние стали малы, то спортивную форму на физкультуру, то оплатить школьные завтраки. Более серьезные траты – квартплату, фрукты, летний пионерский лагерь – мать брала на себя.

Ни на что не рассчитывая, Иринка набрала номер телефона, значившийся в записке. Поздоровавшись и назвав себя, девушка с удивлением узнала, что прошла пробы на роль подружки главной героини. Роль хоть и маленькая, но, как заверил ее собеседник, Сергей Евгеньевич, очень важная для раскрытия образа центрального персонажа.

Все оставшееся до прихода с работы матери время Иринка то и дело поглядывала на часы.

Едва слышав, как в дверном замке повернулся ключ, Иринка тотчас же бросилась в прихожую:

– Мама, а я в кино буду сниматься! Только надо, чтобы ты со мной поехала в Минск!

Женщина бессильно опустила на пол сумку с продуктами и бесцветно произнесла:

– Слава богу, не надо думать, куда тебя пристроить на каникулы.

Десять дней, проведенные в Минске, показались девушке мгновением. Общие планы с Иринкой оператор Сергей Евгеньевич, которого при первой встрече девушка назвала «медведем», отснял за три дня; четыре дня снимали проходы с главной героиней, в роли которой снималась дочь известной киноактрисы; еще день переснимали актерскую дочку, поскольку режиссеру не понравилось, как та выглядит в кадре – Иринкино присутствие тут тоже потребовалось. Зато два дня были в полном распоряжении начинающей актрисы и ее матери.

Взявшись за руки, они гуляли по старым улицам Минска, посетили художественный музей, где купили (естественно, в счет будущего гонорара) потрясающий фотоальбом с достопримечательностями города, побывали у Вечного огня на площади Победы. К их обеих сожалению, не удалось попасть в те-

атр имени Янки Купалы – не было билетов, зато от души покатались на аттракционах в парке имени Горького и наелись мороженого на сто лет вперед. Глядя на мать, Иринка вдруг заметила, как та помолодела, как разгладились морщины на лице, растаяли скорбные складки возле губ, как смеется она, подставляя лицо весеннему солнцу, и как оборачиваются ей вслед незнакомые мужчины.

Она вдруг почувствовала какую-то необъяснимую, щемящую в груди нежность к матери, и захотелось сделать для нее все, что в ее, Иринкиных, силах. Поэтому, невзирая на протесты, девушка потащила мать в центральный универмаг, где в отделе галантереи выбрала легкий голубой шарф, удивительно подходящий к материным глазам. Немного замявшись у кассы, Иринка все-таки купила красивый брелок с гербом города. Для отца.

Премьера нового молодежного фильма с Иринкиным участием прошла в московском Доме кино в начале следующего года. Режиссер со сцены, сбиваясь от волнения и жары, стоявшей в зале, рассказывал о съемках, хвалил исполнителей главных ролей – актерскую дочку и минского школьника, специально приехавшего в Москву, говорил о трудностях в поиске актеров второго плана и называл их имена. После каждой названной фамилии юного актера раздавались одобрительные аплодисменты. Стоявшая рядом с режиссером Иринка заметила в зале голубой шарф и то, как засветилось лицо женщины, когда режиссер назвал Иринкину фамилию.

В классе Дунцеву встретили восторженным свистом и аплодисментами. Толик Огурцов тут же подлетел к девушке и шутливо попросил поставить автограф на ладони. Девочки обступили Иринку и потребовали рассказать про мальчика, исполнившего главную роль. Только Вероника и ее свита высокомерно прошли мимо. Правда, Соболева все же не преминула уколоть Иринку:

– Только одна гастроль! Артистка Дунькина в роли лошади!

Увлечшись, Вероника не заметила, как при этих словах недобро сверкнули глаза Игоря Лебедева.

Чем больше внимания одноклассников доставалось Иринке, тем быстрее сдувался авторитет Вероники. Даже учителя хвалили естественную игру юной актрисы, правда, математичка не могла допустить, чтобы ее любимица Соболева выглядела хуже «зарвавшейся Дунцевой», а посему торжественно объявила, что «скидок в конце четверти артисточкам не будет».

Иринка ждала какого-то подвоха от Вероники, но не думала, что расплата настигнет столь стремительно. Накануне на уроке географии сухонькая, похожая на престарелого пуделя учительница попросила принести на следующее занятие заполненные контурные карты. Неожиданно выяснилось, что карты имеются только у двух-трех человек. Купить столь необходимые пособия поручили Иринке.

После уроков ребята ссыпали девушке всю мелочь, какая нашлась в карманах, но даже при приблизительном подсчете было очевидно, что оставшихся от покупки денег хватит еще на кино и мороженое. По дороге домой Иринка забежала в ближайший книжный магазин, купила контурные карты и уже собиралась выйти, как вдруг заметила у выхода мужчину, глазами искавшего кого-то в толчее.

Иринка присмотрелась. Не может быть!

– Папа! – закричала девушка. – Па-ап!

Казалось, мужчина услышал дочь, поскольку замахал рукой, призывая ее к себе. Но, пока пропускала к прилавку бабушку с двумя карапузами, Иринка увидела, как к отцу подбежала молодая женщина в красивой модной дубленке (такую Иринка заметила в окне «Березки») и вязаной мохеровой шапочке и, похозяйски чмокнув мужчину в щеку, увлекла на улицу.

Иринка растерянно сунула руку в карман и нащупала брелок, который купила для отца в Минске.

Она носила его с собой в надежде узнать отцовский адрес в Новосибирске, чтобы отправить подарок, но ясности не добилась. Мать не знала, где теперь бывший муж. «Главное, чтобы алименты высылал», – говаривала она всякий раз, когда дочь спрашивала про родителя. А справочный стол по запросу отписался кратко: «Адресат выбыл».

Иринка вышла из магазина и пошла по направлению к дому, спотыкаясь и то и дело наталкиваясь на прохожих. В руке она по-прежнему сжимала предназначавшийся для отца брелок. Не понимая, зачем он ей теперь, девушка разжала пальцы, и пластмассовый кружок соскользнул с руки в мартовскую снежную жижу.

«Малахольная», – произнес кто-то над ухом. Иринка не поняла, что это была Вероника.

Перед уроком географии выяснилось, что нет мела. Желая сделать приятное географичке-«пуделице», Иринка сгоняла за ним в учительскую. Вернувшись в класс, девушка заметила, как Соболева что-то страстно шептала своим товаркам, ехидно тыча пальцем в сторону Иринкиной парты.

Ничего не подозревавшая девушка сунула руку в сумку, чтобы достать купленные вчера пособия, но нащупала какую-то мягкую субстанцию. От неожиданности Иринка вскрикнула и стала вытряхивать содержимое. На парту полетели ручки, карандаши, тетрадки, купленные контурные карты, учебники, а сверху плюхнулась каша из размякших в компоте сухофруктов. При виде подобного натюрморта кто-то из одноклассников присвистнул, Огурцов с изумлением ткнул кашу пальцем, а Седа в ужасе прикрыла рот руками, при этом дико вращая огромными черными глазами.

– О, наша лошадь провиантом запаслась! – Вероника наигранно рассмеялась, приглашая своих подружек последовать ее примеру.

Того, что произошло дальше, никто не ожидал. Игорь Лебедев, встал из-за своей парты и пошел на Соболеву. Сложив пальцы колечком, он навис над Вероникой и не больно, а как-то уничтожительно, щелкнул девушку по лбу.

– Еще раз Иру обидишь, я с тобой еще не так поговорю, – тихо, но четко произнес Игорь при онемевшем классе.

– Ты... ты... – от обиды Вероника не нашлась, что ответить, резко соскочила с парты, на которой сидела верхом, и, хлопнув дверью, выбежала из класса. Подружки затравленно озирались по сторонам, ища поддержки у одноклассников.

Игорь тем же размеренным шагом подошел к Иринкиной парте, взял тетрадку и учебник, чудом уцелевшие после соболевской расправы, и положил их рядом с собой.

– Садись, – обратился он к Иринке, – сейчас урок начнется.

– Ирина Геннадьевна, – девушка-гример дотронулась до плеча ведущей актрисы театра. – Там Юрий Петрович...

– Что?

– Там Юрий Петрович... требует, чтобы все собрались в репетиционном зале.

– Да, спасибо, Юля. Сейчас буду.

Ирина Геннадьевна Лебедева, заслуженная, ведущая и бессменная, поднялась из-за гримерного столика и поспешила в зал, где бушевал главный режиссер, он же худрук областного театра, Юрий Петрович Буйва. Актеры, занятые в «Гамлете», уже пришли на репетицию и скучились подле занавеса, ожидая распоряжений Буйвы. Зачем худрук позвал Лебедеву, не занятую в данном спектакле, для Ирины Геннадьевны оставалось загадкой, но она послушно присела на приставной стул в первом ряду партера.

Буйва, развалившись в кресле восьмого ряда, отчитывал юную актрису, репетировавшую роль Офелии.

– Ты Офелия или мокрая курица? – вопрошал режиссер. Вопрос был скорее риторическим, поскольку Юрий Петрович говорил быстро, почти скороговоркой, не позволяя собеседнице вставить хоть слово в свое оправдание. – Ты знаешь, что такое театр? Нет? Это – живой организм, который рождается каждый день и умирает тотчас, когда его покидает последний зритель. А такие, как ты, Катя, душат театр в самом его зародыше, не давая ему дышать.

И в знак своего крайнего недовольства он гневно постучал по спинке кресла предыдущего ряда курительной трубкой, которую никогда не курил (во всяком случае, никто из артистов не мог поклясться, что видел шедший из нее дым), но во время репетиций всегда держал под рукой.

«Наверно, – подумалось вдруг Лебедевой, – так витиевато Буйва объясняется и со своими студентами. Они даже стишок про мастера сочинили: "Свитер, трубка, борода – это все наш Хэм Буйва"».

Юрий Петрович Буйва на полном серьезе считал, что очень похож на Хемингуэя, хотя сходство было весьма отдаленное. Стремясь к схожести с писателем, Юрий Петрович отрастил бороду, обзавелся трубкой и носил свитера исключительно грубой вязки, с воротником под горло.

Вспомнив веселую студенческую прибаутку, Ирина Геннадьевна невольно улыбнулась. Она всегда улыбалась своим мыслям – была у нее такая привычка с детства. Лебедева сидела впереди руководителя, но наискосок от него и с краю, поэтому улыбка ведущей актрисы была хорошо видна Юрию Петровичу.

– Ирина Геннадьевна, что это вас так рассмешило? – недовольно поинтересовался Буйва у Лебедевой, как когда-то учительница математики в школе. – Расскажите нам, и, быть может, мы все вместе посмеемся.

– Вспомнила, что про вас студенты сочинили, – честно призналась актриса. Честность была второй после улыбки, как сказал бы Шекспир, добродетелью Лебедевой.

Напоминание о сходстве с дядей Хэмом благотворно подействовало на Юрия Петровича, и он, сладко зевнув, захлопал в ладоши, приглашая труппу на сцену.

Один за другим на сцену, где уже стояла заплаканная Катя-Офелия, потянулись Клавдий, Полоний, Гамлет, Горацио, Лаэрт, могильщики, офицеры, послы... Не было только Гертруды.

– Ирина Геннадьевна, берите Гертруду, и начнем с читки, – то ли устало, то ли обреченно произнес Буйва.

– Нет, я не буду репетировать эту роль, – голос артистки Лебедевой эхом прокатился по залу.

Со сцены раздались свист Полония и тихое ругательство Лаэрта.

– Ирина Геннадьевна, Ирочка, ну что за капризы? – вкрадчивый голос режиссера не оставлял актрисе шанса на отказ.

– Я не буду играть Гертруду, потому что это роль Соболевой.

– Этой бездарности, этой выскочки, которая не могла удержаться ни в одном репертуарном театре, а теперь вылетает из любой антрепризы?!

Лебедева молчала.

– Примы на порядок выше вас годами ждут ввод на роль Гертруды, а тут предлагают, а она ломается! – здесь Буйва намеренно принизил Лебедеву, актрису редкого дарования, пытаясь сыграть на ее самолюбии.

– Я не ломаюсь, просто нечестно с вашей стороны сначала предлагать роль одной актрисе и, не получив отказа, подсовывать другой.

Буйва заметил, как молодежь на сцене с удивлением и обожанием воззрились на Ирину Геннадьевну.

– Господи ты боже мой, как же вы еще живы с такими принципами-то?

– Не знаю. Живу как-то.

Ирина Геннадьевна Лебедева, в девичестве Дунцева, думала о том, как объяснить Юрию Петровичу Буйве, что Гертруду она мечтала сыграть с того самого дня, как перешагнула порог комнаты с неведомым названием «Репетиционная», наспех написанным размашистым почерком на листке, вырванном из школьной тетради и прикрепленном к двери пластырем. С того самого момента, как пыталась объяснить им, мэтрам кинематографа, – может быть, не столько режиссеру детских фильмов, который, казалось, знал о своих юных актерах то, о чем они и не подозревали, и даже не похожему на огромного медведя бородачу-оператору, сколько сценаристу, неприметному старичку с кустистыми бровями (интересно, жив ли он?), – чем мать Гамлета лучше его невесты. Но одна только мысль, что эта желанная героиня снова столкнет ее с Вероникой Соболевой, бездарной актрисой и вздорной женщиной, с которой она когда-то училась в одном классе и которая за умение Ирины улыбаться дразнила ее лошадью, была ей неприятна, если не сказать больше – невыносима. Нет, она уступила бы роль любой другой исполнительнице, даже согласилась бы играть во втором составе, но так получилось, что на ее пути опять встала «королева класса» Вероника Соболева.

Лишь однажды Ирине удалось обойти Веронику, да и то «обойти» – звучит весьма сомнительно. То, что после школы Иринка стала встречаться с Игорем Лебедевым – самым красивым мальчиком в классе, а потом вышла за него замуж, нельзя было назвать победой над Соболевой: Игорь был для Вероники не любимым человеком, а скорее забавной вещицей, которой приятно обладать, время от времени представляя обожающим подружкам как ценнейший экземпляр из коллекции безделушек.

Правда, незадолго до торжественного дня в жизни будущих молодоженов Соболева позвонила Дунцевым и гневно кричала в трубку, что непременно явится на свадьбу и откроет всем глаза на «тихоню Дунькину», эту «мерзкую тварь», которая способна только на то, чтобы «уводить чужих женихов». Иринке в тот раз повезло: у нее в гостях был Игорь. Видя, как побелело лицо невесты, как задрожали губы, он выхватил у Иринки трубку и попросту обматерил Соболеву. Таким будущего мужа девушка не знала.

Больше Вероника в их жизни не появлялась. Не пришла она и на свадьбу, правда, Иринка до последнего момента переживала, что Соболева все-таки явится в загс и устроит скандал. Но угрозы так и остались угрозами.

Иринка Лебедева, так удачно начавшая кинематографическую карьеру, решила уйти из профессии в 90-е, которые безжалостно обошлись не только с людьми искусства. Развалился НИИ, в котором работал инженер Лебедев. Теперь Игорь приходил домой поздно, вечерами таксуя на модной когда-то «девятке», а по утрам отправлялся на проспект Мира, в булочную, где разгружал фургон-«буханку» с теплым еще хлебом. Иринка недолго думая достала с антресолей бабкину швейную машинку и лихо отстрачивала на ней постельное белье для гостиницы, открывшейся напротив их дома.

Долгих десять лет (для актерской карьеры это, считай, навсегда) Иринка, а теперь Ирина Геннадьевна, не особо следила за творческими успехами коллег, поэтому не знала, что Вероника, не без помощи Соболева-старшего, окончила кое-как театральное училище, потом женила на себе молодого режиссера-документалиста, имеющего, разумеется, связи в творческой среде и который, чтобы сделать жене приятное, пытался пристроить ее хоть на киноэпизод, пусть даже в третью катего-

рию проката. В результате этих потуг Соболевой доставались лишь минутные роли хорошеньких студенток, поступающих в вуз вместе с главной героиней, или девушек на лавочке, покорно ожидающих друга главного героя. С годами творческий багаж Вероники стал пополняться злобными соседками, стервозными продавщицами и скандальными клиентками. Здесь Соболева была на высоте – играть-то ничего не приходилось. Она и в самом деле стала такой.

И вот теперь, когда Лебедева после долгого перерыва вышла на театральную сцену (в кино уже давно царили другие типажи и на слуху были другие фамилии), ей предложили желанную роль, предназначавшуюся прежде Соболевой (видимо, пожилой супруг расстарался!).

Казалось, сам Шекспир сыграл с ними злую шутку: более неподходящую кандидатуру на роль Гертруды, чем кудлатая, располневшая с годами Вероника, найти было сложно. Понимали это и Буйва, и актер, репетирующий роль Гамлета, и вечно пьяный машинист сцены. И даже гример Юля приуныла: об отношении Соболевой к техническим работникам знало все закулисье.

– Юрий Петрович, – раздался за спиной режиссера тихий голос Юли.

От неожиданности Буйва аж подпрыгнул в кресле и выронил изо рта непрямую трубку, а Катя-Офелия, и без того расстроенная нападками режиссера, зарыдала в голос.

– Юля, я же просил: во время репетиции меня не беспокоить! – Юрий Петрович пытался нащупать ногой оброненный аксессуар хэмингуэевского стиля. – Что там у тебя?

Девушка, молча наблюдавшая за тщетными усилиями Буйвы, беспомощно прижимала к обтянутой темной водолазкой подростковой груди мобильный телефон.

– Давай же, раз принесла... Кто там? – одними губами спросил режиссер у застывшей Юли.

Юля одной рукой протягивала телефон, другой делала вокруг груди и бедер пассы, явно добавляя своему телу невидимые объемы и при этом смешно надувая щеки. Наблюдавшие за столь выразительным немым диалогом худрука и гримера Лаэрт и Клавдий сдавлено прыснули, за ними покатались со смеху и другие актеры труппы. Даже Офелия перестала плакать.

– Тишина в храме искусств! – гаркнул Юрий Петрович и так же рассерженно в трубку: – Буйва!

Сидевшая все это время на приставном стуле Ирина Лебедева оглянулась на режиссера. Еще минуту назад Буйва, бушевавший от того, что тихая и неприметная Юля, свято чтившая все театральные законы, посмела помешать репетиции, теперь был похож на соседского кота, неожиданно отыскавшего в отсутствие хозяев банку со сметаной. Ленно, точно после хорошего и сытного ужина, Юрий Петрович тихо мурлыкал в трубку «конечно, понимаю», «ничего не имею против», «всегда рад пойти навстречу».

Заинтригованная столь быстрой переменой в поведении режиссера, Юля как-то вся подтянулась, напряглась и продолжала стоять рядом с мэтром как вкопанная, отчего ее тоненькая фигурка в обтягивающей водолазке напомнила Лебедевой стойкого оловянного солдатика из сказки Андерсена. Это сравнение показалось актрисе забавным, и она улыбнулась. Совсем как раньше, в детстве.

– Улыбаетесь, Ирина Геннадьевна, и правильно делаете, – все также расслаблено-вальжно произнес Буйва, после того как нажал на телефоне «отбой». – Надеюсь, вы хоть теперь не будете капризничать?

Он с победным видом воззрится на сцену, где, словно пингины, толпились ничего не понимающие актеры, с удовлетворением потер руки, и даже, ка-

жется, забыл про свою трубку, лежащую под креслом предыдущего ряда.

Видя несколько пар недоуменно уставившихся на него глаз и наслаждаясь произведенным эффектом, Юрий Петрович произнес:

– Разве я не сказал? Звонил муж Соболевой.

На сцене возбужденно задвигались артисты, а Ирина Геннадьевна судорожно схватилась за подлокотник соседнего кресла.

– Нафа плима иглать не смофет, – тщательно копируя супруга Вероники, произнес худрук, – пофскольку пелезифает профал нофого селиала. Слегла, голубушка, – закончил он уже обычным голосом.

Сквозь слезы Иринка заметила, как горделиво скрестил на груди руки Буйва (хороший знак, это знали все от – гардеробщицы в театре до министра культуры), как радостно подхватил Клавдий Офелию и закружил ее по сцене, отчего каштановые волосы девушки рассыпались по плечам, – настоящая Офелия (по крайней мере, Ирине Геннадьевне так показалось, и почему возлюбленная Гамлета должна быть обязательно блондинкой, ведь нигде не сказано, что она – чистокровная датчанка), как разом обмякла стоявшая рядом с Буйвой Юля, тотчас потеряв сходство с оловянным солдатиком.

– Ирочка, Ирина Геннадьевна, любую реплику Гертруды, – Юрий Петрович протянул раскрытую ладонь Лебедевой. – Сможете?

«Да! Да! Да!» – хотела воскликнуть Ирина Геннадьевна, но вместо этого из партера прозвучало:

О, если речь – дыханье, а дыханье

Есть наша жизнь, – поверь, во мне нет жизни,

Чтобы слова такие продышать...

По залу пронеслось раскатистое эхо, заскрипели колосники, и наступившую тишину разорвали восторженные аплодисменты.

Дмитрий Чарков

ПУТИ И ЦЕЛИ

легкое эссе

Разговаривая как-то с одним из моих старых добрых приятелей за столиком в уютной московской кафешке, услышал от него такую историю:

– Вот послушай: Семен в прошлом – философ, скажем так. В бочке не сидел, но в лихие девяностые попал под общую раздачу ваучеров с легкой руки Чубы, как и все в то время, и обзавелся собственным канализационным люком – это вместо просра... простите, «двушки». Конечно, хотелось ему избушку лубяную, а получил ледяную. Но это другая тема.

Короче, сидит как-то под Новый год на краешке своего колодца, шлифует задницей люк у дороги, соображает, где каплю шампанского раздобыть, чтоб хотя бы для приличия сопричастность с остальными россиянами почувствовать, и тут вдруг «мерин» с разворота его окатывает жижей – оросил и метрах в десяти останулся. Выскакивают братки, а Семен – шасть к себе вниз, от греха. Они к люку – пьяные, веселятся, кричат ему: «Вылезай, бродяга, шампуси нальем». А он сидит впотьмах – и ни гу-гу, забился в дальний угол, крестится только. Те склонились и давай швырять вниз что ни попадя, прямо на матрац его холостяцкий – покуражились вдоволь, ну и восвояси.

Сеня переждал, зажег свечку и стал разгребать все свалившееся на него сверху да классифицировать добро в соответствии, так сказать, с полученными навыками. В общем, разложил все примерно в таком порядке:

- бутылъ спирта питьевого «Рояль», початая;
- кепка норковая иноземная, помятая;
- бутерброды разные – где сыр, где ветчина с зеленью, навалом;
- цепь золотая, толстая, длиннющая;
- салфетки одноразовые, польвованные не в туалете;
- колечко маленькое, вроде золотое, женское;
- часы с браслетом с надписью «Rolex»;

– удостоверение водительское на красотку Машу, жгучую брюнетку с голубыми глазами – ну, е-о-о-мое;
– перчатка кожаная – одна;
– пачки зелени тугие в банковской упаковке ненарушенной – две.

И звездное московское небо, конечно, над головой.

Семен, понятное дело, не стал в ту ночь дожидаться поздравлений от президента и мигом сменил дислокацию: вещицы выпали из карманов случайно, за ними вернутся – в те времена народ безбашенный совсем был, и долго-то молодые такие и горячие не жили, если помнишь. Но второй раз на те же грабли Сеня, конечно, не стал наступать: зарекся ставить на недвижимость, хватило ему одной просра... простите, «двушки». Теперь он, знаешь, кто? Да, именно так – хозяин этой самой сети кафешек, где мы сейчас сидим. И ты наверняка сможешь мне сказать, как зовут его нынешнюю жену?

Я вздохнул и улыбнулся в ответ:

– Марией, я думаю.

...У каждого из нас есть свой колодец и свой путь к нему, и каждый из нас шлифует его сам в отведенное ему для этих целей время. Жаль только, что зачастую наждачку приходится выбирать в полной темноте, порой не руками даже...

По образованию – психолог, лингвист. Окончил факультет иностранных языков пединститута, направление «бизнес» (США), и бизнес-школу ДВИМО, получив диплом магистра. Лауреат всероссийского национального проекта «Профессиональная команда страны».

Родился и вырос в Хабаровске. В последние годы живу и работаю в Москве.

Неоднократный финалист и призер различных литературных конкурсов. Лауреат конкурса произведений для детей «Добрая лира», номинант литературной премии «Писатель года 2012», победитель Грушинского литературного фестиваля (2013) и Всероссийского литературного проекта «Герои Великой Победы» (2015, 2017). Автор книг «Джентльмены из балконного шалаша», «Стор-чек тебе в бонус!», «Черный конверт пуст...» (в соавт. с С. Романенко), «Край Миа Люцера» и др.

Член Международного союза писателей «Новый Современник».

Публикуемый рассказ занял 3-е место в номинации «Проза» конкурса «Пути и цели», организованного МСП «Новый Современник» и МОССАЛИТом в 2018 г.

Сжигая пред собой мосты

*Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.*
Сергей Есенин

Дед лежал на шести широких, составленных вместе стульях, посреди комнаты. Плотная штора позади него была задернута, и лучи заходящего солнца еле-еле пробивались сквозь широкие металлические кольца круглой деревянной гардины под высоким сталинским потолком. На древнее бабушкино трюмо в углу комнаты было наброшено бежевое махровое полотенце. Полумрак и тишина.

Рядом с изголовьем, в глубоком кресле-качалке, сидел отец, подперев одной рукой голову и уставившись в точку где-то на полу, различимую только ему.

– Проходи, – сказал он, не глядя на меня.

Я как-то неловко переступил порог и присел на тахту у стены.

Дед Николай выглядел как обычно, когда отдыхал после обеда на своем огороде – хмуро и замкнуто. Он даже и руки всегда так же складывал чуть выше выпирающего живота, который в последнее время поддерживал кожаный бандаж. В голове промелькнул бестолковый вопрос: «Интересно, а сейчас под его пиджаком надет этот бандаж?» Я перевел взгляд на острый гоголевский нос и дальше, на редкие седые пряди. Рядом с его головой, на стуле, ле-

жал маленький томик Есенина из родительской библиотеки – я сразу узнал его: в последнее время, приходя на семейные обеды, дед неизменно усаживался с ним у торшера, надевал очки с толстыми стеклами в роговой оправе и так сидел, читал, пока я или сестра не увлекали его к общему столу.

Странно, но этот томик сейчас не выглядел неуместным у деда в изголовье.

– Идите, помяните, – позвала с кухни мама.

Я подождал, пока отец тяжело поднялся, и сам вслед за ним встал с тахты. Проходя мимо меня, он тихо проговорил:

– Пойдем, помянем деда.

Я согласно кивнул, затем подошел ближе к стульям. Их высокие спинки на одном уровне образовывали черту, вдруг показавшуюся мне физическим барьером, отделявшим меня от деда, как жизнь от смерти. И еще она мне представилась той полосой, что была в этот момент общей – и для меня, и для Николая Кузьмича: каждому своя сторона, но в целом единая лента. Сбоку на круглом обеденном столе, поодаль от окна, стояла погашенная свечка на металлической крышке от стеклянной банки. Я достал из кармана спички и, чиркнув, поднес зардевшее пламя к тонкой белой нити – не хотелось оставлять его здесь совсем одного.

На кухне мама уже приготовила рюмки и тонко нарезанное наспех сало с хлебом. Тут же в глубокой походной миске лежали соленья – огурцы, помидоры, отдельно грибочки: дед был мастером на эти штуки, а мой отец и я уже «не крутили». Не было ни времени на свой огород, ни интереса к своей зелени.

Может, еще появятся. Когда возвращенное в Китае совсем уже одолеет.

– Ну, царствие ему небесное! – сказала мама.

Отец укоризненно посмотрел на жену, но промолчал, выпив и бережно поставив рюмку на голубую клеенчатую скатерть. Я последовал его примеру.

В семье партийного работника таких выражений не было в обиходе.

Никто тогда не мог и подумать, что не пройдет и трех лет, как он сам будет стоять перед иконой Спасителя, осеняя себя крестным знамением, – молча, стиснув зубы, вспоминая прожитые годы.

После водки от сердца немного отлегло. Отец с матерью закурили. Неожиданно он произнес задумчиво:

– Батя меня в жизни пальцем не тронул... только один раз.

Я хрустнул ядреным дедовским огурцом и взглянул на отца. В годы развитого социализма такое отношение к подрастающей смене тоже не было обиходным: детей частенько лупили как сидоровых коз. Впрочем, не по внутренней злобе в большинстве случаев, а так – исключительно в целях коммунистического воспитания. Тогда всех лупили в этих целях, не только детей, и не только сидоровых.

– Помнишь тот мост на Угловой, под которым трамваи проезжают, мимо «Дальдизеля»? – спросил отец, наливая по второй.

– Конечно, – кивнул я.

Это был небольшой металлический пролет метров двадцати длиной над оврагом, по дну которого проложили трамвайные пути. Мост соединял нефтебазу с речным портом, и по нему регулярно гоняли покрытые снаружи нефтяной пленкой цистерны с горючим. В том районе постоянно стоял невыветривающийся специфический запах химикатов. Недалеко располагалась и средняя школа номер шестьдесят пять, для заводских, которую я окончил, хотя рожден был в семье советских интеллигентов. Тогда вопросы экологии и производственной безопасности трактовались несколько иначе, чем годы спустя: детей с малолетства приучали нюхать если не порох, то нефть и металл, и играть неподалеку. Кому только впоследствии польза от этого была – остается загадкой.

– Мост тот не всегда был стальным. Во время войны он был деревянным. А завод назывался «Арсенал», в цехах дизели собирали для танков, а на нефтебазе готовили топливо и по мосту перегоняли на платформах в порт, там перегружали... в общем, режимный объект.

Отец поднял рюмку.

– За батю! – коротко сказал он. Я тоже выпил, мама пригубила. – Твой дед во время войны был начальником цеха на «Арсенале». Ответственная работа, сам понимаешь. Как он умудрился пережить тридцать седьмой, а потом и сорок первый – уму непостижимо.

– Такой молчун был, – вставила мама.

– Да, – кивнул отец, – может, поэтому и выжил, что молчал: ни о себе, ни о ком-то другом слова из него не выдавишь. Лишь изредка, и то – только хорошее, по делу. Очень сдержанный батя человек... был.

Он неторопливо отправил в рот маленький кусочек сала с хлебом, сдобренные чесноком, и продолжил:

– Я тогда маленьким пацаном еще бегал, меня в заводском райончике нашем все знали: если футболом стекло кто высадит – ну, Сережка Буранов, кто ж еще! Или в «цыганском саду», который возле школы, зеленые груши обдерет – «а, вон Сережку спросите, он точно знает!», или косточки от вишни по всей девичьей раздевалке в спортзале... Голодные ж ходили постоянно – война. Не знаю уже, правда или нет, что я таким шалопаем рос, как бабки судачили... и я ли вообще все это проделывал, но в тот день, когда сгорел мост, батя мне всыпал по первое число. Ведь я его и спалил.

Не специально, конечно. Я в тот день, помню, испытывал новый коктейль Молотова собственного рецепта: тоже хотелось что-то для фронта ведь... Наскроб в пустую бутылку черной маслянистой травы с

насыпи, по которой нефтяные цистерны толкали, приправил все это такими же вонючими листьями, поджег и – хрясь! – об каменную глыбу, тут же, в овражке. Оно как полыхнуло все – и вверх по насыпи, по сушняку, а ветром и к мосту понесло. А он деревянный, тоже весь такой промасленный и черный – в один миг полыхнул. Не помню от страха, как я дома очутился, но быстро-быстро! Отец после ночной смены отдышал, увидел меня, увидел зарево в овраге – догадался сразу. Матушка рассказывала: побелел весь... Это же саботаж: в военное время, при Сталине – подумать только! Батя тут же меня за уши – и в погреб. «Сиди, – говорит, – не пискни мне!» Сам побежал к мосту. Там, понятное дело, уже люди: кто-то с лопатами, ведрами – землей закидывают пламя, чтобы по шпалам не распространилось дальше по железнодорожной колее да по склонам насыпи, потом еще пожарные подоспели. Но куда уже... мост выгорел начисто. Хорошо хоть нефтезавод не полыхнул.

Батя в тот день долго не возвращался – мать уже думала: все, в НКВД определили. Ближе к полуночи только пришел – черный весь, усталый, пропахший гарью и нефтепродуктами. Но на меня сил хватило. «Где Серега?» – спрашивает. Мама на подпол кивает, мол, ты ж сам его туда засадил; она мне за день только попить да поесть пару раз спускала, и все – я так и сидел: попробуй отца послушаться, ага! Он открывает половицы, достает меня за шкуру... Помню, мама ладошки так нервно прижала ко рту, в ужасе смотрит, но сама слово произнести боится – ее-то, поди, тоже в рабоче-крестьянской семье растили, знает порядки. Сестра младшая уже спала в соседней комнате, старший брат мой на смене на заводе был. Отец, доставая ремень из петель штанов, шептал мне в ухо – как сейчас его слышу: «Сестру разбудишь – самолично сдам тебя Петьке жирному». (Дядя Петя жил тогда в соседнем подъезде и был

кем-то, кого все сторонились. И боялись. Но ходил в «гражданке» – чистенький и отглаженный, пузатый такой, козел. В пятьдесят пятом он испарился из города – до сих пор никто о нем ничего не слышал.) Я, конечно, не пикнул, пока меня батя ремешком-то своим обхаживал – молчал; не от боли даже, а от страха перед дядей Петей. На задницу потом неделю сесть не мог и ходил в раскорячку.

Слухи среди заводских, конечно, были – мол, сынок Николая Кузьмича постарался на мосту, но в лицо бате такое сказать боялись. Мать тоже пресекала враз все расспросы – никто меня там не видел, в общем-то: овраг глухой, все дети как дети, были на занятиях, меня одного на испытания вместо литературы занесло. Но прогул урока не означал же виновности в поджоге! Родители сказали, что я в тот день ушел с литературы, потому как заболел. Оно и правдой оказалось: за партой потом я сидеть все равно не мог, а в сыром холодном погребе действительно простыл за несколько часов, так что неделю потом в постели провалялся. Если б еще не рыбий жир... гадость такая! В принципе, как я позже узнал, никто о поджоге официально и не говорил тогда вовсе – никаких посторонних предметов на месте пожара найдено не было. Осколки бутылок – да их там куча всегда, а от обгоревшей спички и головки даже не осталось. Признали возгорание случайным, мост восстановили за три дня. Зато с тех пор он стальной – тоже ведь заслуга, а? Но батя мой тогда, можно сказать, из петли нас всех вытащил: если б хоть на секунду сдрейфил, не так на кого-то глянул, засомневался... не посмотрели бы, что стахановец, коммунист, что каждый месяц в военкомате скандалил из-за того, что в тылу его гнобят...

– Сергей Николаевич, гроб привезли, – послышался голос соседки тети Кати в коридоре.

– Ну, давай по третьей, за деда, и пойдем, – отец выдохнул обжигающий перегар и прикрыл рот ла-

донью. – А через двадцать лет я работал там первым секретарем райкома комсомола... Вот ведь как.

***

Апрель 1944

Мост уже полыхал, когда Николай подбежал к насыпи с ведром и лопатой, которые прихватил со двора сразу же. Воздух тут, казалось, извергал напрямую в легкие смрад пожарища с привкусом нефти.

– Николай Кузьмич, что делать-то?! – кричала бежавшая ему навстречу Валя, машинист паровоза, размахивая синим платком, сорванным с головы. Сам черный стальной бегемот замер в сотне метрах от пламени – женщина вовремя заметила неладное на мосту и затормозила.

В поселке все друг друга знали по имени. Здесь, на месте, Николай, похоже, оказался единственным пока авторитетным руководителем – с него и спрос потом за тушение будет. Авторитетный, по всему выходит, спрос.

Он оглянулся по сторонам: отовсюду к пожару спешили люди. Кто успел ведра прихватить, кто лопаты, кто багры стянул с ближайших щитов – благо тут их натыкано было чуть ли не частоколом, на нефтяном перегоне.

Под мостом протекал ручей – ручей, проходящий через нефтебазу. По нему часто школьники запускали деревянные кораблики, которые спускались в неспешном потоке к реке вместе с ажурными нефтяными пятнами. Иногда, впрочем, пятна были и керосиновыми, как догадывался Николай Кузьмич. И если таскать воду из этого ручья и лить ее на огонь...

– Стой, Степан!.. Нельзя оттуда! – крикнул он парню, уже зачерпнувшему ведро воды, стоя по щиколотку, в кирзачах, в ручье.

– Ты что, Николай Кузьмич?! По шпалам же понесет! Смотри, ветер какой...

– Брось, говорю тебе! Давай землей – наполняем ею ведра и на шпалы вываливаем, с обеих сторон. Наталья, лови всех, кто со стороны реки подтягивается, а я тут... Две команды по обе стороны – одни снимают сухой дерн с подветренной насыпи, другие делают трехметровый отсып из земли поперек шпал! Степан, стоняй еще за ведрами в школу – там же в сарае их склад. Взялись!..

Сам он начал грузить со склона оврага сухую песчаную землю сразу в два ведра и бегом подтаскивать их вверх, к огненной кромке на путях, в десятке метров от моста, раздавая по ходу резкие команды женщинам, снимавшим еще не тронутый огнем сухой и просмоленный дерн на подветренном склоне.

С другой стороны железнодорожный откос был из гальки – оттуда беды ждать не приходилось, слава богу. В воздухе стоял треск от пожираемых пламенем сухих деревянных балок моста; то и дело слышались отрывистые реплики, когда кто-то вдруг поскальзывался с тяжелыми ведрами на железнодорожном склоне; ветер относил в сторону черное марево, и хоть это позволяло людям свободно дышать.

Через пятнадцать минут подъехали пожарные на трех конных подводах с водяными бочками и ручными помпами. Единственный на поселок ГАЗ с тысячелитровой цистерной сюда подобраться не смог бы – оставили на повороте к переезду. Пожар к этому времени удалось остановить от распространения по откосу и шпалам, но мост полыхал багряным заревом – вот-вот рухнет. Подоспевшие бригады сразу активно включились в заданный ритм и уже через две-три минуты поливали бушующее пламя.

– Кузьмич, ты тут командовал? – окрикнула Николая начальница пожарной команды.

Николай в ответ ей молча кивнул.

– Кто-нибудь знает, отчего полыхнуло?

– Не спрашивал. Занят был, – сказал, как отрезал.

– Молодцы, что остановили огонь!

Мост не обрушился, но в этом мало было утешения – через два часа рельсы каким-то чудом висели в воздухе двадцатиметровым хребтом исполина, лишь в одном месте поддерживаемые обгоревшей донельзя широченной древесной балкой.

Дознаватели не заставили себя ждать.

– Чужих кто-нибудь видел в районе? – был первый вопрос.

Уставшие люди озадаченно качали головами: здесь все друг друга знали, чужих бы сразу заприметили. Николай в изнеможении лежал на своем ватнике чуть поодаль от крайней пожарной подводы. Мысль о диверсии у всех, конечно, была основной, пока кто-то не выдвинул вслух гипотезу:

– На той неделе у Прошкиных пал вокруг дома загорелся – сухо ведь уже, а зимой отходами с базы кочегарили печки свои, поди, все пропиталось кругом керосинкой, картошка даже не растет. А тут-то вообще...

– Сколько говорили, мол, опасно тут – и школа рядом, детишки бегают, и нефтезавод, а какие меры-то приняли? – подхватил кто-то из женщин.

Народ не расходился до ночи. Уже в сумраке устанавливали мощные осветители, чтобы досконально обследовать весь прилегающий участок. Много было людей в погонах. Все понимали, что дело может обернуться для кого-то быстрым трибуналом, но вслух остерегались произносить такого рода догадки, оттого и версий про самопал сыпалось со всех сторон все больше и больше – от греха, что называется: времена такие, что саботажников выбирать из толпы – дело привычное, и нет гарантии, что сегодня им не назначат тебя или твоего свата. Так что с самопалом оно как-то всем надежнее выходило.

Николай кое-как стер с лица вьевшуюся через пот копоть и уже собирался домой, когда к нему сза-

ди подошел грузный человек с красным лицом, в штатском, и тихо произнес:

– Доброго здравия, Николай Кузьмич.

– Тебе того же, Петр Евграфыч, – резко обернувшись, ответил он Петьке Жирному.

– Слышал я, что ты тут все грамотно организовал, пока Люся со своими не подросла.

– Как учили, – хмуро ответил на комплимент Николай.

– Ты сам-то, часом, ничего подозрительно не заметил?

– Сказал бы уже.

– Сам с ночной, что ли?

– С ночной. Федор в день ушел.

Мужчина кивнул. Затем прищурился недобро:

– А малой твой, что ж, тоже в день сегодня?

– Сережка, что ль?

– Сережка, Сережка, ага.

– Захворал, мать дома оставила. А твой какой интерес до него-то?

– Да Гринька мой сказал, что Буранов опять с контрольной по арифметике схлюздил.

– А ты, Петр Евграфыч, за своим следи. За моим я сам пригляжу, будь уверен.

– Видел его после смены-то?

– Видел. Сопливый весь. Иль ты думаешь, что это его рукоделие? А, Петр?

Николай нахмурил жесткие брови и открыто поглядел в переносицу Жирному, буравя его немигающим взглядом. На заводе поговаривали, что взгляд Кузьмича мало кто мог запросто вынести. Вот и Петька теперь отвел глаза в сторону, проговорив:

– Не горячись, Коля, все знают, что твой малой – мастер на все руки. Мало ли чем он был днем занят, пока батька его после смены отдыхает.

– Так, может, пойдём, допросим сопляка, а? Не полночь ведь еще, – шепотом в лицо Петьке выдохнул Кузьмич.

– А что, и то дело, – вдруг согласился Петр.

– Пошли! – Николай развернулся и бодро зашагал в направлении своего дома, будто и не было нескольких часов битвы за нефтебазу.

Петр, чертыхаясь, засеменил следом. Николай небрежно бросил ему через плечо:

– По пути только к Евграфу заскочим – спросишь у него, почему он до сей поры песком подходы к мосту не засыпал, как ему велено было месяц назад на партактиве. Ну, зайдем, чтобы не возвращаться потом – по пути ведь!

Петр Евграфыч замер на полшаге.

– Ты о чем это, Николай?

Тот тоже остановился и в ответ лишь пожал плечами, глядя куда-то в темноту. Петр смачно выругался и сплюнул. Потом сказал:

– Ладно, сам завтра поговорю с ним. Но ты, Колька...

– И тебе спокойной ночи, Петр!

* * *

Тетя Катя, худая и высохшая, без передних зубов, дымила «Прибоем», стоя на лестничной площадке. Через широкие сталинские окна в подъезде солнце щедро распыляло свои последние в этот день лучи. Двое парней в замызганных и местами дырявых футболках медленно поднимались снизу по деревянной лестнице, неся на руках простой, обитый ярко-красной материей гроб. В детстве один вид его всегда приводил меня в ужас – по советской традиции крышка от него выставлялась на площадке перед квартирой в доме, где умер человек. Железный памятник ставили у подъезда. Пройти мимо для меня было нечеловеческим испытанием: ноги не двигались, руки холодели, а в воздухе вокруг, казалось, витала сама Смерть – такая непостижимая и неведомая для ребенка. В нашем дворе регулярно кого-

нибудь хоронили, и можно было бы привыкнуть к виду катафалка, музыкантов с духовыми инструментами и венков, но мне почему-то не удавалось. Оттого, вероятно, впоследствии и флаг моей страны, с желтым молоточком и круглым хирургическим ножичком, всегда наводил на меня необъяснимый, граничащий с паникой страх. Краснофобия.

Я вернулся в комнату, где лежал Николай Кузьмич. Свечка отбрасывала на стены причудливые тени. Приблизившись к барьеру и вглядываясь в такое знакомое и теперь бесконечно далекое морщинистое лицо, я неожиданно для себя зашептал, словно в трансе:

– Спасибо тебе, дедушка, что ты был в моей жизни. Спасибо, что ты был папой моего папы, что я мог прижаться к тебе иногда и попросить десять копеек на мороженое и ты никогда мне не отказывал. Как хорошо, что ты не варил самогонку и не курил папирос: мне теперь намного проще понимать, что не это делает нас мужиками. Спасибо, что ты брал меня с собой на рыбалку и подарил мне кеды – правда, я из них быстро вырос в то лето и они изрядно потрепались на поле «Нефтяника», но в них я забил столько голов, что ты по праву гордился своим внуком и говорил всем соседям во дворе, что это мне вручили все те грамоты и дипломы. Теперь ты вместе с бабушкой – передавай ей привет от нас от всех, пожалуйста, мы о ней так скучали все эти годы – ну, ты и сам знаешь; да и она, наверно, тоже, но все-таки... с другой стороны, ты же так хотел все это время снова оказаться вместе с ней, вновь увидеть ее мягкую и добрую улыбку, ощутить прикосновение заботливых рук... ты ведь не находил себе места без нее, дед, я знаю, я все это видел. Прости, что я не сдержался тогда, на кладбище, и накричал на тебя, но иначе ты бы до утра не ушел с ее могилы. И хоть ты говорил всегда, что Бога нет, дед, но, прости, я все же думаю, что ты верил в Него всегда. Может, где-

нибудь в глубине души, но для настоящей веры, наверно, и не обязательно говорить об этом вслух, тем более в том мире, где это подвергается гонению. Поэтому я смело прошу Господа нашего Иисуса Христа простить тебе все прегрешения, вольные и невольные, и отпустить тебе грехи, и даровать царствие небесное и вечный покой. Спи спокойно, мы тебя очень любим.

Проговаривая свое последнее «прости», я и не заметил, как рядом появился отец: он стоял, опираясь на спинку одного из стульев. В этот момент я физически ощущал тонкую грань между настоящим и прошлым. Или это мне только показалось? Есть ли оно вообще, это мгновение, отделяющее нас от истории?

– Спасибо, сын, – сказал он и, нагнувшись к деду, положил в его изголовье, поверх томака Есенина, маленькую золотую звездочку на ярко-красной матерчатой розетке. В самом центре звезды единым символом переплелись те самые молоточек с ножичком – давно забытые во времени молот и серп.

Теперь, находясь в своих ощущениях на одной из многочисленных граней истории, я видел в этом артефакте совершенно иные инструменты и другую звезду.

* * *

Январь 1955

– Кузьмич, ты не спеши-ка...

Но Николай одним махом опорожнил кружку. Спирт тут же резким теплом отозвался в желудке.

– Чего бубнишь под руку? – выдохнул он, заняв черным ломтем и тут же надкусив его бережно.

Петр, промолчав в ответ, медленно выцедил свою «соточку». Николай Кузьмич оценил с прищуром:

– Ну, силен, Евграфыч. Где тебя научили так чистоган смаковать?

– Сам знаешь где, – Петр вытер губы рукавом, его покрасневшееся лицо лоснилось от выступившей испарины.

– Как Гришка-то?

– Гриня – мужик. Младшего лейтенанта вот недавно получил. Артиллерист.

– Молодец!

– А твоего-то, я слышал, в район выдвигают, по комсомольской линии?

Николай подвинул ближе к гостю чашку с соленьями:

– Ты попробуй огурчики-то: свои, с осени.

И снова разлил по сто грамм:

– Давай, Петр Евграфыч, за детей наших!

Закусив, ответил:

– А я вот слышал, что в твоём ведомстве должны характеристику на него дать, на моего Сережку-то.

Петр, прожевав ядерный огурец, заметил:

– Мы характеристики на граждан не выдаем. Мы их заверяем...

– Так, стало быть...

– ...или отклоняем.

– Хм... Отклоняем, говоришь. Это нужное дело, наверно. Да ты закуривай, не стесняйся.

Петр достал коробочку «Герцеговины», вынул длинную папиросу, помял мундштук.

– Тебе не предлагать?

Николай отрицательно качнул головой.

– Больно ласков ты, Кузьмич, сегодня.

Закурив, Николай спросил, глядя на черную коробку с позолотой:

– Папиросы-то – марка Вождя, а? Традиция, что ли?

– Привычка. Кстати, о Вожде...

Он стряхнул пепел на пол.

– Говорят, что ты Ильича вроде как во сне видел?

Николай откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди:

– Так его все видят. Иначе как план делать? Иначе пятилетку не освоить, сам знаешь...

– Видят-то все, да только не у всех он хохочет побесовски и новыми экспериментами грозит.

– Охмелел ты что ли, Петр?

– Я тебя еще перепью!

– А-а... Ну, попробуем, – Николай Кузьмич подмигнул и разлил по новой: себе в солдатскую алюминиевую, гостю – в почетный трофейный хрусталь; не потому, что с парадной посудой в доме наблюдался недостаток, а просто пил Кузьмич только из своей «Алю-Миньки».

Петр заметно взбодрился, при этом буравчики под ресницами на его широком и гладко выбритом лице превратились в щелочки. Николай же, судя по выражению лица, казалось, только веселел, но зрачки его глаз с каждой минутой приобретали все более холодный стальной отблеск.

– Грозил кому, говоришь? Романовым, нет?

– А есть разница? В твоём же сне!

– Разница большая и принципиальная, товарищ Петя.

– А «хохотал безумно»?.. «Бесом закатывался»!

– Это ты мне говоришь, коммунисту с двадцатилетним стажем?!

– Ты, Кузьмич, не передергивай. Это я тебя цитирую – или протокол показать?

– А что мне твой протокол? Не тридцать седьмой ведь за окном. Вон и врачей уже отпускают – или газет не читаешь?

– Читаю, а как же. Но с таким портфелем Сережке в районную комсомольскую ячейку не совсем сподручно как-то ходить станет, как думаешь, товарищ Кузьмич?

– Так Сережка сны только про Никиту Сергеича смотрит. При чем тут он вообще? Сын за отцовскую дрему не в ответе. Или не прав я? Или Вождь не прав, как считаешь? Я или Вождь?!

В кухню заглянула хозяйка и вопросительно глянула на мужа. Николай в ответ повернул к ней лицо, и она, молча пройдя в кухню и поставив с плиты перед мужчинами сковороду с жареным картофелем, так же молча удалилась.

Петр сопровождал ее немигающим взглядом.

– Разгорячился-то чего, Коля? – спросил он. – Нет так нет.

– И правда... Чего я? Оба под одной крышей. Только одному еще сто лет под ней лежать, а другого того и гляди вышибут...

Петр окаменел.

– Это ты о ком сейчас?

– Про... нас с тобой, Петька, о ком ж еще-то? – усмехнулся Николай, разливая спирт по новой. – Кого первого вышибет, а? И другой под стол – и спать, как во век не спал! Ха-ха-ха, а ты чего подумал? Мерещится все, поди, да? Э-эх, тяжелая у тебя работенка, Евграфыч. Давай... за тебя!

Не дожидаясь ответа, Николай махнул очередную «миньку» и шваркнул от души пустой кружкой по столу:

– У-ух, хороша! Так что... тот момент со снами мы, я вижу, с тобой разобрали и перепроверили, как отцы учили, верно, Петр Евграфыч? Вопрос отпадает за ненадобностью для Сережки. Ну, и для нас с тобой, конечно.

Петр выпил, на этот раз слегка поморщившись.

– А чего хозяйка-то твоя с нами не присядет?

Николай зачерпнул ложкой прямо со сковородки душистый, с чесноком, картофель и предложил гостю:

– Ты б закусывал, Петь, а то скажешь потом, что Бурановы не кормили, оттого и вырубил тебя первым, – и он хитро прищурился. – Хозяйка придет, не переживай. Вот только мы с тобой закончим про смену нашу комсомольскую... И придет.

Петр приложился к угощению, довольно улыбнулся:

– Со шкварками... надо ж!

Затем, отложив ложку, сказал:

– Вишь, Николай Кузьмич, дело-то какое... Комсомолом руководить должны честные партийцы, с репутацией и доверием, так сказать.

– Ну? Серега с пятнадцати лет на заводе по-стахановски: коммунист, передовик, активист...

– Да знаю, знаю, и характеристику на него читал уже, и людей выслушал – все за него горой, слова против ни единого.

– Вот! Какие сомнения-то?

Гость неторопливо достал из внутреннего кармана пиджака сложенный платочек. Затем также неторопливо развернул его. Внутри оказался бережно упакованный тетрадный листок, обгоревший с одного края. Николай с недоумением наблюдал за манипуляциями гостя.

– Что это?

Петр развернул его так, чтобы можно было прочесть. Кузьмич потянулся было за ним, но тот осадил его:

– Не-не, читай из моих рук! Документ – улика, сам понимаешь.

– «Ученика... пятого класса... Сергея Буранова, контрольная работа... двадцать пятое апреля, вторник, одна тысяча девятьсот сорок четвертого...» Что за чушь, какая улика?

– Не припоминаешь, Николай Кузьмич? День-то ведь памятный!

– Ну... напomini.

– Ты мне еще сказал, что Сережка не пошел тогда в школу, дома его оставили, больного. А ведь, оказывается, пришел он все ж таки на первый урок – на контрольную, и даже начал писать ее, как видишь! Да только вдруг сказался больным, и сердобольная наша Мария Анатольевна,

конечно, отпустила его домой. Только ты не мог этого знать в тот день вечером, после пожара, потому что со смены сам был и, понятное дело, не успел расспросить своего ублюдка про его успехи. Этот листок Федор Матвеич – стрелочник, помнишь его? – нашел на следующий день неподалеку от пожарища: ветром к старой сосенке прибило. Видимо, малец твой сперва его поджег, но то ли задуло, то ли как – ясно, что ветром отнесло. Но мост все равно успешно сгорел, срок в срок: двадцать пятого, и саботаж получился точно по плану, а улику утром двадцать шестого нашли – не подбросили ведь нарочно, а, не подбросили? Вот я уже который год гадаю: не по твоему ли, часом, плану, а, Кузьмич?

– Матвеич-то помер давно, – вновь скрестил руки на груди Николай.

– Матвеич помер, а заверенные показания его остались, – и Петр извлек другой документ. – И отец мой, как ты знаешь, тоже не так давно...

– Да, слышал... А чего ты их с собой-то таскаешь? Не в сейфе даже.

– А со мной им надежнее, чем в сейфе: ты человек нынче большой, при должности, а времена – сам знаешь...

Николай взял пустую «Алю-Миньку» и, заглянув в нее с видимым интересом, спросил:

– Еще по одной, что ли?

– А не хватит ли тебе, Кузьмич? – с насмешкой бросил Петька, складывая улики.

– А ты куда окурок свой дел? – вдруг поинтересовался хозяин, подняв брови.

– Чего? Окурок?! Какой...

Николай резко поднялся и ударил гостя кружкой в голову, вложив в обводящий удар всю свою массу. Петр грузно рухнул вместе со стулом навзничь, боком, так что слышно было, как лицо его шмякнулось об пол.

– Разве можно в гостях пеплом полы посыпать? И парня моего ублюдком тоже называть не годится... Кто тебя воспитывал, Жирный?

Петр не отвечал. Вдруг его конечности стали конвульсивно подергиваться. В дверях вновь появилась Наталья. Увидев дрожащего на полу гостя, она поднесла руки к лицу и спросила мужа:

– Что с ним?

– Удар... хватил, кажется.

– Бежать за доктором? – женщина присела над Петром. – У него пена... или что это?

Николай словно вышел из оцепенения и, подскочив к жене, мягко поставил ее на ноги и подтолкнул к выходу:

– Иди, Наташа, я сам разберусь, присмотри за Лизой – чтобы не проснулась. Петр... он предупреждал, что надо делать, если вдруг... это... приступ у него... Давай, давай, родная...

Выпроводив из кухни жену и плотно прикрыв за ней дверь, Николай вернулся к притихшему на полу гостю. Глаза того были открыты, почти навывкат, и смотрели в потолок.

– И не вздумай, Петька... – прошептал он. – Не вздумай... помолись лучше, гони дурные мысли – думай о вечном. Все закончено, ничего не вернуть – ты сам сделал выбор, Петька... уже не состаришься. Вишь как... Но под столом все ж таки... Слышишь меня? Думай правильно, а проклятия детям твоим же обернутся!

Николай еще некоторое время сидел над Петром Евграфычем, что-то бормоча. Затем с трудом выволок его подмышки на улицу и уложил на сани, которыми дрова зимой возил, прикрыв сверху черным овчинным тулупом. Вернувшись в дом, предупредил жену:

– Я его в больницу сведу. Ты ложись.

Вернулся Николай под утро. Наталья же едва вздремнула часок за всю ночь.

– Ну, как он? – спросила с волнением.

Николай хмуро присел за прибранный кухонный стол. Вздохнул.

– Не довез. Помер по дороге.

Она молча перекрестилась. Николай поднялся, подошел к печи, в которой еще тлели угли, брошенные с вечера. Набрал в лопатку угля из стоявшего подле ведра, он достал из кармана сверток и, бросив его поверх, высыпал все в печь, приоткрыв сверху заслонку. В печи радостно полыхнуло.

– Наташа, Петра у нас в доме не было. Запомни это хорошо! Ни вчера, ни позавчера – давно не было: уж и не вспомнить, когда заглядывал последний раз. Услышала меня?

Жена что-то тихо произнесла.

– Мы рано вчера легли, Наташа, умаялись – проспали до утра: это все, что тебе нужно уяснить ради всех святых и детей наших. Ясно?

– Да.

– Да простит меня Господь...

Юлия Сорокина

Пустое сердце

1

Эта осень выдалась особенно холодной. Каждое новое утро встречало тусклыми, мутными сумерками. Ночные заморозки покрывали белой твердой пылью скамейки у подъезда и припаркованные машины. В середине октября деревья неожиданно перестали сбрасывать листву и, усыпанные ледяной пудрой, красиво сверкали в свете уличных фонарей. Ветер приводил в движение высокие кроны, и они медленно качались, гремя мертвыми, сухими листьями.

С недавних пор она начала серьезно задумываться о своем предназначении, и даже завидовать людям, имеющим крепкую веру и знающим свой путь. Она же, прожив большую часть жизни, так и не смогла понять, куда идет и во что верит. В своих поисках смысла жизни, которые были больше похожи на блуждание в лабиринте, она умудрилась наступить на все разложенные грабли и уткнуться во все тупики. Она могла бы сказать, что приобрела ценный жизненный опыт, стала осторожнее, мудрее. Могла бы, если бы это было так. Вместо этого пришло то, что мама называла унынием, а она разочарованием: понимание, что жизнь прожита неправильно, не так, и ничего уже не исправить. Она никого не винила, признавая, что все ошибки совершила сама. Ничего особенного от будущего не ждала и не строила долгосрочных планов. Жила обычной, тихой жизнью, как многие другие, но почему-то время от времени чувствовала себя обманутой.

Дни сменяли друг друга, не принося добрых новостей и не убавляя печали. Они были похожи один на другой, и наконец наступил момент, когда время словно остановилось. Казалось, что она долго падает,

сама не понимая куда, не зная, достигла ли она нижнего предела (не хотелось думать, что дна) или все еще летит спиной вниз. Ее совершенно не пугало, что она давно уже ничего не хочет, а иногда и не чувствует, живет по инерции. А что сердце ноет – это так, по привычке. Должно же хоть что-то болеть.

Живя не с теми и не там, она смирилась, что все, кого она любит и в ком смертельно нуждается, далеко. Рядом постоянно оказываются совершенно посторонние, случайные люди. Пусть даже очень вовремя и удобно, но это чужие люди. Окружающая пустота заполнила все ее клеточки, и теперь внутри тоже было пусто.

Она научилась не плакать, найдя единственное действенное средство: не думать об этом. Убедила себя, что с ней все в порядке. Наверное, так оно и было. Ее мир пребывал в каком-то немислимом латаргическом порядке. Внутреннее безмолвие было сравнимо с тишиной, которая бывает перед цунами, когда стихия уже готова проявить свой бешеный нрав и объявить ужасный замысел. Когда понимаешь, что сопротивляться и прятаться бесполезно – спасения нет, все решено. Когда вода, отхлынув от берега, обнажает скользкие зеленые камни – и ничего живого вокруг, даже небо пустое. Все замирает в ожидании высокой волны, которая сметет, раздавит и увлечет в бездну.

Она почти сдалась. И только один вопрос заставлял ее оглядываться в прошлое и смотреться в зеркало по утрам. Она не могла понять: зачем? Зачем было? Зачем сейчас? Если в жизни ничего не изменится, зачем дальше?

2

Из этого казавшегося бесконечным оцепенения ее вывел телефонный звонок. Все разрешилось неожиданно и стремительно. Звонил старый друг. Зна-

комый голос звучал спокойно и уверенно: «Бросай хандрить и приезжай». И она, не задумываясь, ухватилась за эту соломинку: села в самолет, и уже через полтора часа теплый вечер раскрыл над ней звездное южное небо.

Выйдя из здания аэропорта, остановилась, чтобы прийти в себя. Голова кружилась – то ли от слишком быстрого развития событий, то ли от воздуха, пропитанного запахами горных трав, моря, эвкалиптов и олеандров. Перед ее растерянным взглядом мелькали лица таксистов и входящих в аэровокзал пассажиров. Он подошел, забрал из рук сумку и, чмокнув в щеку, повел к припаркованной машине. Встреча была такой обычной, без пафоса и торжественности, как будто они не виделись всего пару дней, а не пару лет, как будто он встречает ее вот так уже в сотый раз! Словно летать за тысячу километров – привычное для нее дело.

Они ехали по ночному серпантину больше часа. Слева над дорогой поднималась горная стена, заросшая деревьями и кустами, а справа, где-то внизу, угадывалось море.

Утром пошел дождь, и после прогулки по набережной они вернулись домой. Она открыла балкон и, лежа на диване, смотрела на видневшиеся вдали горы. Темные вершины устремлялись в небо, а между ними серыми клубами на город ползли тучи. Он устроился рядом с книгой. Ей никто никогда не читал вслух, да еще классику. Она положила голову ему на плечо и закрыла глаза. Его голос увлекал во времена другого века и других людей. Иногда они останавливали чтение, чтобы с улыбкой прокомментировать или дополнить содержание своими воспоминаниями и мыслями. Он читал с выражением, меняя интонацию, делая паузы и расставляя акценты в тех же местах, где бы это сделала и она. Было что-то театральное в этом действе, что-то несовременное, но очень трога-

тельное и знакомое. Много раз потом, вспоминая эти минуты, она жалела о них. Может, потому, что знала, что это не повторится, и завидовала себе – той, которой было достаточно нескольких теплых слов и нежных прикосновений, чтобы почувствовать себя счастливой.

День незаметно катился к вечеру. Ветер гнал тучи за море, вслед уходящему солнцу. Нежным золотым светом закат окрасил и небо, и город, и воду в бухте. Завтрашний день обещал быть солнечным и теплым. Так оно и случилось. Они отправились на пустынный берег галечного пляжа. Бархатная осень позволяла нежиться под лучами ласкового солнца и плавать в еще теплом море.

– Я знаю, почему Русалочка не могла ходить по суше. Я тоже не могу!

– Ну и не ходи, оставайся в море.

– Хочешь, чтобы у меня хвост вырос? Нет, я плаваю плохо.

– Тогда делай как я – выползай!

Он смеялся, а ее очередная попытка выбраться на берег опять не увенчалась успехом. Галька врезалась в ступни, не позволяя сделать ни шага без того чтобы не вскрикнуть. Было больно, но она тоже смеялась. Все это было похоже на какую-то игру. Море не отпускало, и она снова и снова падала в пеннистую воду.

А на берегу спокойно и тихо – никаких посторонних глаз и голосов. Они были одни. Кроме них на пляже появлялись только чайки. А еще время от времени недалеко от берега показывались блестящие спины дельфинов. Солнце было горячим, но ласковым. Его тепло обволакивало и убаюкивало. Можно было даже уснуть, не боясь обгореть. Она лежала, прикрыв глаза рукой, и слушала море. Слушала, как перекликаются птицы, как волны катают по берегу камни, словно бильярдные шары, и как что-то похожее на море шумит и в ее голове. Ощущала, как

ветер трогает ее волосы и плечи. Мягкий бриз сдувал с кожи прилипшие песчинки и не успевшие высохнуть капельки воды, после которых оставались кристаллы соли. Она могла бы запросто остаться здесь жить, если так будет всегда, если рядом будет он. Но счастье не длится долго: мгновения, минуты, если повезет – дни. Завтра вечером она улетает. А им еще нужно успеть добраться до горного озера и водопадов. Время летит так быстро. Успеют ли?

Третий день ее волшебного отпуска заканчивался. Она стояла на балконе с чашкой остывающего чая, смотрела на море и думала о том, что уже через час они будут на пути в аэропорт. Она чувствовала себя другой. Ей снова хотелось жить, пусть даже не понимая цели и смысла происходящего. Просто жить. Потому, что она есть. Потому, что были эти три дня и их уже нельзя отменить. Все случилось, сбылось и осталось в ней. Горело ровным, спокойным пламенем, снова отражаясь золотыми искорками в глазах. Открывшихся чувств и переживаний последних дней хватало, чтобы она на какое-то время перестала задумываться о своем бессмысленном существовании. Неожиданное озарение, что в ее жизни еще может быть что-то радостное и светлое, дарило ей легкость и согревало. Она думала о том, что если уж суждено ей снова упасть в безвременье, то пусть повторяются именно эти дни. Дни, в которых было много света и моря, где эвкалиптовый воздух был соленым и влажным, где волны выбрасывали на берег белые камни, а небо было синим и высоким.

3

Она вернулась в замерзающий и продуваемый ледяными ветрами город. Снова одна. И чем больше времени проходило, чем дальше отодвигались теплые дни в приморском городке, тем труднее ей

было относиться к ним как к реальным событиям. Медленно, но верно она возвращалась к настоящему. И возвращение это было болезненным. Нежданное путешествие уже воспринималось как случайный подарок судьбы, которая неожиданно решила приоткрыть завесу тайны. словно ей позволили заглянуть в другую свою жизнь, которая могла бы быть, если бы... Но никаких «если бы» не случится. Будет пустая, никому не нужная жизнь, наполненная суетой и воспоминаниями о несбывшемся.

Рядом с ней снова стали появляться случайные люди. Она впускала их в свою жизнь, не боясь, что они могут причинить боль. После разочарования она не боялась уже ничего. Страх исчез, осталась только пустота, когда-то поселившаяся внутри. Теперь эту пустоту закрыла тяжелая, непробиваемая броня, не оставляя ни малейшего шанса чему бы то ни было проникнуть в ее сердце. Даже не верилось, что всего за несколько недель ее легкая походка превратилась в тихий шаг, а взгляд стал таким серьезным и безответным, что стоило только поймать его, становилось понятно: в ней не то чтобы закончилось или закрылось что-то, это «что-то» сломалось.

По вечерам она не включала свет. Смотрела в окно и, как в детстве, мечтала о том, чего с ней никогда не случится. Когда становилось совсем грустно, она открывала старую книгу, между страниц которой хранилась сухая эвкалиптовая веточка, и перечитывала повести о чужой жизни, скитаниях, любви. На книжной полке рядом со статуэткой собаки пылился белый каменный шар. Она ждала прихода зимы. Ждала как спасения. Как будто выпавший снег сможет все изменить: скрыть ее ошибки и обелить ее неправильную жизнь. Но до зимы было еще так далеко.

Опасный возраст

Иногда целые недели проваливались в никуда, оставаясь незамеченными и не отмеченными какими-либо событиями. Но были дни, которые тянулись бесконечно долго. Тот день был именно таким. Время цеплялось за каждую минуту, за любую мелочь, навязывая ненужные телефонные звонки и неожиданные находки. Она уже начала думать, что он никогда не кончится, но вечер оборвал его резко и безжалостно. Позвонили и сообщили, что умер одноклассник. Ушел неожиданно и нелепо. Остались мама, жена, дочери-школьницы, друзья, и планов громада, и непрожитая жизнь.

Единственный сидит напротив, пьет горячий кофе, много курит, и говорит, говорит.

– Что-то происходит: изменения климата, катаклизмы, войны, эпидемии. Что-то происходит с планетой. Наверное, она вошла в свой «опасный возраст». Посмотри, как мир вокруг меняется, столько людей умирает. И в основном это мужчины.

Она молчит, смотрит на него и думает: «Ну почему? Почему ты, со своим жизненным опытом и прекрасным образованием, не можешь понять, не хочешь поверить, что это не планета – это мы вошли в свой опасный возраст. Возраст, когда начинают один за другим уходить все, кто нам дорог. И ничего нельзя изменить. Любой из нас в любой день, в любую минуту может уйти. И все, что останется здесь, не будет больше иметь для него, а порой и без него, никакого значения. И мне страшно! Страшно потому, что я не понимаю, зачем тогда все это: планы, надежды, душевные переживания. Зачем? Я ведь не растение, не животное, не камень. Я хочу понимать, я должна знать, зачем я живу. Нет, это не вопрос веры, не обида, что рано или поздно

придется умереть. Но ведь для чего-то мне была дана эта жизнь? Что-то я должна была сделать? Что?»

А он все говорит, говорит.

– Что-то происходит с нами, ты чувствуешь? Нам нужно скорректировать наши планы, чтобы не тратить напрасно время. Мы должны все успеть. Сегодня, нет – завтра. Нет, лучше с понедельника. Да, в понедельник и начнем.

У нее не получается не плакать. Но он верит, что они все успеют, а она верит ему.

***

Предполагалось, что праздничный вечер будет шумным и веселым, но вышло так, что и этот Новый год она встречала лишь в компании престарелого рыжего пса, заявлявшего о своем присутствии внушительным храпом. Из соседней квартиры доносились музыка и смех, а в ночном небе, как раз напротив ее окна, вспыхивали огоньки фейерверков. Она посмотрела пару рождественских фильмов, убрала подальше (с глаз долой!) коробку с шоколадными конфетами и выключила будильник. Наконец все утихло, но сон не шел. Налив себе чаю, она подошла к окну и, прислушиваясь к голосам невидимых прохожих, стала смотреть на падающий снег.

Она вспомнила, как ждала эту зиму. Но декабрь оказался промозглым и мрачным. Зима долго не могла решиться и, наконец, прийти. Лужи давно вымерзли, но настоящих снегопадов еще не было. Легкие снежинки тихо опускались с неба, неожиданно встретившись, цеплялись друг за друга. Иногда ветер поднимал их вверх, и тогда казалось, что над головой кружатся целые хороводы белых звездочек. Но это были все те же самые снежинки, так и не долетевшие до земли.

Внезапно чувство одиночества охватило ее. От горячего чая стекло стало мутным, и она написала

на нем свое имя. *Единственный* давно отказался от попыток понять, что с ней происходит. Он не ругался, не устраивал скандалов, просто воспринимал ее порой нелепые желания как очередную блажь или причуду. Надеялся, что рано или поздно ей надоест метаться в поисках смысла жизни (она же умная, взрослая женщина!) и все вернется на круги своя. Но он и представить себе не мог, что именно это с ней сейчас и происходило. Ах если бы только она сама знала, куда и зачем возвращается.

Цвет одиночества

Говорят, женщины переносят одиночество легче, чем мужчины. Может быть, потому, что они умеют жить мечтами? Даже устав ждать, когда любовь «накроет с головой», они не перестают верить, что удача вот-вот улыбнется и тот единственный, которому нужна только она, обязательно скоро найдется. Пустоту, образовавшуюся из-за отсутствия второй половины, они заполняют заботой о родственниках, работой, увлечениями, книгами, сериалами, встречами с друзьями, и, конечно, общением в Интернете. Как правило, у таких женщин дома чистота и порядок, цветы политы, а домашние питомцы, если таковые имеются, обласканы и любимы, как самые близкие и родные существа. Одиночество – это отсутствие рядом близкой души, но это не всегда унылая и бесцветная жизнь. Эти женщины мечтают, фантазируют, выдумывают свою другую жизнь и часто живут в этой иллюзии долго и счастливо.

О том, что наступило утро, ей сообщил будильник. Солнце было так плотно закрыто неподвижным тучным занавесом, что вполне можно было решить, что за окном вечерние сумерки. Она давно заметила: облака в город приплывают сами, а тучи выдувают трубы. Тяжелые, тугие, свинцово-синие тучи – как

магнитом, их притягивает к земле. И сколько ни старается ветер, ему никак не удастся сдвинуть эти громадины на край неба. Одна из них уже заволокла верхушку соседней высоты.

Заспанная, она вглядывалась в пелену то ли тумана, то ли дыма, пытаясь рассмотреть, что же там, по другую сторону стекла, и не знала, что всего в двух кварталах уже идет дождь. Улавливая непонятный шум, она не сразу поняла, что это не грохот утреннего трамвая, это начинается самый настоящий ливень.

Почему погода имеет обыкновение портиться к выходным? Почему бы дождичку не пойти в понедельник или в середине рабочей недели, ну в крайнем случае в четверг? Этот дождь был совсем некстати. Теперь придется менять планы, переносить встречу, но главное: поездка на дачу к друзьям теряет привлекательность. Не будет ни купания в озере, ни прогулки в лесу. А сидеть под крышей, пить горячий чай и смотреть на потоки льющейся воды можно и дома. Лето скоро кончится, а погода продолжает капризничать. Она снова забралась под одеяло, закрыла глаза и твердо решила не просыпаться до обеда. Сквозь дрему она слышала, как порыв ветра вдохнул в ее комнату холодный, щекочущий нос воздух и тяжелые, крупные капли забарабанили по подоконнику. На ее семнадцатом этаже пошел дождь.

Телефон зазвонил громко и настойчиво.

– Ты что, еще спишь? Через час встречаемся на вокзале. Не забудь крем от комаров, после дождя их тысячи налетят!

Она посмотрела в окно: действительно, дождь кончился. В небе сияло солнце, и даже асфальт успел кое-где подсохнуть, как будто пару часов назад не лило как из ведра. Стараясь не суетиться, она одевалась, пытаясь вспомнить, есть ли у нее крем от комаров. Бросив это безнадежное дело, втиснула в сумку с продуктами непромокаемую куртку и поспешила из дома. Увидев свое отражение в окне вагона метро, она

ничуть не удивилась. Конечно, на чучело не похожа, но стилия в облике явно не хватало. Так себе, дачный вариант: бывшие когда-то белыми кроссовки, потерянные синие джинсы, оранжевая футболка, волосы стянуты резинкой в тугий хвост, зеленая бейсболка с логотипом ее фирмы. Образ дополняла синяя спортивная сумка через плечо. В общем, видок еще тот!

Обычно, выходя из дома, женщина как бы окутывает себя невидимой защитой от чужих мыслей и глаз, и вы увидите ее такой, какой она сама захочет себя показать. Многие мужчины, глядя на привлекательную, ухоженную даму, делают однозначные, часто ошибочные выводы, всего лишь проверив наличие кольца на ее безымянном пальце. Есть кольцо – все понятно: счастливая жена. Нет кольца – значит, в поисках мужа. Нет кольца и неухожена – значит, ни на что уже не надеется, в чудеса не верит, завела еще одного кота и купила билет выходного дня до платформы «Дачная».

Эта поездка организовалась в последний момент. Неожиданно набралась целая толпа, не знающая, куда деть себя в ближайшие выходные. И тут свежееиспеченные супруги Игорь и Алена пригласили всех желающих на дачный пикник. Встретиться договорились у пригородных касс в здании вокзала. Молодожены приехали первыми. Они успели купить для всех билеты и уже начинали нервничать из-за того, что народ так долго собирается и ближайшая электричка может уйти без них. Глядя на возбужденных сослуживцев, она поверить не могла, что, отработав рядом с ними целую неделю, так легко согласилась лицезреть и слышать их еще и в выходные. Может быть, она поторопилась присоединиться к их «банде»? Но ехать большой и шумной компанией на дачу – это так весело!

Дима из отдела логистики тоже ехал с ними, прихватив с собой толстую и очень милую мопсиху. Доля, так звали это палевого окраса сокровище, вер-

телась у всех под ногами, то и дело вставая на задние лапы, в надежде, что кто-нибудь сжалится и возьмет ее на ручки. Дима сейчас жил с мамой. Что-то не заладилось у него со второй женой, и он снова развелся. Как всегда, он много шутил, рассказывал анекдоты и смешные истории, и как бы невзначай пытался ухаживать не только за девушками из соседних отделов, но и за ней тоже: то ли ему душевного тепла не доставало, то ли от скуки. Эх, Дима, Дима. Добрый, веселый, но такой чужой. И главное, совсем не похож на Артема – ее Артема.

Дача оказалась очень симпатичной. На открытой веранде стоял овальный обеденный стол, в большой комнате был камин, а просторный второй этаж обещал приютить на ночь десятков гостей. Участок не был засажен картошкой и луком. У калитки возвышались гладиолусы, а вдоль дорожек цвели бархатцы и ранние астры. На выгоревшем от солнца газоне стоял теннисный стол, который сразу же оккупировала мужская половина компании. Девочки дружно взялись за готовку, и после легкого перекуса все отправились купаться.

Пруд появился благодаря нескольким ледяным родникам, и, хотя был неглубоким, вода в нем прогревалась плохо. Отдыхающих дачников на берегу было полно, но желающих охладиться не много. Народ предпочитал загорать на берегу. Громким смехом и лаем шумная компания заметно оживила обстановку. Долю пытались затащить в воду, но та упиралась всеми четырьмя лапами. В конце концов Дима подхватил ее на руки и отправился в заплыв на середину озера. Там он отпустил перепуганную псину. Доля героически преодолела расстояние до прибрежной отмели и, оставаясь по пузо в воде, начала носиться вдоль берега и облаивать всех, кто принимал водные процедуры.

Неожиданно поднялся ветер и по небу поползли тучи. Было похоже, что вот-вот начнется дождь. От-

дышающие засобирались. Их шумная компания тоже подхватила и со смехом, под отчаянный лай охрипшей Доли, двинулась на дачу. Тучи продолжали блуждать по небу, закрывая солнце. От этого казалось, что вечер наступил раньше времени. День подходил к концу. Вкусный шашлык съеден, свадебное шампанское торжественно распито, всевозможные тосты и поздравления оглашены. Устроившись в гостиной первого этажа, компания играла в «Мафию». Вечернюю идиллию нарушил Дима.

– Эй, а кто-нибудь видел, куда подевалась Доля? – он был взволнован не на шутку.

– Ах ты, доля, моя доля, дальняя дорога! Ах ты, доля, моя доля, черные глаза! – запели ребята, пытаясь развеселить его.

– Я серьезно. Ее нигде нет. С ней что-то случилось! Она даже диетический корм, который я привез с собой, не съела. Доля, Доля, ко мне!

– Да успокойся ты. С голода она не помрет. Накормили мы твою сокровище шашлыком. Видимо, собачке надоел строгий режим и постная диета. Она просто пошла погулять – жирок растрясти.

– Да вы что! Ей нельзя такое есть! И уйти она куда не могла. Она домашняя. Доля дальше палисадника возле подъезда не ходит! Если моя собака умрет от вашей кормежки, я не знаю, что я с вами сделаю!

Компания решила для начала обыскать дом и всю дачную территорию. И только убедившись, что Доля действительно исчезла, «банда» разбрелась по округе в поисках собаки. Спасательную операцию не планировали. Для всех это было скорее развлечением, игрой – дачным квестом. Кто первый найдет Долю, тот и победил. А Димка выполняет любое желание победителя – такая вот награда. Договорились, что местом встречи будет озеро. Так или иначе все тропинки вокруг дачного поселка ведут к нему.

Она первой вышла на берег. От воды тянуло прохладой, и она застегнула куртку. Хорошо, что догадалась ее захватить – не от дождя, так от комаров и ветра спасет. На мостках заметила, что-то похожее на перевернутое вверх дном ведро. В сумерках было трудно сразу понять, что это за предмет. Подойдя ближе, вздохнула с облегчением. Это была Доля. Она позвала собаку, но та даже не оглянулась. Доля сидела на краю деревянного настила и не отрываясь смотрела на воду. Интересно, что так увлеченно рассматривает Доля? Она села рядом и тоже уставилась на озеро. Рыбки, это рыбки! И так много! Почему она не видела их днем, когда они купались? Рыбки выпрыгивали из воды и с плеском шлепались обратно. Их спинки блестели в последних лучах заходящего солнца. Казалось, что они исполняют какой-то волшебный танец. Время от времени Доля открывала пасть, но вместо лая оттуда вылетали свистящие хрипы – натянулась днем так, что голос потеряла. Она погладила Долю по влажной шерстке. Та придвинулась ближе и, прижавшись, позволила себя обнять. Замерзла, бедняга. От озера тонкой пеленой начал расползаться туман.

– Ты почему не отзываешься? Нашла ее и молчишь? – Дима возник ниоткуда. Следом за ним на берегу стали появляться и другие ребята. – Доля, быстро ко мне! Я кому говорю, Доля! Это что такое?

Как ему объяснить, почему мы не отзывались? Рассказать про рыбок? Нет, это наш с Долей секрет. Вот, пришли, нашумели – распугали всех «танцовщиц».

– За это никакого желанья исполнять не буду. – Дима выглядел очень сердитым.

– А придется, – решив не оправдываться, она перешла в наступление. – Но не переживай, единственное мое желание – чтобы меня оставили в покое и не задавали глупых вопросов!

Дима в ответ промолчал. Он сделал вид, что обиделся, взял на руки Долю и, нашептывая ей что-то на ушко, пошел по узкой тропинке. Вслед за ним остальные тоже направились в сторону дачного поселка, и очень скоро их голоса стихли.

Она стояла в темноте на берегу круглого озера совсем одна. Ей было уютно и спокойно под низким небом августа. Тучи наконец-то переползли за лес, открыв небо, усыпанное сияющими огоньками. И чем дальше она смотрела вверх, тем больше звезд выхватывал ее взгляд. А они дрожали и светили так ярко, что казались тысячами сверкающих пушинок одуванчиков. Мир был полон таинственных звуков. Сверчки звенели где-то под ногами, ветер качал ветви деревьев и заставлял листья трепетать, старые кроны скрипели, раскачиваясь в такт уханью какой-то ночной птицы, а золотые рыбки снова начали плескаться в темной воде.

Боясь нарушить это волшебство, она замерла, пытаясь представить, как бы звучал ее голос, решила она сейчас произнести хоть слово. Тот, кто придумал этот мир, знает все, о чем она могла бы рассказать. Он знает о ней все. А сверчкам быть в курсе ее дел совсем не обязательно.

Спустя час пустая электричка, гремя и покачиваясь, увозила ее домой. Путь до города неблизкий, но оставаться на ночь в дачном домике на прокорм комарам она категорически отказалась. Как ни странно, она успела соскучиться по своей уютной квартире, мягкому, пушистому пледу и огням неспящего ночного города за окном.

Вернувшись домой, она первым делом подключила к зарядному устройству мобильный, который разрядился еще на даче. На оживший телефон сразу же пришло два сообщения: «Привет! Я приехал. Ты где?», «Еще злишься на меня? Надеюсь, ты не отключила телефон специально. Очень соскучился. Позвоню завтра».

Она сделала себе какао, села в кресло и закрыла глаза, вспоминая прошедший день. В прихожей с вешалки упала мокрая куртка. Кроссовки тоже были сырыми – умудрилась-таки промочить ноги! В остальном день был замечательным. И дача, и Доля, и золотые рыбки. И Артем приезжал!

«Позвоню завтра». Она посмотрела на часы. Электронный циферблат показывал начало второго. Завтра – это уже сегодня. И вдруг ей так захотелось, чтобы утром снова пошел дождь! Артем позвонит, а она скажет, что ждет его. Он придет, немного взволнованный, и неловко протянет ей букет. И, конечно, принесет горький шоколад с миндалем. И будет пристально смотреть на нее, стараясь угадать, в каком она настроении, и улыбаться так, как умеет только он – одними глазами. Дом наполнится его запахом и ароматом белых цветов. Он оставит мокрый зонтик в прихожей и, не надевая тапочек, пройдет в комнату. Она сварит вкусный кофе и распахнет окно. Они будут пить кофе из его любимых тонких чашек и болтать под шум дождя. А потом смотреть фотографии из его последней экспедиции и слушать тихую музыку.

И она расскажет, как заполняла все свои дни и вечера ненужными встречами, событиями, людьми, лишь бы не думать о том, как скучает по нему. Она всегда чувствовала, что он свой, родной, но почему-то боялась признаться в этом даже себе и не подпускала его слишком близко. В последнюю их встречу они даже поссорились из-за этого. Но он все равно приехал! Как долго они не виделись, как давно они не говорили! Все, решено. Пусть будет дождь!

Говорят, что мужчины переносят одиночество тяжелее, чем женщины. Но как хорошо, что они не умеют жить иллюзиями и вопреки обстоятельствам каждый продолжает искать ту единственную, которая ждет именно его.

Наталья Пунина-Орлова

Пути и цели, или Куда мы идем?

Мы все пришли откуда-то. Пусть мы не помним, откуда именно, но проблемы в этом неведении я не вижу. Ключевой вопрос: куда мы идем? Точнее так: куда каждый из нас движется?

Назовем условно каждого из нас Странником, место, куда он движется – Целью, а способ передвижения, включающий все этапы прохождения от рождения до ухода, обозначим как Путь.

Итак, исходные координаты заданы. Пробуем решить неалгебраическим путем задачу по поиску Пути.

Странник – величина здесь условно известная. Путь и Цель – неизвестные, причем одна из них, а именно Путь, – величина искомая.

Почему Странника мы обозначаем условно известной величиной? Раз мы все являемся своего рода странниками в этом мире – мы, образно говоря, известны хотя бы самим себе. Но так как каждый из нас является особью иной, чем все другие, известность эта сугубо условная.

Далее, по поводу первой неизвестной величины, не являющейся искомой. Это Цель. Ее следует разбить на несколько этапов. Давайте для удобства разобьем на три: достижение намеченной конкретной цели (сиюминутная цель), цель всей жизни (долговременная цель) и окончательная цель (итог). Если говорить о первых двух этапах Цели, то, как учит школа жизни, цель у каждого

в этом мире своя. Помните поговорки: «Сколько людей – столько и мнений», «У каждого правда своя», «Кому что надо» и прочие? Все это характеризует нас как человек разных, имеющих различные жизненные задачи и цели. Допустим. Тогда и пути к разным целям должны быть по логике тоже разные?

Не спешите... Куда мы все движемся от момента своего воплощения? Верно: к конечному пункту, имеющему в разных религиях и конфессиях по-разному. Однако у всех разноликих обозначений суть одна. Мы движемся каждый к достижению своего личного места во Вселенной. Другими словами – в Безвременье. В исходную точку. Возврата? Неизвестно. Но место окончания пути, вполне возможно, совпадает с точкой отсчета. Что мы знаем о ней? Смотрим начало – ничего. Мы просто ничего не помним об этом месте. А если о конечном пункте маршрута ничего не известно – следовательно, можно утверждать, что мы движемся в никуда. То есть совершаем поступательное движение во времени, в абстрактном смысле пребывая на месте. Получается, и Цель, и Путь для нас здесь и сейчас величины неизвестные и исследованию не поддающиеся. Что никоим образом не означает, что мы должны отказаться от их поиска. Отнюдь! Пусть они в итоге никуда и не приводят... Но сам процесс жизни и состоит в поиске верных целей и праведных к ним путей. Не правда ли?

Поэт-лирик. Автор нескольких стихотворных сборников, участник альманахов. Член творческой мастерской «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ), литобъединения «Облака вдохновения» и др. Публикуюсь на порталах «ЧХА», Стихи.ру, Проза.ру. Лауреат международного конкурса имени Дюка Ришелье (2018).

Письма от...

1

– Раз-два, раз-два-три, снова я, снова ты, – припевала Астэлла, взбегаая по лестнице на свой этаж: – Еще три ступеньки, еще две, ну вот я и дома!

Она набрала побольше воздуха перед тем, как перешагнуть порог. Постояла так с полминутки, прикрыв глаза, и... шагнула в неизвестность. Несмотря на крайнюю степень нетерпения, заставила себя снять босоножки, потом налила в чайник воды и закинула в тостер два ломтика хлеба. Затем осторожно присела на краешек табурета и открыла ноутбук.

Экран моргнул пару раз и засиял тихим внутренним светом. Девушка, затаив дыхание, открыла электронную почту и увидела в папке «Входящие» новое сообщение.

– Уф, – выдохнула она. И больше ничего сказать не смогла, в сильном волнении прижав к груди руки. Тысяча мыслей роем закружились в голове, придавая сил, обнадеживая или, наоборот, внося смятение. Нет, она знала, точно знала, что когда-нибудь это свершится, но все равно никак не могла окончательно поверить.

Астэлла хотела тотчас же открыть долгожданное письмо, но так дрожали руки и перехватило дыхание, что она решила сначала немного успокоиться. Пошла на кухню, почти бессознательно сделала себе бутерброды и плеснула в чашку чаю, а мыслями унеслась в прошлое.

Сколько же времени прошло? Год, два, больше? У нее всегда была проблема с ориентацией во времени, а теперь она и вовсе потеряла ему счет. Да и зачем ей было пересчитывать часы и годы, если вокруг ничего не менялось? Астэлла словно застряла в меж-

временье, где все часы показывают неправильное время...

Так когда же все началось? Когда она заметила, что все люди куда-то подевались? Сначала близкая подруга перестала выходить на связь. «Зазналась, – подумала она. – Учеба за границей, новые друзья, увлечения». И потихоньку о ней забыла. Потом брат куда-то запропастился. Сперва перестал слать эсэмэски ежедневно, как у них было заведено издавна, после ухода родителей, писал отрывисто, нерегулярно, затем вообще канул в Лету...

Она работала координатором на автоматической станции мониторинга обеспечения энергоемкой жизнедеятельности, коих образовалось множество во всех поселениях после Экологической Глобализации. Вот одна из них и показалась ей подходящей: буквально в двух шагах от дома, полное гособеспечение и общаться вживую ни с кем не надо. Сутки через трое – и сиди себе днями-ночами напролет в виртуале. Мечта – не работа! Родных нет, другими друзьями не обзавелась, коллеги отсутствуют как класс, соседи тоже на глаза да под ноги не попадают... Что-то, правда, давно. Как скоро она это заметила?

В живом общении она с детства редко нуждалась: этакая интровертка с зачатками аутизма, но умна, исполнительна, в некотором роде даже талантлива. Да и в Интернет выходила лишь в поиске чего-то нового в исследовании космических глубин или свежих наработок теории безотлагательности. Ни в сетях, ни в чатах не сидела, в обсуждениях на форумах не участвовала.

2

Когда Астэлла впервые почувствовала, что неплохо бы с кем-то перекинуться хоть эсэмэской, прошло уже довольно времени. Она даже не могла припомнить, сколько так жила. Самостоятельно. Го-

ды? Вполне может быть. А что: продукты получала по зарплатной карте –автоматом на выходе после каждой смены, коммуналка оплачивается электронно по той же карте. Потому и вода в кранах, и электричество в проводах, и Интернет – все всегда в ее полном распоряжении. Здоровье – в норме. Что еще нужно-то?

Но однажды утром, когда дежурства не было, а новых интересующих статей и монографий в глобальной паутине не обнаружилось, ей захотелось перекинуться парой строчек по почте с подругой или эсэмэской с братишкой. Она поддалась неосознанному порыву и отправила брату эсэмэс. Тишина. Сначала она не обеспокоилась: в последнее время он был весьма необязательным и выходил на связь совсем редко. Но по прошествии некоторого времени – нет, не забеспокоилась даже – удивилась и написала ему повторно. И снова ответа не было. Тогда на дальнем порубежье сознания появилась сосущая тревога, пока еще не из-за отсутствия вестей от брата – просто от информационного вакуума. Астэлла написала письмо по электронке своей давней подруге, с которой не поддерживала связь уже давно. Ответа не пришло. Вот тогда она по-настоящему испугалась.

Несколько дней Астэлла собиралась с духом, наконец отправилась к соседям – якобы за солью. Соседей дома не оказалось. Решила, что они просто куда-то ушли или уехали, звонила, стучала в дверь соседской квартиры сначала каждый день, потом по несколько раз на дню. Затем другим соседям. Прошлась по всему подъезду. Звонила по всем телефонным номерам, которые сохранила ее избирательная память. Отвечали крайне редко, и только автоответчики.

Астэлла совершала длинные прогулки по поселку, а потом и за его пределами в робкой надежде все же кого-то встретить. Пыталась играть сама с собой, загадывая, что вот сейчас завернет за угол – и ей встретится девушка, уверенно шагающая по солнеч-

ной мостовой. Или ребенок, беззаботно скачущий на одной ноге, что-то напевая. На худой конец, старушка с палочкой сердито прикрикнет на нее, прося посторониться. Вон, вон кто-то ведь шумит там, за углом дома! И она мчалась, торопясь побыстрее завернуть за угол. Напрасно... Ни девушек, ни старушек. Лишь ветер шуршит опадающей листвой, и только подмигивают автоматически переключающиеся бесполезные светофоры на перекрестках.

Один раз она вроде бы заметила боковым зрением одинокую тень, мелькнувшую и умчавшуюся куда-то вдаль, и понеслась за ней что было сил, умоляя, чтобы эта тень оказалась хотя бы собакой или котенком... хоть ежиком или крысой, наконец. А это был обрывок старой рекламной афиши, с которой, беспечно улыбаясь белозубой улыбкой... ах, да какая разница, что там было – на никому не нужном обрывке бездушной бумаги! Она не расплакалась, не закричала, даже почти не огорчилась. Уже что-то понимала. Просто пошла домой, открыла ноут и долго сидела, глядя невидяще в чуть помигивающий и создающий иллюзию чьего-то присутствия экран.

И тогда она решила рассылать письма.

3

Да, именно тогда она начала рассылать письма. Электронные. На все адреса. it, Postmaster, Fone, Notify, All – все, которые только могла вспомнить или придумать. Ее письма не были криком о помощи или жалобами потерпевшего. Нет. Она спокойно и размеренно пыталась осмыслить происходящее в свойственной ей рассудительной манере.

Вот, например:

«Здравствуйте, неизвестный адресат!

Не удивляйтесь, пожалуйста, и не отправляйте сообщение в спам. Это не розыгрыш и не

реклама. Пишет пользователь, оказавшийся в непривычных условиях существования. Не прошу помощи и ничего не продаю. Если Вы, прочитав это письмо, решите на него ответить, буду крайне признательна. Дело в том, что вокруг меня куда-то исчезли все люди. Не только люди – все живые существа. Если вдруг и Вы оказались в похожей ситуации – возможно, будете рады общению. Если нет – прошу просто проинформировать. Не исключено, что Вы знаете, что происходит. Или можно будет вместе поразмышлять. Повторяю: мне ничего от Вас не нужно – только знать, что есть еще живые существа в обозримом пространстве-времени. Если сочтете автора этого послания не в своем уме – не стану оспаривать. Просто напишите все, что сочтете нужным.

С благодарностью в ожидании ответа, координатор автоматической станции по мониторингу и пр.»

Подобные письма она рассылала постоянно, продолжая ходить на работу. Электроника не сбоила: счета оплачивались вовремя, продукты выдавались регулярно, вода в кранах и электричество в проводах наличествовали. А на письма ответов не было. Даже спам-рассылка, которой и раньше-то было у нее немного, теперь совсем прекратилась. Но она не переставала ждать. Причем ждала не так, как ждут долгожданной весточки от любимого или писем из дома, а в спокойной уверенности, что когда-нибудь – через неделю, месяц, год – обязательно получит ответ. Почему так была в этом уверена? Она и сама не могла бы объяснить. Знала, и все.

В свободное от работы время она теперь не просиживала сутками в сети. Ей там стало неинтересно, да и сетью молчащее интернет-пространство теперь назвать было сложно. Сеть связи с чем? С внешним миром? И кто там есть, в этом внешнем мире?..

Она оправлялась гулять. Гуляла по выставкам, прежде ее не интересовавшим. Бродила по магазинам, нисколько не привлекавшим ее ранее, а теперь чем-то манившим. Она не могла объяснить, чем именно. Может быть, манекенами... Астэлла пристально заглядывала им в глаза, как бы пытаясь уловить там хоть малый проблеск жизни – искорку смеха, уверенность, что все скоро станет по-прежнему. Но заговаривать с ними все же не решалась. Она примеряла одежду, но никогда не брала себе даже очень понравившуюся; разговаривала сама с собой или с вымышленным визави. Разыгрывала в голове целые диалоги и спектакли. А придя уставшая домой, тихонько что-то напевала.

Решила было натаскать из детских магазинов игрушек, но, быстро разочаровавшись в этих суррогатах человеческого тепла, оставила бредовую затею и отнесла все обратно.

4

Вот и в этот день (выходной?) – она уже начала путать время своего дежурства, да и какая разница, когда именно идти на смену, если кроме нее все равно там никого нет, – она пошла немного прогуляться по улицам. Прохладный ветер играл ее распущенными волосами и легонько щекотал шею. Астэлла шла спокойно, ни о чем не думая, иногда поглядывая по привычке на манекены за стеклами витрин, и вдруг... Вдруг мимолетная улыбка коснулась уголков ее губ. Коснулась украдкой и соскользнула, проникнув глубоко внутрь, разлилась там и осталась мягким теплом. И она почувствовала – нет, глубинно осознала что-то. Что? Она вдруг поняла, что ей ответят. Даже не так: ей *уже* ответили. Это осознание яркой вспышкой озарило все ее существо, и распрямляющейся пружиной Астэлла понеслась на всех парусах домой. И ветер со-

проводил ее полет, и весь мир в этот миг следовал за ней!

* * *

И вот теперь, так и не допив остывший чай, она вернулась к ноутбуку и с замиранием сердца открыла письмо... Трудно, почти невозможно, передать всю многогранность нахлынувших чувств, совершивших переворот в ее душе, когда она начала читать. Текст письма гласил:

«Здравствуйте, уважаемый(ая)!

Так как в Вашем письме нет подписи отправителя, трудно понять, как к Вам обращаться. Если Вы не возражаете, пусть будет просто уважаемый(ая). Итак, уважаемый(ая), Ваше обращение получено и доставлено в соответствующее подразделение, отвечающее за такие происшествия. Нет необходимости беспокоиться или отвечать на это письмо. Все будет урегулировано в соответствии с имеющимся регламентом. Оставайтесь там, где Вы есть, и продолжайте заниматься тем, чем занимались. В надлежащее время Вам будут переданы необходимые инструкции по дальнейшим действиям.

Благодарим за обращение».

И все. Она читала и перечитывала письмо, верила и не верила в его реальность. Танцевала от радостного ожидания скорого своего вызволения и снова переходила к разочарованию, думая, что это просто дежурный автоматический ответ, отправленный какой-то службой спасения на полученный запрос. Она перестала ходить на службу, по магазинам, и наконец даже питаться, потому как продуктов больше не получала, а имеющиеся понемногу закончились. И конеч-

но, она просто закидала почтовый ящик отправителя письмами с благодарностями, мольбами о скорейшей помощи, вопросами о случившемся, основой которых была просьба вступить в переписку.

5

Долгое время ничего не происходило, но Астэлла не теряла надежды и каждое утро, еще полусонная, кидалась к своему верному ноутбуку и проверяла «Входящие». И каждый раз, не получая ответа, верила, нет, твердо знала, что он обязательно будет. И ответ пришел. Текст письма в этот раз был менее официальным:

«Уважаемая Астэлла!

Прошу Вас перестать забрасывать данный почтовый ящик письмами и продолжить ходить на работу, вести привычный образ жизни и ни о чем не беспокоиться. В надлежащее время с Вами свяжутся. Будьте спокойны и терпеливы.

С уважением...»

Невозможно представить, как обрадовалась девушка этому еще более короткому сообщению. Во-первых, она поняла, что о ней помнят и не дадут пропасть, во-вторых, что с ней ведет переписку не автомат, а кто-то пусть очень строгий, но такой же, как и она, живой и разумный. И это понимание наполнило ее таким теплом и внутренним спокойствием, что она первую за долгое время ночь спала сном младенца и проснулась жизнерадостная и бодрая. На следующее утро она вышла на работу. Продукты снова начали регулярно поступать, а Астэлла с каждым днем ощущала себя все более вдохновенной и счастливой.

Какое-то время она была настолько довольна собой и ожиданием скорых перемен, что даже перестала

ла слать ежедневные послания неизвестному респонденту. Но в какой-то момент под влиянием импульса ей вдруг захотелось написать не SOS-сообщение, а просто письмо другу, и она написала:

«Дорогой друг!

Жаль, не знаю, как к Вам обращаться, но хочу выразить свою искреннюю благодарность за поддержку и обещание помощи! Ваш ответ возродил во мне надежду, что в этом мире я не единственная оставшаяся. А так приятно пообщаться с кем-то живым, дышащим и думающим, пусть даже в сухом электронном виде. Наверное, Вы не захотите мне снова написать, но если вдруг почувствуете такую же, как и я, внутреннюю потребность поговорить с кем-то по душам – с радостью Вам отвечу.

В ожидании ответа, с теплом и благодарностью...»

Вопреки ожиданию ответ пришел почти сразу:

«Дорогая Астэлла!

Спасибо за Ваши добрые слова! Всегда приятно получать такие письма, где бы ты ни был и кем бы ни работал. Еще раз хочу Вас успокоить, сообщив, что о Вас действительно помнят. К сожалению, я не вправе сейчас открыть Вам все детали сложившейся ситуации, но уверяю, что в свое время Вы все узнаете. Оставайтесь в уверенности, что все идет как надо и сложится (уже складывается) благоприятно.

С неизменным уважением и пониманием...»

Надо ли говорить, каким светом и радостью переполнилось сердце девушки. Она впервые за долгое время подошла к зеркалу и с улыбкой заглянула в глаза своему отражению.

В этот раз после дежурства она снова отправилась по магазинам. Шла и напевала, иногда радостно подпрыгивая, легко словно перышко взмывая и будто даже зависая на короткий миг в воздухе. И удивительное чувство окрыленности переполняло ее. Астэлла заглянула в давно приглянувшееся кафе, села за столик и сделала вид, что диктует заказ. Потом зашла за барную стойку и сделала себе кофе. Такое она позволяла себе впервые и чувствовала себя при этом не барменшей... триумфатором и царицей одновременно! И так ей было хорошо, как давным-давно не бывало.

Придя домой, она сразу принялась писать новое сообщение.

«Дорогой друг!

Сложно передать, как меня обрадовало Ваше новое письмо! Оно вернуло меня к полной радости и удовольствия жизни! Не будет ли фамильярностью спросить, как зовут моего вдохновителя? Если сочтете этот вопрос бестактностью – можете его просто проигнорировать, но, прошу Вас, не прерывайте со мной переписки, единственной ниточки, связывающей меня с миром живых! Ах как хорошо, как приятно знать, что обо мне думают, меня помнят и скоро придут на выручку! Еще раз примите мою самую горячую благодарность!

С трепетным ожиданием ответа и душевным теплом...»

На этот раз ответ несколько задержался, но тон письма оказался менее сдержанным и, читая его, Астэлла испытала удовольствие сродни приятному нежному объятию рук близкого человека.

«Дорогая Астэлла!

Могу только представить, как одиноко и уютно может быть человеку, неожиданно оказавшемуся в силу сложившихся обстоятельств в одиночестве. Поэтому принимаю Вашу восторженную благодарность, хоть она мной не столь уж и заслужена. Свое настоящее имя я могу сообщить, но Вам оно вряд ли что-то скажет, поэтому, раз Вам так уж необходимо отождествлять собеседника по переписке с каким-то конкретным именем, называйте меня Аллаэстер. О Вас действительно думают, и думают больше, чем Вы представляете. Пока не могу сказать больше. Заверяю еще раз, что все сложится (верно: сложилось) хорошо. Живите и спите спокойно. До связи.

С теплом...»

Она смеялась, от всей души хохотала, кружась по комнате, запрокинув голову и раскинув руки. Потом, подойдя к зеркалу, пристально и придирчиво себя оглядела и решила после следующей смены навесит SPA-салон. Спешить с новым письмом Астэлла не стала, тщательно его продумала и наконец написала следующее:

«Дорогой Аллаэстер!

Скорее всего, Вам трудно представить, как приятно общаться с живым существом, называя его по имени, после долгого пребывания в вынужденной изоляции! Пусть даже и по электронной почте. Это будто плывешь долго-долго на лодке один среди океана. На лодке с автоматическим обеспечением всех необходимых нужд, но испорченными системой навигации и рацией. Плывешь, понимая, что надежно защищен от любых бурь и штормов, но напрочь лишен возможности связаться с береговой службой. И в один прекрасный день вдруг получаешь по рации едва уловимый сиг-

нал. Такое описание, возможно, передает мои ощущения, но лишь отчасти. Далеко не весь спектр эмоций и чувств. Я понимаю, что по долгу службы Вы не можете часто выходить со мной на связь и не рассчитываю на скорый ответ. Также понимая, что Вам не разрешается разглашать подробности происшедшего и сроки реализации планов по моему освобождению, прошу лишь не прерывать нить общения, чтобы маячок моего ожидания хоть иногда мог получать подпитку извне. И тогда я спокойно и уверенно смогу ждать столько, сколько понадобится.

В терпеливом ожидании ответа, с теплом и благодарностью...»

7

Ответ пришел после нескольких дежурств, но на этот раз Астэлла пребывала в спокойной уверенности в его скором получении. Она уже так не волновалась, открывая новое письмо, только приятное тепло и радостное предвкушение выдавали ее нетерпение.

«Дорогая Астэлла!

Вы правы, мне сложно представить все Ваши переживания и чувства, когда сигнал SOS, отправленный в эфир, как Вы выразились, поврежденным радаром Вашего кораблика, был мягко пойман в сети службой нашей навигации. Но понять могу... Вполне. Сложнее понять другое: как межпространственный Ваш кораблик столь долго мог носиться по молчавшему эфиру и не ощущать этого безмолвия? Если можете это растолковать – буду весьма признателен. Ведь каждому из нас необходимо хоть иногда человеческое тепло того, кто рядом, доброе слово ободрения, дружеское плечо помощи. Хотя бы просто "Хорошего дня" или "Привет"... Или в Вашем случае я ошибаюсь? Что Вас

побудило по собственной воле – и уже давно – оборвать все связи с внешним миром? В какой именно момент Вам стало комфортнее оставаться в собственном обществе? Если не хотите отвечать или считаете подобные вопросы не деликатными – настаивать не стану. Просто хочется понять.

С теплом и участием...»

И она стала вспоминать: действительно, когда? Когда она почувствовала, что безопаснее быть одной и ни от кого не зависеть? Быть может, после потери родителей? Они с братом были уже почти взрослые, когда их не стало. И пусть прошло уже столько времени, ей до сих пор больно. Нет, невозможно об этом вспоминать. Астэлла ни с кем не была так близка, как с мамой. И... Нет. Эта тема оставалась для нее закрытой. Даже теперь она запрещала себе об этом думать. Потому и не знала, что ответить Аллаэстеру. Ах, был бы рядом сейчас брат! Брат... Алагриэль. И она стала думать о нем. Тут ее воображение ничем не ограничивалось и могло развернуться во всю необъятную ширь.

Вот они маленькие. Играют в песочнице, и ее, старшую – пусть всего на год – сестру, обижают соседский мальчишка, вываливая за шиворот совок песка. Она даже испугаться и растеряться не успела, как отважный Алагриэль бросается с кулаками на обидчика, который на голову выше их обоих. И что? Тот заплакал. Заревел, как сирена, и побежал жаловаться маме. Их маме... Стоп. Здесь красный свет. Запретная зона. Дальше... Они с братом подростки. Школьный вечер танцев. Ей нравится один парнишка, товарищ брата, и Алагриэль об этом знает. Он всегда знает все ее секреты, но никому никогда не выдает. Даже маме. Ох... Нет, об этом тоже, пожалуй, не надо. Не сейчас. Еще рано. Пока рано. В эту ночь

она засыпала в слезах. И ей впервые за долгое время приснился сон.

8

Солнечный летний день. Лесная поляна с сочной зеленой травкой. Они с братом беззаботно играют на расстеленном одеяле. Сколько им? Может быть, лет по шесть-семь. В сновидческом своем сознании Астэлла на этом не фиксируется. Они радостно, перебивая друг дружку, шутя, спорят о чем-то, и вот она кричит ему, чтобы догонял, и со всех ног бежит по направлению к лесу. Брат подхватывается бежать за ней, но не может угнаться, настолько быстры ее длинные ноги, настолько скор и стремителен бег. Бег ли? Скорее полет. Да, самый настоящий полет! И вот чудится ей, что близится лес. Лес какой-то странный, словно из древних сказаний: огромный, грозный, сказочный... Хочет Астэлла прервать свой радостный полет – и нет на то ее моченьки. Не хватит силы, чтобы изменить траекторию, свернуть или пролететь мимо. И с мягким хлопком лес принимает девочку в свои сказочные объятия. В первый момент она, объятая ужасом, пытается вырваться, закричать, но вдруг понимает: нет никакого леса. И нет в ней при этом ни страха, ни удивления, нет ничего пугающего или даже странного – это она, она сама, и все страхи ее просто надуманны. И в эту самую секунду Астэлле заключают в объятия ласковые, всепонимающие, любящие мамины руки. И она в сладком упоении погружается в них.

Проснулась девушка вся в слезах, но это были очищающие слезы...

В тот день она написала:

«Дорогой Аллаэстер!

Вы задали вопросы, которые действительно оказались для меня не то что бы неделикатными, но довольно сложными... Наверное, даже для собственного осмысления. Возможно, Вы найдете все

это странным, но я никогда не задумывалась об этой стороне моего уединения, о которой Вы спросили, – добровольном отстранении от остального мира. Но коль скоро вопрос был задан, я стала размышлять. И вот что пришло мне в голову в этой связи... Попробую объяснить. Думаю, Вы не сочтете мой порыв неуместным, а сумбурный поток мыслей, которые я сейчас Вам выложу, – навязчивым... Но уж если сочтете, так тому и быть.

Наверное, когда-то и я была порывистым, любящим существом, которое не менее других реагировало на разные проявления внешнего мира. Так остро, что в какой-то момент не смогло уже вынести этого и... Да, Вы правы, я замкнулась, уйдя в свою раковину. И мое убежище мнилось спокойным, уютным и надежным. Но это оказалось не совсем так. Точнее, это не было решением, я хочу сказать, единственно верным в то время решением. И... похоже, я совсем запуталась. Даже не знаю, что именно хочу Вам объяснить. Но Вы спросили, и я постаралась ответить насколько могла откровенно. Простите, если не смогла объяснить или... сама, может быть, что-то переосмыслить. Но... в общем, если я сейчас не отправлю это письмо... Может быть, в другой раз у меня не хватит решимости... Так открыться перед... пускай даже перед неизвестным далеким (да и верно ли существующим?) собеседником. Итак, долой сомнения. Отправляю, не перечитывая, и будь что будет!»

Она отправила это письмо даже без подписи. И с той поры ей снова стали сниться сны.

9

Ответ не замедлил быть.

«Дорогая Астэлла!

*Все правильно. Так должно было быть. Вы от-
вернулись от мира, и он ушел от Вас. Не пугай-
тесь! Теперь не надо. Теперь все хорошо. И с каж-
дым часом Вам будет легче.*

*Не грустите. Идите прогуляться по магази-
нам. Поговорите с манекенами. Разглядывайте
витрины, примеряйте одежду, выберите самую
понравившуюся и несите ее домой. Включите при-
ятную музыку. Заварите крепкий чай. Покружи-
тесь в обновках перед зеркалом. Побалуйте себя.
Ваше избавление на подходе.*

Со всей сердечностью, Аллаэстер».

И она отправилась на прогулку. Пройдясь по магазинам, перемерив кучу одежды, от белья до курток, вдоволь наболтавшись с манекенами и напившись по кафетериям кофе из автоматов, покрасневшая и немного запыхавшаяся, Астэлла с двумя пакетами «покупок» завалилась наконец в квартиру. Битый час она вертелась перед зеркалом, недоуменно таращась на свое несколько ошалевшее от трансформации привычной личности отражение. Снова примерила каждую обновку и, довольная собой и своим все еще ошарашенным от происходящего отражением, блаженно занырнула в ароматно-солевую ванну.

В эту ночь ей снился сон. Она – подросток, еще угловатая, но уже складненькая девушка – видит себя как бы немного со стороны: будто идет по улице, а вместе с ней движутся люди. Толпы людей. Просто какой-то человеческий океан. И ей от этого неуютно и как-то странно. Только непонятно, что больше отягощает восприятие: разномастность людская раздражает или то, что люди не обращают на нее внимания. И тут она наперекор всем начинает двигаться против человеческого потока. А он, поток, густеет, становится плотнее, превращаясь в лаву, которая не обжигает, но цепляется за нее, за-

медляет движения. И затягивает девушку куда-то вниз. Она в испуге пытается кричать, но крик замирает невысказанным, движения еще более замедляются, и вот она уже просто песчинка: плывет, течет, как лава, вместе с другими такими же песчинками мироздания. Но ей уже не страшно. Наоборот, ей хорошо и приятно... и ничего не хочется в этом течении менять. И яркий свет далеких звезд сопровождает это движение.

А наутро пришло новое письмо.

10

«Дорогая Астэлла!

Все хорошо. Вы на правильном пути. Продолжайте двигаться по велению своего сердца, слушайте его, оно не подведет, всегда подскажет верное направление. Ваше добровольное испытание скоро закончится, и Вы получите... да Вы сами скоро все узнаете. Верьте, что о Вас помнят и желают только добра!

С искренней душевностью, Ваш Аллаэстер».

И она поверила, точнее, и сама уже знала, что скоро все это закончится и она будет вместе... Вот только с кем? С кем вместе она хотела быть?.. Этого еще не осознавала. Отвечать на это письмо она не стала.

Вместо этого Астэлла снова полезла в интернет. Что-то искала. Сама не до конца понимала что, но, прислушиваясь к своему внутреннему голосу, верила, когда найдет – сразу узнает. Теперь девушка посещала не суховатые сайты научно-исследовательских институтов – почему-то ее тянуло на литературные форумы: перечитывала и заучивала чьи-то неизвестные стихи, грустила над новеллами и смеялась юмористической прозе. А потом ей захотелось обсудить с кем-то прочитанное. И она пожалела, что

когда-то давным-давно прекратила любое, даже виртуальное, общение.

Тогда она решила продолжить вести дневниковые записи. Астэлла достала свой старый дневник – обычную ученическую тетрадь, куда в юности завела привычку записывать как свои, словно приходящие ниоткуда, порой странноватые мысли, так и понравившиеся высказывания других.

И прежде чем открыть новую веху своих «литературных» заметок, перечитала последнюю страницу. Для нее оказались неожиданными те размышления. Прежняя версия Аэсты – она даже с трудом вспомнила, что ее тогда так называли родные и друзья (а что, оказывается, были даже друзья?), – итак, прежняя ее версия торопливо угловатым, размашистым полудетским почерком выводила:

«У Вас бывают такие дни, когда кажется, будто специально с самого утра все словно сговорились тебя обижать? То на уроке поставят плохую отметку, то за косу дернут на переменке, то на улице окатят грязью, да еще и обругают. И хочется опустить руки и захлопнуться в створки раковины. Как же тогда поступить? Отгородиться от мира и затаить обиду? Нет конечно! Улыбнуться... Просто и открыто! И радость наполнит твое сердце и по цепочке передастся дальше, дальше, еще дальше, до самых дальних уголков планеты. Ты почувствуешь, что делиться своим от души идущим теплом так хорошо и приятно, что и самому больше не захочется никогда грустить».

И это она написала? Правда она? Что же такое потом произошло с этой девочкой, что она перестала быть открытой миру? Астэлла не знала. Но зато почувствовала, что в ней снова просыпается та маленькая наивная девочка, которой хотелось улыбаться и

радоваться каждому дню. И разделить эту радость с кем-то близким. И кажется, она понимала с кем...

11

«Дорогой Аллаэстер! – писала она наутро. – Мне сегодня снился новый, какой-то другой, не страшный и не грустный сон. Сам сон я не помню, помню лишь, что, открыв глаза, почувствовала внутри тихую радость и умиротворение. И мне теперь хочется разделить это свое состояние с кем-то. Я даже не понимала, чего была лишена долгие годы, когда намеренно отказалась от общения, добровольно закрылась в себе. Сколько же это продолжалось? Даже не вспомнить. Зато я вспомнила, почему это произошло... И как. Если Вам интересно, я хотела бы Вам рассказать свою историю. Если только правда интересно. Мне теперь нестерпимо хочется с кем-то это разделить. Мою боль. Нет, не так: боль давно ушла, осталось другое. Что именно? Может быть, я пока не полностью осознала, но, кажется, нахожусь на пути к пониманию. Спасибо Вам за душевную поддержку, хотя бы и просто по переписке. Вот ведь как получается: я совсем Вас не знаю, но у меня теперь есть друг. Друг по переписке. Как в детстве. Вы ведь меня понимаете? И пусть я Вас не вижу, но у меня такое чувство, что Вы сейчас улыбаетесь, читая мое письмо. Ведь правда улыбаетесь? Я буквально нутром ощущаю Ваше безразличие.

С искренней благодарностью...»

Написав это, Астэлла отправилась гулять, только теперь не по магазинам. Она отправилась за край поселка. Когда-то там, кажется, был лес... Как же давно она не бывала в нем. Помнится, как-то в детстве с папой и братом ходила туда за грибами и просто погулять. Они набрали тогда каких-то ложных

опенков! Мама потом долго подшучивала над незадачливыми «охотничками», и... Ох, мама. Мама? Оказалось, теперь она может вспоминать о самом дорогом человеке без боли в сердце и кома в горле, который раньше грозил задушить девушку, задавив остротой воспоминания.

В лесу было неожиданно светло и хорошо. И просто приятно. И пусть, кроме ветерка, легко играющего листьями в кронах деревьев, не было ни души, Астэллу это не удручало. Наоборот, она с легкостью и грацией носилась между стволов, играя сама с собой и ветром в прятки, и мурлыкала себе под нос какую-то старую, забытую, а может, даже собственного сочинения, песенку:

*Ветер по лесу гулял, раз и два, раз-два-три,
и девчонку повстречал, посмотри-посмотри.
Он ей волосы трепал, раз и два, раз-два-три,
и косички расплетал, посмотри-посмотри.*

12

Вернувшись с прогулки, она заметила в квартире что-то необычное. Даже сразу не поняла, что произошло. Казалось, само лето заглянуло в открытое окошко и... осталось погостить: такое чувство наполненности вдруг охватило Астэллу. Охватило и осталось в самом потаенном уголке ее существа, затаилось, чтобы остаться там надолго. А может быть, навсегда.

И ей снились люди, много людей. И все милые, добрые, родня будто даже. Но чувство такое, что все куда-то собираются уходить, находятся в приятном волнении, приподнятом «чемоданном» настроении, обсуждают детали переезда, но ее, Астэллу, в это обсуждение не принимают. Не то чтобы не замечают или нарочно игнорируют, а, скользнув случайным взглядом, улыбнутся ей, кивнут приветливо и уйдут дальше в радостной своей приподнятости. Ее же

вроде эти сборы словно и не касаются. Она бежит за кем-то, пытается удержать, расспрашивает, даже сердится. Все радушны, приветливы с ней, милы, но будто немного отстранены, будто... и не с ней уже.

Проснулась со странным чувством. Вроде все неплохо, но чего-то ей недоговаривают. Кто? Никого же нет... Астэлла пошла на дежурство в легкой расстерянности. На следующий день пришло письмо.

«Милая Астэлла!

Совершенно не обязательно пересказывать свои давние страхи, горечи и обиды. Совсем не обязательно. Ведь если Вы их изжили – они больше не существуют. Их просто нет. Да Вы и сами это уже знаете, не правда ли? Может быть, лучше поговорим о том, что осталось? Или, напротив, о том, чего нет, а хочется, чтобы было... Где все эти люди из Ваших снов? Куда они подевались? И почему не взяли Вас с собой? И правда ли все это было лишь во сне? Вот, наверное, вопрос, который Вы задаете себе и на который не можете найти ответа. Я прав? А друг по переписке... Знаете, мы всегда получаем то, что нам действительно нужно. И именно тогда, когда это необходимо. И раз Вам нужен друг – конечно, он у Вас есть. И... всегда был.

Улыбаюсь ли я, читая Ваши милые строчки, дневниковые заметки той маленькой девочки, которая была раньше Аэстой? Была – или все еще есть? Может быть, она никуда не уходила? Или, наоборот, ушла со всеми вместе? Вот о чем, если хотите, можем поразмышлять вместе, дорогая Астэлла.

С самым искренним дружеским теплом и неизменной поддержкой...»

Она не опечалилась такому ответу, наоборот, он приоткрыл ей какую-то дверцу. Дверцу в понимание произошедшего. И пусть пока приоткрылась лишь

узенькая щелочка, но Аэста начала осознавать что-то новое. Может быть, новую себя...

13

В это утро шел дождь и идти совсем никуда не хотелось. Астэлла решила побродить по закоулкам своей памяти. По самым дальним ее уголкам, куда давно не забиралась. И помочь ей в этом мог все тот же старенький, юношеских времен дневник. Она отлистала несколько страниц (лет?) назад и прочитала следующее:

«Смотрела я тут как-то одну научно-познавательную передачу и вот о чем подумала: ведь возможно, всему необъяснимому в свою пору найдется простое объяснение! Например, раньше люди не знали, почему идет дождь, гремит гром, – вот и приписывали эти явления чудесам и магическим явлениям. А позже смогли докопаться до истинной причины происходящего, правда... погоду предсказывать так и не научились, даже на самое ближайшее время.

Почему? Да просто мы еще не доросли, не достигли понимания вещей и явлений. Это как в компьютерной игре типа «бродилки» первого уровня. Ходишь себе, ходишь, вроде все подсказки собрал, но не дает покоя чувство, что где-то что-то еще закрыто. И тут – трах-бара-бах! – переходишь на следующий уровень и получаешь новую способность, к примеру, летать! И когда пролетаешь там, где раньше бродил – получаешь кучу амулетов и новых подсказок».

Как интересно... Неужели это тоже она писала когда-то? Астэлла совсем этого не помнила. И вдруг ей пришла в голову одна удивительная мысль: что, если то, чего мы сами о себе или о других не помним,

для нас и не существует? Не *несущественно*, а *не существует* в принципе! А существует только то, что ты сам о себе помнишь, думаешь, как осознаешь себя вот в этот единый момент своего существования. Вот в этот самый. И это осознание себя текуче и нестабильно. Чтобы закрепиться в новом своем осознании себя или, скажем, наоборот, вернуться назад, туда, где был радостен и жил с удовольствием, — надо всего лишь...

Но додумать, довести до логического конца эту мысль она не успела: дверца, распахнувшаяся, казалось, только что во всю ширь, вдруг так же неожиданно захлопнулась. И Астэлла осталась, немного ошарашенная, но, кажется, уже лучше понимающая и себя прежнюю, и себя сиютекущую.

А потом она написала Аллаэстеру:

«Дорогой Аллаэстер!

Как это, оказывается, много — иметь друга по переписке, и как этого мало... Мне теперь мало.

Но я не ропщу, не имею права чего-то требовать или хотя бы просить, когда сама когда-то... Вы правы, я сама прервала все контакты с миром живых. И никогда об этом не задумывалась и не жалела... Жила на автопилоте: дом — работа, ночь — день. Но, видимо, я чувствовала, что вокруг есть этот мир живых, и понимала, что могу в любой момент в него вернуться. А когда его не стало... Я ведь даже не сразу это осознала... просто вдруг действительно почувствовала себя маленькой щепочкой, выброшенной на необитаемый остров. И понимание этого, неприятие, невозможность все вернуть и поправить — вот что на самом деле наполняло мое сердце настоящей тоской. И пока не пришло ответа от Вас... Ведь к тому времени, может быть, я и осознала, как это важно и нужно каждой живой душе: слышать и знать — ты не один, кто-то есть и дышит с тобой рядом.

Кажется, я начинаю догадываться, что происходит, почему рядом со мной образовалась эта пустота. Но вот куда все ушли... Этого я не знаю. Не могу догадаться. Может быть, Вы мне сможете подсказать, что я должна сделать, чтобы... чтобы быть со всеми. Я начинаю догадываться, что все исправить могу только сама.

С грустью в трепетном ожидании ответа...»

14

Астэлла спала. Глубоко и безмятежно, как бывает только в раннем детстве, когда даже в самых далеких астральных полетах на рубеже сознания твердо знаешь, что тебя любят. Любят просто так, а не за что-то. Что ты кому-то нужен, нужен безоглядно, такой, как есть, без всяких условностей и условий. Нужен, и все! Необходим. И поэтому всегда хочется вернуться. Потому всегда и возвращаются...

И дышалось ей легко, свободно! Даже во сне девушка чувствовала рядом, внутри и вокруг целый мир. Астэлла спала, и ей снилось, что пришло новое письмо от друга. Она спала и в то же время, будто наяву, читала ответ, словно ее сознание расслоилось, разделилось надвое и одновременно расширилось и соединилось с чем-то необъятным и очень добрым – любящим.

«Аэста, милая!

Ты права, девочка моя: ты сама отгородилась ото всего мира, а не мир ушел от тебя. Да, ты, и только ты, можешь все изменить. Как это сделать? Ты ведь и сама уже знаешь. Не правда ли, родная? Просто проснись, открой глаза и оглянись вокруг: мы никуда не уходили. Все здесь, вокруг тебя, мы все с тобой рядом: и мама, и Алагриэль, и я... Ты же узнала меня, правда? Просыпайся, моя хорошая! Просто просыпайся... Все давно собрались и

ждут только тебя. Ты же знаешь, без тебя ничего не начнется. Не будет настоящей радости, праздника жизни, истинной любви, наконец. Мы все ждем только тебя! П р о с ы п а й с я...»

Эпилог

Она почувствовала едва ощутимое прикосновение к своему лицу и открыла глаза. И тогда самый любимый голос на свете нежно прошептал:

– С пробуждением, родная!

Алексей Казарновский

Цели появляются у нас по-разному. Некоторые определяются в раннем возрасте и маячат впереди всю жизнь, определяя судьбу человека. Другие возникают спонтанно ниоткуда от одномоментного «хочу» и, не будучи достигнутыми в обозримом времени, постепенно или внезапно растворяются надвигающимся «уже не хочу». Цель поработает, подчиняет себе. Человек, одержимый целью, стремится избавиться от нее, подчиняясь вечному стремлению к свободе. Он ищет пути освобождения, другими словами – достижения цели, ибо достигнутая цель перестает быть сама собой. Ее место спешит занять другая, и так – по кругу...

Член творческой мастерской «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ) и Международного союза писателей «Новый Современник».

Публикуюсь во многих издательских проектах, а также в газете «Интеллигент», журналах «9 муз», «45-я параллель», «Балашиха: голоса сердец», в сборнике «Грушинское братство» (Самара, 2013), автор поэтического сборника «Старый бродяга» (Вологда, 2011), постоянный участник проекта Надежды Стрелковой «Живое авторское слово». Пишу в разных жанрах. В первую очередь поэт, потом – автор песен, и уж совсем потом – прозаик...

Луна 777

В ГСК «Урвалово» дым стоял коромыслом. Кондратьич (сторож-пенсионер) с Кагорычем (мастером-электриком свободного полета) после редкостно удачной халтуры вторые сутки пребывали в состоянии банкета. Расположившись в служебной каморке Кондратьича, мужики вели неспешные философские беседы, перемежая их уверениями во взаимном уважении и душевными тостами. Собака Плюха внимательно слушала, устроившись на ящике спиртного, с которого ей приходилось время от времени слезать, чтобы позволить триумфаторам извлечь и водрузить на стол очередную полную бутылку взамен опустевшей. Многолетняя крыса Люля внимательно следила за происходящим из своего хода в темном углу, ожидая, когда на пол упадут крохи закуски.

Когда все вопросы внутренних взаимоотношений и текущих дел ГСК были уже трижды обсуждены и стало ясно, что, сколько их дальше ни обсуждай, выводы будут все те же, Кагорыч вдруг задумчиво произнес:

– Да... За державу обидно!

– Чего? – не понял Кондратьич.

– Американцы на Луне были? – пояснил свою мысль вопросом мастер-электрик свободного полета.

– Ну были, – лениво ответил сторож-пенсионер.

– А мы? – с горечью спросил Кагорыч.

– А что мы? – Кондратьич еще не уловил, куда клонит приятель.

– То-то! – грустно заключил Кагорыч и повторил культовую цитату, смахивая слезу: – За державу обидно!

– Ты, это... – приятель явно проникся его обидой. – Брось! Если надо и мы полетим!

– А-а!.. – махнул рукой электрик.

– Да не «а», а полетим! – вдруг возбудился Кондратьич. – Прямо сейчас!

Голос его вдруг стал твердым и зазвенел. Он согнал Плюху с ящика и, заглянув в него, растерялся.

– Кагорыч! Пусто. Надо сбегать!

– Плюха! За вином! – командным голосом рывкнул электрик и в сопровождении верного пса удалился в направлении ближайшего винного магазина.

Когда он вернулся с добычей, каморка была пуста. Впрочем, долго искать приятеля не пришлось. Кондратьич был в своем гараже, а гараж у него был замечательным! Не зря сторож-пенсионер считался одним из отцов-основателей ГСК «Урвалово»! Это был не гараж, а целый ангар, и в недрах его Кагорыч обнаружил товарища со сварочным аппаратом возле куска здоровенной трубы. Это была прямо-таки царь-труба диаметром метра два!

– Ух ты! Откуда у тебя такая хрень? – Кагорыч был впечатлен.

– Да тут какой-то трубопровод клали, так я у мужиков за бутылку обрезок прикупил. Думаю, вдруг пригодится. Вот и пригодилась!

– Зачем? – не понял Кагорыч.

– Как «зачем»?! – возмутился Кондратьич. – Ты на Луну летишь или нет?

– Я? – испугался Кагорыч.

– Ты! Тебе же за державу обидно! – Кондратьич испытующе посмотрел на приятеля и добавил: – И мне тоже!

Кагорычу стало стыдно. Он приосанился и деловито спросил:

– А на чем?

– Вот сейчас сделаем корабль. На нем и полетим, – уверенно заявил сторож-пенсионер, зажигая дугу электросварки.

К тому времени, когда Кагорыч подал Плюхе следующую команду «За вином!», Кондратьич уже сварил из обрезков металла два конуса: побольше – головной обтекатель и поменьше – дюзу двигателя.

Вернувшись из экспедиции, электрик и собака заставили пенсионера-изобретателя за монтажом люка-иллюминатора, в качестве которого приспособивался круглый стеклянный люк от стиральной машины.

Во время кратких перекуров с возлияниями Кагорыч задавал умные вопросы, обозначая свое участие в проекте.

– Слушай! Там, говорят, то жара, то холод!

– Все предусмотрено! – гордо заявил генеральный конструктор, показывая в дальний угол гаража. – У меня вон запас шлаковаты. За бутылку у ребят с ближайшей стройки купил. Думал, вдруг пригодится!

– Зачешемся до одури! – возмутился Кагорыч.

– Пустяки! Сверху рубероидом закроем! – уверенно отвечал Кондратьич, вытаскивая из груды хлама рулон рубероида.

– А как ты орбиту считаешь? – умничал Кагорыч.

– А как ты зазор в трамблере регулируешь? – ответил вопросом на вопрос астронавт-любитель.

– Как? На глаз!

– А зазор какой?

– Ноль четыре миллиметра.

– Ты на глаз ловишь ноль четыре миллиметра, что же, я на глаз в Луну не попаду? – урезонил скептика Кондратьич.

– А топливо? – уже осторожно спросил Кагорыч.

– Сейчас сгоняем на бензоколонку, – деловито отвечал покоритель Луны, гремя пустыми канистрами.

– Топливо – это полдела, – поучал он приятеля. – Нужен еще и окислитель!

И поволок из дальнего загашника кислородные баллоны, поясняя:

– На стройке у ребят за бутылку купил. Для газосварки, да и мало ли еще для чего, думаю, пригодится. Опять же для дыхания!

Когда прозвучала очередная команда «За вином!», генеральный конструктор прилаживал трубки от тормозной системы ГАЗ-66 с электробензонасосами от печки «запорожца» и запальником от бытовой газовой колонки с электроподжигом.

– Аккумулятор нужен! – пробурчал он.

– У меня есть! – живо откликнулся увлеченный Кагорыч. – Хороший! От трактора, на 140 ампер-часов!

– За бутылку купил?

– Ну да! У тракториста.

– Еще нужны маневровые двигатели для поворотов! – озабоченно объявил Кондратьич и стал городить систему водопроводных труб, торчащих наружу открытыми концами в четырех направлениях, к которым через водопроводные же вентили подключался большой порошковый огнетушитель.

– У ребят купил в пожарной части за бутылку, – пояснил он.

Кагорыч давно понял, что экспедиция затеяна всерьез и беспокоился все сильнее, несмотря на периодический прием очередной дозы народного успокаивающего. Последней отчаянной попыткой пресечь энтузиазм другана встал вопрос:

– А как с ракетой-носителем?

– У нас свои оригинальные инженерные решения! Мы не копируем предшественников, которые так и не сумели решить техническую задачу! – гордо заявил Кондратьич и стал разбирать пол в гараже. Кагорыч не успел удивиться, как изобретатель извлек из-под пола несколько солидного размера труб серебристого цвета.

– Пороховые ускорители от МИГ-21, – пояснил он. – Когда-то купил у знакомого прапорщика на авиабазе за бутылку. Думал, вдруг пригодятся!

Пороховые ускорители были привинчены к бортам корабля болтами.

– Ну, теперь все готово! – удовлетворенно сообщил Кондратич, закончив установку приборной доски от ЗИЛ-130. – Пора позаботиться о припасах!

– За вином! – рявкнул Кагорыч, и они с Плюхой двинулись знакомой тропой, а изобретатель-командир с помощью автоприцепа и лебедки стал выкатывать на двор и устанавливать в стартовое положение свое детище.

Загрузив на борт два ящика вина, приятели стали (один с гордостью и удовлетворением, другой с опаской) осматривать готовый аппарат.

– Красота! – радовался Кондратыч.

– Ну вот! А говорят: «Страну пропили!»! Жидомасоны хреновы! – в сердцах произнес Кагорыч и бестактно спросил, рассматривая сварку на корпусе: – А швы герметичны?

– Это мои швы! Других таких швов нет! – обижено парировал Кондратич и, вздохнув, добавил: – Ну, с богом!

Он достал из-за стеллажа два костюма химзащиты и изолирующие противогазы.

– У прапорщика купил? – с пониманием спросил Кагорыч.

– У прапорщика, но у другого, из училища войск химзащиты. За бутылку. Думал, вдруг пригодится!

Приятели совсем уже было собрались обмундировываться, как вдруг Кагорыч остановился:

– Э-э, так не пойдет! А как же ритуал? Порядок должен быть!

– Разбить бутылку о борт? – тревожно спросил Кондратич, косясь на припасы.

– Ну, это тоже... – неуверенно пробормотал электрик-космонавт. – Главное – имя нужно кораблю!

– Верно! Нужно! – согласился изобретатель, ставший уже командиром корабля. – Как назовем?

– «Агдам»! – выпали Кагорыч.

– Почему «Агдам»? – засомневался командир и задумчиво процитировал: – Как вы судно назовете, так оно и поплывет.

– Красиво, и напиток хороший: дешевый и забористый! – пояснил свою мысль Кагорыч, ставший уже бортинженером.

– Нет! – забраковал Кондратьич. – Не по-русски. Нам же за державу обидно!

– Тогда «Кавказ», – отступил на полшага Кагорыч. – Тоже ничего: и дешево, и по мозгам дает как надо.

– Нет! – опять не согласился командир. – Кавказ – земля не так чтобы очень русская. Был бы ты Кагоросян, а я Кондратошвили – другое дело! Как наши автоматические станции назывались?

– Ну, «Луна»... «Луна-9», «Луна-10».

– Вот это другое дело!

– Тогда – «Луна 777», – возбужденно и радостно закричал Кагорыч. – Тоже хороший портвейн! Дешевый и злобный!

На том и порешили. Поколебавшись, все же разбили о борт бутылку, но не полную, а немного недопитую. Выпивки жалко, но с судьбой не шутят!

Облачились в «скафандры», забрались в ко рабль. Плюха вдруг заскулила и заметалась снаружи у не закрытого еще люка.

– Ну, полезай сюда, – благодушно пригласил Кондратьич. – Будешь у нас Белкойистрелкой!

Собака радостно запрыгнула внутрь и устроилась на «припасах». Пришла провожать и многодетная крыса Люля. Она тоже хотела на Луну, но материнский долг не позволял отлучаться надолго, да еще и с риском для жизни. Ей пришлось удовлетвориться статусом временно исполняющей обязанности ответственной за собачью миску на период отсутствия Плюхи.

Космонавты задраили люк от стиральной машины, налили на посошок. Кондратьич лихо опрокинул

стакан и повернул ключ в замке зажигания от ЗИЛ-130. Электромотор от стеклоочистителей «победы» закрутил вал трамблера от «москвича», заискрили свечи, поджигая порох в пороховых ускорителях от МИГ-21. Корабль затрясся и, объятый дымом и пламенем, оторвался от земли, набирая скорость.

– Запускай вторую ступень! – скомандовал Кондратьич через несколько минут. Кагорыч отвернул вентиль кислородного баллона и включил зажигание второй ступени. Рев двигателей усилился, но через некоторое время ослаб.

– Отработала первая ступень! – объявил командир и стал газовым ключом отвинчивать болты крепления пороховых ускорителей. Он быстро затыкал открывающиеся на их месте свистящие дырки заранее приготовленными заплатками из стеклоткани на сырой резине и промазывал их для надежности эпоксидкой.

– Выключай двигатель! – скомандовал Кондратьич через пару часов. – Скорость набрали достаточную.

– Откуда знаешь? – поинтересовался Кагорыч, закрывая подачу кислорода и выключая зажигание.

– Чувствую! – исчерпывающе объяснил командир, манипулируя водопроводными вентилями маневровых двигателей. Он нацеливал корабль на Луну.

На четвертые сутки полета всем сильно надоела невесомость. Плюха плавала по кабине и постоянно оказывалась в самых неподходящих местах. Кагорыча укачивало. Ящики с припасами и пустой посудой пришлось привязать, стаканы и недопитая бутылка тоже постоянно куда-то уплывали. Однако хуже всего было то, что спиртное не хотело больше вылезать из бутылки. Его приходилось вытряхивать наружу, а потом ловить ртом образующиеся шары жидкости, гоняясь за ними по всему пространству корабля. Один пузырь по недосмотру попал Плюхе прямо в

морду. Она напилась и начала петь неприличные песни, которые ужасно раздражали Кондратьича, бывшего по первому образованию филологом. Назревала проблема психологической несовместимости членов экипажа.

Впрочем, Луна была уже совсем близко и командир, втянув в себя очередной пролетающий мимо шарик горячительного, начал процедуру прилунения. Опять заработали маневровые двигатели. Кондратьич развернул аппарат дюзой к поверхности и запустил маршевый двигатель для торможения. Тягу регулировал сам, не доверяя эту ответственную операцию бортинженеру.

– Ты, Кагорыч, не обижайся, но чутье у тебя не то! – пояснил Кондратьич. – Правильно затормозить не сумеешь. Разобьешь аппарат. Ты ведь и бутылку поровну на троих никак разлить не можешь!

Посадка была мягкой, и, когда осело облако пыли, через люк от стиральной машины космонавты увидели безжизненный лунный пейзаж.

– Ну, с прибытием! – радостно воскликнул Кагорыч, разливая содержимое, приобретшей тяжесть бутылки, по надежно стоящим на столике стаканам.

Три дня прошли в пышных празднованиях замечательного достижения русской мысли и духа. Дым стоял коромыслом в буквальном смысле – в закрытой кабине накурили так, что хоть топор вешай. Произносились витиеватые тосты и помпезные поздравления, соответствующие случаю. Бутылки на столе сменяли одна другую. Немного испортила настроение Плюха, нагадившая от ностальгии и клаустрофобии в ящик с пустой посудой. Зато, протрезвев, она перестала петь неприличные песни, досаждавшие Кондратьичу.

Вдруг зазвонил телефон. Кагорыч взглянул на дисплей своего мобильного и пробурчал:

– Валька...

– Да! – сказал он неуверенно в трубку. Послушал и произнес: – На Луне.

Потом долго слушал, время от времени произнося:

– Валь... Ва... Валенти... Ну... – и наконец закончил, перед тем как отключиться: – Твою мать!

– Во как мобильная связь у нас работает! – прокомментировал Кондратьич с гордостью. – А ты говоришь: «За державу обидно»!

Загустивший Кагорыч полез за новой бутылкой.

– Слушай! – вдруг сказал он. – Всего семь штук осталось!

И тут же произнес боевой клич «За вином!», вызвавший восторг у затосковавшей Плюхи, после чего попытался открыть входной люк. Командир едва успел его остановить:

– Стой! Ты куда? Там же вакуум!

– Ну и что? – удивился Кагорыч. – Я же только до магазина и обратно! С мужиками! Да и проветрим заодно. Вон как накурено, а никотин, между прочим, вреден, равно как и смолы.

– Ты что, спятил? С какими мужиками?! Весь воздух выпустишь! Дышать чем будем? – вопил Кондратьич.

– А вот, посмотри, мужики зеленые в магазин пошли! – Кагорыч упорно тыкал пальцем в иллюминатор. – И я с ними, а то все раскупят! Я только до магазина!

– Какой магазин? Ты же на Луне! – пытался вразумить его Кондратьич. Взглянув в иллюминатор, он никаких зеленых мужиков не увидел. Там были обыкновенные черти неопределенного цвета, и шли они не в магазин, а на футбол, скандируя речевку: «Нет на Луне еще пока команды лучше “Спартак”». Речевки, впрочем, слышно не было. Вакуум звук не проводит, как хорошо знал Кондратьич.

– Так что? На Луне нет магазина? – удивился Кагорыч. – А на хрена тогда мы сюда прилетели? Летим обратно!

– Летим! – согласился Кондратьич. И они полетели.

Обратный путь космонавты провели в постоянной тревоге. Спиртное неумолимо иссякало.

Наконец, на четвертый день обратного полета, когда, несмотря на все предпринятые крайние меры экономии, была почата последняя бутылка, аппарат вошел в плотные слои атмосферы. Кондратьич орудовал вентилями, управляя двигателями. Кабина наполнилась невыносимым жаром и дымом с запахом раскаленного металла. За люком от стиральной машины космонавты наблюдали бушующее пламя обгорающей стальной оболочки корабля. Наконец скорость упала, и Кондратьич отстрелил тормозной парашют, купленный по случаю у инструктора парашютной школы за бутылку.

Корабль плавно опустился на землю прямо возле гаража Кондратьича. Покинув аппарат, Кагорыч первым делом плюнул на раскаленную внешнюю поверхность. Он с восхищением наблюдал, как, шипя, испаряется плевок. Потом начал провозглашать боевой клич: «За ви...», но осекся.

– Кондратьич! Деньги все! – растерянно пробормотал бывший бортинженер. – До копейки...

– Э-эх! – вздохнул командир, выбираясь наружу. – Ну ничего! В следующий раз халтурка будет – на Марс махнем! Там америкосы еще не были!

– А магазин там есть? – вдруг спросил Кагорыч.

– А черт его знает... – честно признался Кондратьич.

Два дня спустя председатель ГСК «Урвалово» Эсмеральдыч распекал нерадивого сторожа. Заодно прилетало и Кагорычу – как соучастнику.

– Где тебя черти неделю носили? – кричал начальник. – Я тебе зарплату за что плачу? Почему ты не был на рабочем месте? Где вы, черти, бухали? Неужели нельзя это было делать здесь, на месте? Ну, что молчишь? Где вы были?

– Не помню, Эсмеральдыч, хоть убей! – растерянно бормотал Кондратьич. – Бес попутал, перебрали. Начали вроде здесь, а дальше не помню...

– А ты? – председатель обратился к Кагорычу. – Ты-то что-нибудь помнишь?

– Не... не помню, – потеряно лепетал электрик-бортинженер.

– А что за обгорелая хрень стоит у твоего гаража и загораживает проезд? – продолжал бушевать Эсмиральдыч.

– Не помню... – Кондратьич мучился, пытаясь не утонуть в провале собственной памяти. – Может, на машиностроительном заводе за бутылку купил?

– На кой она тебе?

– Вдруг пригодится...

Так и остался незамеченным этот исторический эпизод. По воле случая и капризу судьбы он не был зафиксирован ни в официальных документах, ни в прессе, ни в фольклоре. Только ночами, когда Люля со всем своим семейством приходит в гости к Плюхе, бывшая Белкаистрелка самозабвенно и увлекательно рассказывает гостям о своих космических приключениях, а взволнованные слушатели тем временем старательно поглощают содержимое собачьей миски...

Литературно-художественное издание
МОСКОВСКИЙ ДОМ
Выпуск №10

ЗАМКНУЛСЯ КРУГ

Руководитель проекта «Московский Дом»
Ольга Грушевская

Подготовка оригинал-макета и дизайн
Группа «Московский Дом»

Редакторы
Ирина Чижова
Всеволод Круж

Обложка
На первой странице
Александр Белугин «Opus 19/21». 2019.
Акрил, холст.70/65. Фрагмент
На четвертой странице
Александр Белугин «Земное-небесное». 2018.
Акрил на холсте.120/100. Фрагмент

Компьютерный дизайн обложки
Алексей Старобурасовский

Подписано в печать 29.03.2019 г. Формат 60х90 1/16
Усл. печ. л. 15,63. Тираж 170 экз.
Заказ № Мо1_0810_009

Московский салон литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru
Отпечатано в «ОнтоПринт»
www.ontoprint.ru

Серия книг «МД» Современная поэзия и проза МОСКОВСКИЙ ДОМ

Серия книг «МД» представляет собой литературно-художественное издание и включает как поэтические, так и прозаические произведения различных жанров: реализм, детектив, фантастика и фэнтези, мистика и приключения, мистический реализм, пьесы.

И хотя преимущество имеют московские авторы, члены МОССАЛИТа и Московское региональное отделение МСП «Новый Современник», составители сборника также будут рады гостям из других регионов и даже стран. В сборнике «МД» всегда найдется место талантливым и разносторонним авторам.

Заявки на участие в проекте и приобретение книг:
stephania_05@mail.ru